К. И. АРАБАЖИНЪ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

О

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

(Народный Университетъ)

Книга первая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЯСНАЯ ПОЛЯНА“.
1909.

РУ
761
2т

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

Типографія Александръ Улыбинъ. Спб., Загородный пр. № 8.

Вмѣсто предисловія.

Печатаемыя въ этой книгѣ очерки по литературѣ составляютъ часть прочитанныхъ авторомъ въ 1907—1908 гг. публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ въ большой аудиторіи Тенишевскаго училища отъ имени „С.-Петербургскаго Общества Народныхъ Университетовъ", а также и въ другихъ залахъ столицы (въ Соляномъ Городкѣ, театрѣ Комиссаржевской, Александровскомъ залѣ Городской Думы, Каменномъ театрѣ за Невской заставой, въ Народномъ Домѣ Нобеля, въ залѣ Гражданскихъ Инженеровъ, въ Петровскомъ Коммерческомъ Училищѣ, въ Смоленской школѣ, на Нарвскихъ рабочихъ курсахъ и въ нѣкоторыхъ рабочихъ клубахъ. Эти-же лекціи были прочитаны и въ другихъ городахъ: въ Ригѣ, Митавѣ, Вильнѣ Двинскѣ, Псковѣ (отъ мѣстнаго „Общества Народныхъ Университетовъ"), Витебскѣ, Новгородѣ, Минскѣ, Гатчинѣ, Ревелѣ, Юрьевѣ, Кеммернѣ и пр.

При составленіи лекцій имѣлось въ виду соединить научность содержанія съ общедоступностью изложенія; эта цѣль была, повидимому, до извѣстной степени достигнута, если судить по тому, что лекціи посѣщались самой разнообразной по составу публикой и почти всѣ были повторены по нѣсколько разъ. Такъ, напримѣръ, лекція о Л. Андреевѣ была прочитана въ Петербургѣ 10 разъ, о Л. Н. Толстомъ 7 разъ *), о М. Горькомъ 3 раза, о Чеховѣ 3 раза, о Вопросахъ пола 4 раза и т. д.

Самый интересъ къ лекціямъ по литературѣ свидѣтельствуетъ о созрѣвшихъ потребностяхъ всѣхъ классовъ населенія въ самообразованіи. Передъ русскимъ лекторомъ открылась теперь еще не такъ давно запечатанная семью замками—*громадная всероссійская аудиторія*, на встрѣчу которой онъ и долженъ итти. Высшіе художественные и научные интересы вышли изъ тѣснаго круга академическихъ твердынь и становятся доступными массамъ.

Въ единеніи съ этими массами, современный лекторъ „народныхъ" университетовъ почерпнетъ новую энергію для дѣятельности и найдетъ новый источникъ независимости для служенія свободной наукѣ.

К. Арабажинъ.

*) Въ Тенишевскомъ залѣ, въ театрѣ Комиссаржевской, въ залѣ Петровскаго Училища, въ залѣ Нобеля, въ Академіи Художествъ, въ Смоленской школѣ и на Нарвскихъ курсахъ, а всего 17 разъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

(Какъ личность, художникъ и мыслитель).

I.

По вѣрному замѣчанію Н. К. Михайловскаго „великіе люди не сваливаются къ намъ съ небесъ, но отъ земли подымаются къ небу". Горныя вершины не стоятъ на болотѣ. Очевидно не случайность и появленіе Л. Н. Толстого на русской почвѣ. Оно подготовлено всѣмъ ходомъ русской исторіи и, создавшейся подъ ея вліяніемъ, расовой психологіей. Русскому народу искони присуще правдоискательство. Можетъ быть это просто свойство юности, которая ярче воспринимаетъ всѣ противорѣчія жизни и тѣмъ сильнѣе ищетъ правды. Еще В. С. Соловьевъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что изъ массы произведеній церковной византійской литературы, нахлынувшихъ къ намъ вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, русскій человѣкъ выбиралъ себѣ по преимуществу тѣ, которыя трактовали вопросы морали и гораздо меньше интересовался эсхатологическими и догматическими вопросами. Въ народной поэзіи тоже любимые герои Илья Муромецъ, который не мыслитъ зломъ и на татарина, всегда глубоко правдивъ, и Иванушка-дурачекъ, который глупъ не болѣе, чѣмъ Чацкій сумасшедшій, но за то онъ не отъ міра сего, чуждъ практическихъ расчетовъ и обмана.

Если съ одной стороны Толстого подготовляла народная психика, то съ другой онъ явился блестящимъ завершеніемъ расцвѣта русской литературы—эпохи Пушкина, Герцена, Тургенева, Достоевскаго.

Въ русскую литературу шли по закону движенія въ сторону наименьшаго сопротивленія лучшія силы русскаго общества, энергіи и таланту которыхъ не было выхода въ общественной и государственной дѣятельности. Все лучшее въ Россіи устремлялось въ литературу. Въ результатѣ небывалый разцвѣтъ ея и на вершинѣ его—могучая фигура Л. Н. Толстого, огромнаго художника и неутомимаго правдоискателя. Толстого сравниваютъ съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Это сравненіе не вполнѣ вѣрно. Гомеръ пластичнѣе. Онъ сливается съ тѣмъ міромъ, который изображаетъ до полной

неотдѣлимости отъ него. Шекспиръ вполнѣ отдѣлимъ отъ своихъ героевъ и вполнѣ заслоняется ими. Мы можемъ не знать, кто былъ Шекспиръ и жить въ мірѣ его созданій. Это самый объективный изъ эпическихъ писателей. Толстой—самый субъективный. Толстой неотдѣлимъ отъ К. Левина, Иртеньева, Неклюдова („Утро помѣщика"); въ его творчествѣ всегда силенъ, а часто преобладаетъ элементъ автобіографическій. Въ могучемъ анализѣ Толстого этотъ субъективный, автобіографическій элементъ — самая сильная сторона его творчества и одинъ изъ главныхъ источниковъ *глубины* его анализа. Толстой великъ въ творчествѣ образовъ, близкихъ его душѣ, родственныхъ ему. Чужихъ ему онъ не любитъ и не всегда понимаетъ. Толстой не понимаетъ Шекспира и потому отвергаетъ его. Шекспиръ понялъ бы Толстого и оцѣнилъ бы его.

Это не мѣшаетъ быть Толстому одному изъ лучшихъ аналитиковъ и знатоковъ человѣческой души, и даже животныхъ. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ, гуляя въ полѣ съ Тургеневымъ, Толстой принялъ въ серьезъ шутливое предложеніе Тургенева и сталъ анализировать настроеніе клячи, стоявшей въ полѣ,—да такъ правдиво, что авторъ „Записокъ Охотника", всегда относившійся съ восхищеніемъ къ таланту Толстого, воскликнулъ не безъ доли досады: „должно быть у васъ, Левъ Николаевичъ, среди вашихъ предковъ была лошадь".

Существуетъ ложный взглядъ, что Толстой, какъ художникъ, и какъ моралистъ — два разныхъ человѣка, и что въ жизни нашего писателя былъ какой то огромный переломъ. Это не совсѣмъ такъ. Толстой, какъ личность, неотдѣлимъ отъ художника и моралиста, и вся жизнь Толстого—рядъ исканій и переломовъ, группирующихъ однако около единаго основанія—одного огромнаго психическаго центра—личности писателя. Толстой это полнѣйшее воплощеніе духовнаго, нравственнаго и физическаго здоровья. Это могучій дубъ, корни котораго глубоко вросли въ почву, а стволъ, непрерывно развиваясь изъ одного основанія, получилъ гигантскіе размѣры и рѣдкую мощь.

Вся жизнь Толстого, его художественное творчество, его проповѣдническая дѣятельность—одно замкнутое цѣлое, одна непрерывно-развивающаяся цѣпь настроеній, переживаній и взглядовъ.

Уже въ полуторагодоваломъ ребенкѣ намѣчается будущій геній. Толстой лежитъ въ пеленкахъ. Они связываютъ его движенія и непріятны ему. „Окружающимъ кажется, что это нужно, тогда какъ я, вспоминаетъ Толстой, *знаю*, [1]) что это не нужно, и хочу доказать это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ... Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я—кому она нужна,—слабъ, а они сильны".

---

[1]) Курсивъ всюду нашъ. К. А.

Какой символическій образъ гиганта, который, какъ въ сказкѣ, сразу возговорилъ голосомъ человѣческимъ и сразу же сталъ выпутываться и барахтаться! И вся жизнь писателя—рядъ усилій освободиться отъ путъ традицій, предразсудковъ и суевѣрій,—классовыхъ, религіозныхъ, общественныхъ, наслѣдственныхъ.

Какъ Гомеръ, и Толстой, прежде всего писатель, плотью и кровью связанный съ той средой, которую онъ изображаетъ, и изъ которой самъ вышелъ; но личность автора ни на минуту не исчезаетъ у Толстого и отношеніе его къ героямъ вполнѣ самостоятельное и часто очень критическое. Писатель силится высвободиться изъ подъ власти традицій и въ этомъ его огромная заслуга, и съ этой стороны усилія писателя представляютъ цѣннѣйшій матерьялъ для наблюденій за ростомъ и постепеннымъ освобожденіемъ личности.

Обыкновенно принято считать, что въ дѣятельности Толстого было два опредѣленныхъ періода,—одинъ до перелома, изображеннаго въ „Исповѣди“, другой послѣ перелома.

Но это утвержденіе основано на слишкомъ довѣрчивомъ и не критическомъ отношеніи къ личнымъ признаніямъ самого Толстого.

Его „Исповѣдь“, какъ и всякій автобіографическій источникъ, имѣющій всегда и публицистическія цѣли, написана односторонне и представляетъ дѣло не такъ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ, а подъ угломъ переживаемыхъ авторомъ настроеній опредѣленнаго момента его жизни. Въ дѣйствительности и до „перелома“, и послѣ него Л. Н. Толстой—это рядъ исканій, рядъ противорѣчій, которыя при всемъ своемъ многоразличіи имѣютъ одинъ и тотъ же психическій и этическій центръ.

Уже въ дѣтствѣ намѣчаются условія, которыя должны создать писателя съ вдумчивымъ, аналитическимъ умомъ, склоннымъ къ морализированію.

Некрасивый, несвѣтскій, неловкій, рано потерявшій мать и отца, немного одинокій въ своемъ сиротствѣ, Толстой рано проникается жаждой самоулучшенія и самосовершенствованія, рано обнаруживаетъ склонность къ размышленію, нѣкоторую подозрительность и мнительность. Настроенія Иртеньева всецѣло могутъ быть отнесены къ Толстому—„на меня часто, пишетъ онъ, находили минуты отчаянія. Я воображалъ, что нѣтъ счастья на землѣ съ такимъ широкимъ носомъ, толстыми губами и сѣренькими маленькими глазками, какъ я. Я просилъ Бога сдѣлать чудо—превратить меня въ красавца... и все готовъ былъ бы отдать я за красивое лицо“.

Неудачная мазурка приводитъ Толстого въ самое мрачное настроеніе: „всѣ презираютъ меня и всегда будутъ презирать,—мнѣ закрыта дорога ко всему: къ дружбѣ, къ любви, почестямъ,—все пропало“!

Неудачи и маленькія дѣтскія огорченія усиливаютъ самоанализъ часто безпощадный, проникающій во всѣ тайные мо-

тивы и настроенія, казнящій даже случайныя мысли, скользнувшія по поверхности души.

Очень рано сказывается склонность къ философскимъ размышленіямъ и въ связи съ ними—прямолинейная потребность сильной и здоровой души—реализовать выводы, осуществляя ихъ немедленно въ жизни. Толстой приходитъ къ мысли, что счастье обезпечивается умѣньемъ переносить страданія—и вотъ онъ уже терзаетъ себя по цѣлымъ часамъ, выдерживая на рукахъ до полнаго изнеможенія огромные фоліанты отцовской библіотеки. Черезъ нѣкоторое время онъ приходитъ къ новому выводу: жизнь коротка, она заканчивается смертью, поэтому нужно торопиться наслаждаться настоящимъ, и молодой философъ отшвыриваетъ учебники въ сторону и три дня валяется на диванѣ, читая романъ и поѣдая карамельки. То вдругъ ему приходитъ въ голову чисто шеллингіанская мысль, что предметы существуютъ только, какъ наше къ нимъ отношеніе, и юный философъ торопится такъ быстро оглянуться назадъ, что бы захватить пустоту до нашего къ ней отношенія [1]). Очень рано обнаруживаетъ Толстой и нѣкоторыя странности. Не даромъ Брандесъ назвалъ его немного страннымъ человѣкомъ. Такъ напр. по разсказу одной изъ тетушекъ Толстого, онъ рѣшилъ, что кланяться слѣдуетъ наоборотъ, не такъ, какъ всѣ и вотъ въ одинъ прекрасный день появляется онъ въ гостиную задомъ на передъ и кланяется, откидывая голову къ затылку...

Вѣрилъ ли Толстой въ юности?—повидимому, не болѣе, чѣмъ всѣ дѣти нашей интеллигентной среды; то есть скорѣе довѣрялъ привычкамъ и традиціямъ среды, не придавая имъ серьезнаго значенія. Такая вѣра не крѣпко держалась въ дѣтской душѣ и при первомъ напорѣ скептицизма развѣивалась. Когда Толстому было немного болѣе 10 лѣтъ (1838), изъ гимназіи пришелъ Володя Милютинъ и сообщилъ о важномъ открытіи; открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ, и все чему насъ учатъ—однѣ выдумки. „Помню, пишетъ Толстой, какъ старшіе братья заинтересовались этой новостью и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе, какъ что то очень занимательное и возможное“.

Это не мѣшало, конечно, дѣтской душѣ жаждать иной вѣры и любви.

Въ „Отрочествѣ“ мы видимъ, какъ этотъ дѣтскій идеализмъ превращается у Иртеньева подъ вліяніемъ Неклюдова „въ восторженное обожаніе добродѣтели и убѣжденіи въ назначеніи человѣка постоянно совершенствоваться. Тогда исправлять все человѣчество, уничтожать всѣ пороки и несчастія людскіе казалось удобоисполнимой вещью,—*очень легко казалось и просто исправить самого себя, усвоить всѣ добродѣтели и быть счастливымъ*“.

---

[1]) П. Н. Бирюковъ. Біографія т. I. стр. 108 и др.

Будущій реформаторъ моралистъ намѣчался уже въ этихъ строкахъ, въ юношескіе годы Толстого. Вѣдь приведенныя выше строки, хотя въ нихъ и звучитъ легкій отзвукъ іроніи,—выражаютъ ту самую увѣренность Толстого, по которой и черезъ 65 лѣтъ онъ доказывалъ, что стóитъ только понять въ чемъ зло, гдѣ порокъ, а въ чемъ смыслъ жизни, что-бы легко отрѣшиться отъ всего сквернаго и найти внутри себя царство Божіе.

Эта жажда усовершенствованія привела Иртеньева и Нехлюдова къ очень странному и вредному пріему—повѣрянія другъ другу самыхъ затаенныхъ мыслей, всего гадкаго, что закопошилось въ душѣ, пріемъ нравственнаго усовершенствованія чисто іезуитскій и, вѣроятно, заимствованный у гувернеровъ—французовъ, воспитанныхъ въ іезуитскихъ школахъ.

И вотъ то время, когда молодежь обыкновенно занимается общественнымъ идеализмомъ и строитъ свои планы лучшаго устроенія государства и общества,—Толстой занимался личной моралью, смѣшивая, впрочемъ, моральное самоусовершенствованіе съ усовершенствованіемъ себя вообще во всѣхъ отношеніяхъ,—физическомъ, умственномъ, свѣтскомъ и т. д.

II.

Въ жизни Толстого было нѣсколько неблагопріятныхъ моментовъ. Къ числу такихъ нужно отнести поступленіе Толстого въ Казанскій университетъ. Въ то время, какъ вся литературная жизнь сосредоточилась въ московскихъ кружкахъ западниковъ и славянофиловъ, и имена Герцена, Бѣлинскаго, Хомякова, Аксакова повторялись съ восхищеніемъ и благоговѣніемъ во всѣхъ молодыхъ кружкахъ, Толстой попадаетъ въ захолустный университетъ, надъ которымъ витала еще зловѣщая тѣнь Магницкаго,—университетъ разгромленный, трепещущій и бездарный.

Толстому было 15 лѣтъ, когда онъ выдержалъ вступительныи экзаменъ и по протекціи былъ принятъ въ университетъ; (1843 г.), знанія его были очень жалки. Онъ самъ впослѣдствіи на доставленной ему вѣдомости его отвѣтовъ сдѣлалъ полныя юмора признанія. По исторіи общей и русской—единица. И Толстой пишетъ сбоку: „ничего не зналъ!“. По статистикѣ и географіи тоже единица. И примѣчаніе Толстого гласитъ: „зналъ еще меньше“. Не далъ юношѣ ровно ничего и Казанскій университетъ, о профессорахъ котораго столько анекдотическаго разсказываетъ въ своей исторій Казанскаго университета профес. Загоскинъ. Это было нѣчто не вообразимое! Вотъ профессоръ Камбекъ, который не читаетъ, а диктуетъ: „Рымское право“! Р—большое, П—большое,—пунктумъ! И студенты записываютъ за нимъ такія изреченія:„ Рым-

ляне имѣли своего орхіерея, котораго называли верховный жеребецъ".

Вотъ профессоръ Гельмуръ Винтеръ, который уже недовольствуясь рѣчью изображаетъ ртомъ канонаду при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ въ 1813 году.

Вотъ преподаватель уголовнаго права профессоръ Густавъ Фогель, въ угоду старому приказному строю, громящій судъ присяжныхъ слѣдующими неотразимыми фактическими доказательствами. „однажды гдѣ-то, когда-то, какая-то дѣвушка совершила какое-то преступленіе и присяжные оправдали ее!"

Учиться у такихъ господъ было нечему, не стоило. И Толстой, сидя въ карцерѣ, которымъ встарину поощрялось прилежаніе и усердное посѣщеніе университета, разражается горячей тирадой противъ университетской „науки": „Исторія... собраніе басенъ... что вынесемъ мы изъ университета? Подумайте и отвѣчайте, допрашиваетъ онъ товарища по заключенію. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во свояси въ деревню, на что̀ будемъ пригодны? Кому нужны?". Быть можетъ именно въ эти годы зародилось въ немъ болѣе ярко сказавшееся впослѣдствіи отвращеніе къ „научной наукѣ" и ученымъ педантамъ.

Первая самостоятельно продѣланная работа — сличеніе „Esprit de lois" Монтескье съ „Наказомъ" Импер. Екатерины окончательно убѣдила его въ безплодности университета и послѣ неудачнаго экзамена онъ его покидаетъ.

Къ сожалѣнію за время пребыванія въ университетѣ Толстой не использовалъ другого источника образованія—общества развитыхъ товарищей. Подобно Лермонтову, Толстой замкнулся въ узкомъ кружкѣ товарищей аристократовъ и свѣтскихъ гостиныхъ. Онъ не прочь былъ помечтать вмѣстѣ со своей тетушкой о флигель-адъютантскихъ эполетахъ или карьерѣ дипломата. Тетушка мечтала и о выгодной женитьбѣ и твердо была увѣрена, что „ничто такъ не формируетъ молодого человѣка, какъ связь со свѣтской женщиной".

Самъ Толстой былъ твердо проникнутъ принципами comme il faut. Они состояли въ четырехъ заповѣдяхъ: 1) умѣньѣ чистить ногти и носить особаго покроя панталоны въ соотвѣтствіи съ особой формой сапога, 2) въ умѣньѣ кланяться, танцовать, разговаривать „непринужденно", 3) въ совершенномъ произношеніи по французски и 4)—самое важное въ особомъ тонѣ равнодушія и презрѣнія ко всему и всѣмъ.

Людей Толстой дѣлилъ на три группы, изъ коихъ первая—люди comme il faut, вторая—люди не comme il faut, которыхъ Толстой прямо ненавидѣлъ и третья—остальной людъ, простой народъ, котораго Толстой просто не замѣчалъ.

Но рядомъ съ этими феодально аристократическими настроеніями въ душѣ Толстого совмѣщались и другія, несомнѣнно навѣянныя чтеніемъ. Въ возрастѣ 14—20 лѣтъ Толстой успѣлъ кое что прочитать. „Огромное" вліяніе имѣли

на него произведенія Руссо, нагорная проповѣдь по евангелію Матвѣя, „очень большое“ — „Записки охотника“ Тургенева, „Антонъ Горемыка“ Григоровича, „Герой нашего времени“ Лермонтова, „Разбойники“ Шиллера („очень большое впечатлѣніе!“) и кое что Пушкина.

Выборъ чтенія небольшой, но очень характерный: три мотива будущей философіи: евангелическій, народническій, и анархическій—отражаются въ перечисленныхъ произведеніяхъ. Подъ ихъ вліяніемъ—усиленная жажда совершенствованія, потребность быть всѣми любимымъ, надежда на тщеславное счастье и отвращеніе къ самому себѣ и раскаяніе, „слитое съ надеждой на счастье *и не заключающее въ себѣ ничего печальнаго*“. Это послѣднее признаніе очень характерно для переживаній Толстого. Въ самобичеваніи и жаждѣ усовершенствованія крылся какой то элементъ удовольствія, особеннаго барскаго наслажденія. Мечты о личныхъ подвигахъ и самоусовершенствованіи соединялись съ наивными планами помѣщика благодѣтельствовать своихъ крестьянъ. „Не моя ли священная и прямая обязанность, писалъ онъ своей теткѣ, заботиться о счастьѣ этихъ семисотъ человѣкъ, *за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу*“,—мысль очень близкая автору знаменитой „Переписки съ друзьями“.

Оставляя университетъ (1847) Толстой озабоченъ составленіемъ правилъ поведенія, и за два года жизни въ деревнѣ предполагаетъ совершить массу дѣлъ, осуществить цѣлую программу занятій. Эта программа и наивна, и характерна: тутъ и громадная вѣра въ свои силы и полное незнаніе размѣровъ предполагаемаго труда. Задачи поставлены до смѣшного—огромныя: 1) изучить весь курсъ юридическихъ наукъ, 2) изучить практическую медицину и часть теоретической, 3) изучить языки: французскій, нѣмецкій, русскій, англійскій, итальянскій и латинскій, 4) изучить сельское хозяйство какъ теоретически, такъ и практически, 5) изучить исторію, географію и статистику, 6) изучить математику—гимназическій курсъ, 7) написать диссертацію, 8) достигнуть высшей степени совершенства въ музыкѣ и живописи, 9) написать правила (начало будущихъ моралистическихъ плановъ), 10) получить нѣкоторыя познанія въ естественныхъ наукахъ и 11) составить сочиненія изъ всѣхъ предметовъ, которые будутъ изучаться.

Планъ не маленькій—на долгую жизнь, а не на два года! Замѣчательно, что къ этому же времени опредѣляется и отношеніе Толстого къ женщинѣ. Въ запискахъ его мы находимъ слѣдующую тираду: „смотри на общество женщинъ, какъ на ту необходимую непріятность жизни общественной и, сколько можно, удаляйся отъ нихъ“.

Отрицательное отношеніе къ женщинѣ проходитъ у Толстого черезъ всю его жизнь. Позднѣе онъ ненавидѣлъ Жоржъ-Зандъ и ея героинь, считая, что ихъ слѣдовало-бы предать публичному наказанію. Въ своихъ произведеніяхъ онъ даетъ

намъ отрицательные типы женщинъ въ „Крейцеровой сонатѣ“, во „Власти тьмы“, въ разсужденіи солдата Митрича. Да и въ романахъ Толстого женщины изображены скорѣе со стороны физіологической красоты; нравственный міръ ихъ ничтоженъ. Отъ полового общенія съ ними лучше-бы воздержаться. Женщина причина многихъ нашихъ слабостей, грѣховъ и преступленій. Точка зрѣнія на женщину сильно отражаетъ византійскіе предразсудки „доброй“ старины. Женщину Толстой признаетъ только, какъ мать и помощницу мужа. Она должна проникаться его взглядами, жить его интересами. Толстой крайне недоволенъ былъ Чеховымъ, который высмѣялъ въ „Душечкѣ“ несамостоятельность женщины, трижды вышедшей замужъ и всегда смотрѣвшей на всѣ вопросы жизни глазами своего новаго супруга. Такой именно и должна быть женщина по мнѣнію Толстого.

Занятія философіей продолжаютъ привлекать Толстого. Восемнадцати лѣтъ онъ уже опредѣляетъ философію, какъ *науку жизни*.

Изъ сказаннаго ясно, что всѣ элементы будущаго Толстого мыслителя были уже на лицо въ 17—20-лѣтнемъ юношѣ.

III.

Наступавшее десятилѣтіе жизни Толстого было самымъ бурнымъ для него періодомъ, временемъ исканій, порывовъ, кутежей, военной службы, подвиговъ и тщеславія, первыхъ литературныхъ успѣховъ и литературныхъ распрей, поѣздокъ заграницу и первыхъ впечатлѣній отъ западной цивилизаціи, общественныхъ и педагогическихъ начинаній и разочарованій. Но и въ это бурное и обильное впечатлѣніями время, о которомъ съ преувеличеннымъ отвращеніемъ вспоминаетъ Толстой въ „Исповѣди“—развивались все тѣ-же исконныя черты— религіозно-моралистическаго исканія. Толстой былъ все тотъ-же, вѣрный себѣ во всѣхъ своихъ порывахъ, исканіяхъ, противорѣчіяхъ, увлеченіяхъ.

Сначала Толстой увлекается барской филантропіей. Нечего, конечно, говорить, что 19-ти лѣтній благотворитель только все путаетъ и мѣшаетъ мужикамъ. Не безъ доли самобичеванія изображаетъ онъ всѣ свои наивные опыты и неудачи по части облагодѣтельствованія крестьянъ въ разсказѣ „Утро помѣщика“. Начинаются кутежи, разгулъ, не переходившія однако границъ обычнаго кипѣнія юношеской крови. Толстой, конечно, преувеличиваетъ въ „Исповѣди“ свою грѣховность. Но и тогда въ разгарѣ кутежей и разгула, нашедшихъ отчасти отраженіе въ „Запискахъ маркера“, Толстой не перестаетъ томиться мучительнымъ сознаніемъ пустоты жизни.

Въ 1851-мъ году Толстой, послѣ одного проигрыша въ карты, переѣзжаетъ на Кавказъ. Край могучей красоты ока-

залъ цѣлительное вліяніе на Толстого, пробудилъ его творческія силы. Пребываніе на Кавказѣ богато многими эпизодами. Тутъ и боевыя схватки и увлеченіе казачкой и преклоненіе передъ сѣрымъ героизмомъ скромнаго солдата—простолюдина, которое содѣйствовало измѣненію взглядовъ Толстого на простой народъ; тутъ и тщеславныя, но не оправдавшіяся мечты объ орденѣ Георгія. Тутъ въ 1852-мъ году, желая заработать деньги, Толстой пишетъ „Дѣтство и отрочество“ и 9-го іюня 1852 г. тріумфально вступаетъ на путь непрерывныхъ литературныхъ успѣховъ. Первая повѣсть была встрѣчена общими восторгами и единодушнымъ признаніемъ дарованія со стороны всего литературнаго міра. Представители четырехъ эстетическихъ школъ—Григорьевъ, Чернышевскій, Дружининъ, Анненковъ горячо привѣтствовали молодое дарованіе. Некрасовъ предсказалъ молодому автору его литературную будущность. Уже тогда подмѣчена была и основная особенность художественнаго реализма Толстого, которую кое-кто изъ современныхъ критиковъ принимаютъ за открытую ими Америку. Уже въ „Отечественныхъ запискахъ“ за 1854 годъ отмѣчено, что отличительная особенность творчества Толстого, способность видѣть жизнь глазами его героя,—въ данномъ случаѣ ребенка, и сквозь призму его психологій рисовать и весь окружающій міръ, заставляя и читателя проникаться тѣмъ-же отношеніемъ къ жизни и, въ тоже время, оставаясь строгимъ реалистомъ въ отношеніи мельчайшихъ деталей жизни.

Въ 1853 г. Толстой переѣзжаетъ на театръ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, принимаетъ участіе въ осадѣ Силистріи въ битвѣ подъ Балаклавой и въ защитѣ Севастополя, оставаясь на знаменитомъ 4-мъ бастіонѣ до августа 1855-го года. Толстой работалъ, какъ рядовой офицеръ, онъ отказался отъ выгодъ службы при генеральномъ штабѣ, онъ испыталъ на себѣ всѣ ужасы войны и потому говорилъ о ней впослѣдствіи съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Трудно теперь передать то огромное впечатлѣніе, которое произвели на общество „Севастопольскіе разсказы“. О немъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Кропоткинъ, который былъ тогда 13 лѣтнимъ пажомъ. Передъ нами картины скромнаго величія гибнущихъ на бастіонахъ героевъ, и рядомъ ярмарка тщеславія, не покидающаго человѣка даже передъ лицомъ смерти, которая всѣхъ равняетъ. Психологія войны постигнута Толстымъ изумительно; глубоко уразумѣлъ Толстой и духъ русскаго солдата. Глубокой честностью и правдивостью разсказа вѣетъ отъ этихъ страницъ, посвященныхъ картинамъ севастопольской обороны. Что то таинственное и прекрасное учуялъ Толстой въ этой жизни, полной самоотреченія, безъ семьи, безъ личнаго счастья подъ вѣчнымъ дозоромъ ненасытной смерти. Но красота подвига не закрываетъ отъ Толстого ужасной сущности кровавой трагедіи, и онъ спрашиваетъ себя, „неужели мы христіане, неужели

эти люди христіане, исповѣдывающіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія,—глядя на то, что они сдѣлали, неужели не упадутъ на колѣна передъ тѣмъ, кто далъ имъ жизнь, любовь къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья".

Рядомъ съ этими серьезными мыслями—тщеславныя мечты о флигель-адъютантскихъ эполетахъ, получить которыхъ не удалось, благодаря солдатской пѣсенкѣ, сочиненной Толстымъ по поводу подвиговъ нашихъ генераловъ подъ Балаклавой и быстро облетѣвшей всю армію. Въ концѣ 1855-го года Толстой уже былъ въ Петербургѣ, навсегда покончивъ со своей военной дѣятельностью. Сравнивая впослѣдствіи два періода своей военной службы, Толстой съ радостью вспоминаетъ кавказскій періодъ своей службы, какъ одинъ изъ лучшихъ періодовъ своей жизни. Пребываніе же въ Петербургѣ Толстой разсматриваетъ, какъ эпоху своего крайняго паденія.

IV.

Пребываніе въ Петербургѣ было второй послѣ Казанскаго университета неудачей Толстого Онъ былъ всюду принятъ съ распростертыми объятіями: герой, авторъ чудныхъ разсказовъ, свѣтскій человѣкъ,—передъ нимъ раскрывались двери редакцій и аристократическихъ салоновъ. Толстой предпочелъ эти послѣднія и цѣлыми недѣлями пропадалъ въ гостяхъ у своихъ аристократическихъ тетушекъ и знакомыхъ. Кромѣ того немало увлекался кутежами, цыганами, картами.

Въ литературныхъ кругахъ онъ бывалъ рѣдко и съ писателями не сошелся. Такимъ образомъ Толстой остался въ сторонѣ отъ того освободительнаго движенія, которое вело къ освобожденію крестьянъ и великимъ реформамъ, онъ былъ чуждъ литературнымъ традиціямъ, озареннымъ не умирающимъ духомъ Виссаріона Бѣлинскаго. Нѣтъ достаточныхъ данныхъ, что-бы съ увѣренностью сказать, что статьи Бѣлинскаго были знакомы Толстому. Но Герцена онъ зналъ и относился къ нему вполнѣ отрицательно. Тогда уже Толстой высказывался и противъ Шекспира, отрицалъ значеніе Пушкина, возмущался Жоржъ-Зандъ. Нельзя не сознаться, что на литературные кружки Толстой долженъ былъ производить не особенно выгодное впечатлѣніе. Самоувѣренный, рѣзкій, самобытный, со своими теоріями самосовершенствованія, равнодушный къ освободительному движенію, враждебный женской эмансипаціи, безъ капли піетета къ великимъ авторитета,—онъ не могъ не вызывать иногда чувствъ самаго искренняго раздраженія и антипатіи. Тщетно старался практичный Некрасовъ примирить всѣхъ сотрудниковъ своего журнала съ Толстымъ Его столкновенія съ Тургеневымъ подчасъ переходили въ открытую распрю и впослѣдствіи перешли въ

прямую вражду и на многіе годы прервали связь между двумя замѣчательными писателями.

Толстой предпочелъ дружбу аристократа Фета, знакомство съ Катковымъ — тѣсной связи съ русскими прогрессивными кружками „разночинцевъ". Были многія причины, по которымъ Толстой остался въ сторонѣ отъ лучшихъ литературныхъ кружковъ и традицій 40-хъ и 50-хъ годовъ. Прежде всего—тотъ особый путь умственнаго развитія, которымъ шелъ Толстой; во вторыхъ разница лѣтъ: онъ былъ значительно моложе Тургенева и его друзей; эта вторая причина не мѣшала Толстому чувствовать себя въ кружкѣ нашихъ писателей большимъ, чѣмъ они, пессимистомъ. Усталость и мрачный взглядъ на жизнь, какъ результатъ духовнаго переутомленія ряда поколѣній,—лишали Толстого того юношескаго воодушевленія, которымъ горѣли сердца нашихъ писателей и общественныхъ дѣятелей 50-хъ годовъ. Цѣлая пропасть отдѣляла пресыщеннаго аристократа, съ безсознательнымъ въ крови лежащимъ презрѣніемъ къ людямъ не comme il faut, отъ молодой русской интеллигенціи, изъ среды которой уже вышли Рахметовы со своимъ ригоризмомъ и народническимъ подвижничествомъ. Толстой былъ знакомъ съ Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, М. Л. Михайловымъ, но они остались чужды его душѣ. Даже Тургеневъ—изящный, образованный, культурный баринъ возмущалъ его своими „демократическими ляшками"! Кромѣ того Толстой отличался съ дѣтства большой мнительностью и подозрительностью. Эта послѣдняя черта сказывается не только въ личной жизни Толстого, но и въ его творчествѣ. У него даже воробей „сдѣлалъ видъ" что клюнулъ. Подозрительны казались Толстому и убѣжденія русскихъ писателей. Онъ имъ не вѣрилъ. „Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: пока я живъ, никто сюда не войдетъ, — вотъ это убѣжденіе, а вы стараетесь другъ отъ друга скрывать свои мысли и называете это убѣжденьями"— такъ говорилъ Толстой своимъ литературнымъ противникамъ, и чувствовалъ себя правымъ, забывая, что дѣло писателя—это слово и что даже поэтъ внѣ своего призванія „межъ дѣтей ничтожныхъ міра", быть можетъ, самый ничтожный. Какъ извѣстно впослѣдствіи Толстой хотѣлъ встрѣтить жандармовъ на обыскѣ въ его домѣ съ пистолетомъ въ рукѣ. Образованіе Толстого въ эту пору было очень недостаточнымъ: за время отъ 20 до 35 лѣтъ Толстой прочелъ „Германъ и Доротея" Notre Dame de Paris, Тютчева, Кольцова, Фета, „Федонъ" и „Пиръ" Платона и поэмы Гомера. Изъ этихъ произведеній стихотворенія нашихъ поэтовъ имѣли на него „большое вліяніе" а остальныя—„очень большое" [1]). Вотъ и весь литературный багажъ Толстого. Это немного...

Недовольный собой, свѣтскими салонами и литературными кружками. Толстой покидаетъ Петербургъ. Впослѣдствіи онъ

[1]) Бирюковъ т. I, стр. 270

самъ вспоминаетъ объ этомъ періодѣ своей жизни съ чувствомъ величайшаго отвращенія. Люди ему опротивѣли и самъ онъ себѣ опротивѣлъ. Толстой ѣдетъ въ Ясную Поляну (гдѣ продолжаетъ писать), а оттуда дважды выѣзжаетъ за границу (1857 и 1859). Заграницей—рядъ интересныхъ встрѣчъ, посѣщеніе лекцій Дройзена, Дюбуа Реймона, знакомство съ Шульце-Деличемъ, Дистервегомъ, Ауэрбахомъ, Фребелемъ, изученіе педагогики. Въ общемъ, конечно, ничего систематическаго и послѣдовательнаго. Черезъ Герцена Толстой сближается съ Прудономъ, и, несомнѣнно, подпадаетъ подъ самое сильное вліяніе его анархическихъ идей, которыя, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали и настроеніямъ Толстого, и его скептицизму къ общественной дѣятельности, и его вѣрѣ въ необходимость личнаго самоусовершенствованія и тѣмъ наслѣдственно пріобрѣтеннымъ предразсудкамъ, о которыхъ будетъ еще рѣчь ниже.

Пребываніе за границей связано съ двумя крупными для Толстого потрясеніями. Онъ присутствуетъ при смертной казни, и картина этого юридическаго злодѣянія потрясаетъ его до глубины души и заставляетъ его усумниться въ цивилизаціи. Существуетъ-ли прогрессъ, если и теперь возможны смертныя казни—вотъ вопросъ, который ставитъ себѣ Толстой и разрѣшаетъ, какъ вѣрный послѣдователь Руссо въ отрицательномъ смыслѣ. Вліяніе Руссо и Прудона—несомнѣнно самыя сильныя въ духовномъ развитіи писателя. Не даромъ въ 1901 году Толстой писалъ, что онъ перечиталъ всѣ 20 томовъ сочиненіи Руссо.

Второе сильное впечатлѣніе этой эпохи—смерть любимаго брата Николая, заставившая его задуматься о смыслѣ жизни и о смерти, опредѣлившая самымъ рѣшительнымъ образомъ весь послѣдующій пятидесятилѣтній путь его жизни.

Толстой задумывается надъ вопросами религіи. Его ясная, чуждая всякаго мистицизма мысль ищетъ примиренія религіи съ наукой. Это примиреніе возможно только путемъ отказа отъ всего таинственнаго и чудеснаго въ пользу этическихъ задачъ и цѣлей.

И вотъ въ дневникѣ отъ 5-го марта 1885 года Толстымъ записаны слѣдующія знаменательныя слова:

„Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на *великую, громадную мысль*, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь, мысль эта—основаніе религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство на землѣ“.

Въ этой записи Толстого—все содержаніе его будущихъ религіозныхъ исканій, весь его евангелическо-христіанскій символъ вѣры. Двадцати семи-лѣтній юноша уже точно и опредѣленно сформировалъ все содержаніе своей будущей проповѣднической дѣятельности послѣднихъ сорока пяти лѣтъ своей жизни. Настолько невѣрны утвержденія самого

Толстого о переломѣ, совершившемся въ немъ въ эпоху написанія „Исповѣди“. Отрывокъ изъ дневника—прекрасное доказательство той мысли, которую мы и отстаиваемъ въ нашемъ очеркѣ,—что проповѣдническая дѣятельность Толстого—явленіе не новое, не плодъ неожиданныхъ переломовъ, а прямое развитіе основныхъ настроеній Толстого, намѣчавшихся еще въ дѣтствѣ и вполнѣ созрѣвшихъ въ 27—28-лѣтнемъ молодомъ человѣкѣ.

„Громадная мысль“ о созданіи новой религіи лежала подъ спудомъ около двадцати лѣтъ, отодвинутая въ глубь сознанія цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ событій въ жизни Толстого. Прежде всего Толстой былъ, наконецъ, захваченъ потокомъ общественныхъ событій. Онъ дѣлается мировымъ посредникомъ, что вызываетъ только конфликты съ помѣщиками, доносы на Толстого и, въ концѣ концовъ, наѣздъ жандармовъ, которые, въ отсутствіи Толстого, рылись въ его бумагахъ, читали его письма и дневники. Это нарушеніе неприкосновенности жилища вызвало въ Толстомъ страшное негодованіе противъ администраціи. Въ Толстомъ заговорилъ старый баринъ, аристократъ, къ которому въ былое время исправникъ безъ разрѣшенія не смѣлъ явиться во дворъ...

Для характеристики Толстого болѣе цѣнна дѣятельность его по яснополянской школѣ. Здѣсь, какъ и всегда, Толстой выступаетъ вполнѣ самобытно и вопреки установившимся взглядамъ. Онъ оспариваетъ преимущества звукового метода и стоитъ за старый; но еще болѣе оригинально проявляетъ онъ себя въ школѣ, какъ педагогъ-анархистъ. Въ противуположность старой бюрократической школѣ, построенной на принципѣ повиновенія, дисциплины и полнаго умерщвленія въ дѣтяхъ самодѣятельности и духомъ свободнаго развитія способностей, Толстой строитъ школу на принципѣ полной свободы дѣтей и ихъ умственной самодѣятельности. Толстой учитель—не руководитель, а только другъ и совѣтникъ дѣтей. Въ школѣ нѣтъ обязательныхъ часовъ занятій, нѣтъ задаванія на домъ, нѣтъ вообще уроковъ, обязательныхъ предметовъ, нѣтъ усилій направить дѣтское вниманіе на какую нибудь продолжительную работу. Дѣтская мысль прыгаетъ съ вопроса на вопросъ, а учитель пассивно устремляется за ней по волѣ дѣтей. Въ классѣ полный безпорядокъ. Кто лежитъ на полу, кто сидитъ, кто нависъ надъ плечомъ учителя. Идетъ непринужденная бесѣда... Но вотъ занятія надоѣли, или вдругъ въ дверяхъ появится мальчуганъ и крикнетъ, не обращая никакого вниманія на учителя: „ребята, ай-да въ баню“ и школа вдругъ пустѣетъ. Учитель не успѣваетъ даже закончить послѣднюю фразу...

Нечего, конечно, и доказывать, что такая школа, совершенно отрицая порядокъ, дисциплину воли и мысли, въ концѣ концовъ надлежащей пользы принести не могла-бы. Задача воспитанія и образованія не только пріобрѣтеніе знаній, изученіе которыхъ должны быть вполнѣ систематич-

ными, но и воспитаніе мысли, воли, чувства, порядка, воспитаніе извѣстныхъ общественныхъ и соціальныхъ навыковъ, которые не совмѣстимы съ принципами анархизма. Школа Толстого могла держаться нѣкоторое время только благодаря необычайной энергіи ея руководителя, но она осталась скорѣе примѣромъ и образцомъ барской причуды, чѣмъ указаніемъ для истинной постановки дѣла. Многіе принципы Толстого заслуживаютъ полнаго признанія: требованіе Толстого, что бы на дѣтей смотрѣли, какъ на разумныхъ и мыслящихъ существъ, отрицательное отношеніе къ наказаніямъ, защита самодѣятельности—все это оцѣнено современной педагогикой. Послѣдніе десять лѣтъ на эту школу обратили вниманіе западные педагоги [1]), но тѣ начала свободы и самодѣятельности, которыя внесены въ современную „свободную“ школу имѣютъ мало общаго съ анархической школой Толстого. Такая школа не могла долго существовать, не могла оказывать и серьезную пользу дѣлу просвѣщенія, которому она обязана была служить. Толстой строилъ ее такой, а не иной по своей потребности въ оригинальномъ. Этой потребностью, и только ей, объясняется и попытка Толстого оспорить выгоды звукового метода преподаванія начальной грамоты, вмѣсто котораго Толстой пользовался старымъ буквослагательнымъ способомъ.

Вѣроятно и самъ основатель почувствовалъ безплодность своихъ усилій и ясно-полянская школа какъ то сама собою прекратилась. Толстой объясняетъ это личнымъ разочарованіемъ въ самомъ главномъ: онъ не зналъ, *чему*, въ сущности, слѣдуетъ учить; его біографъ говоритъ, что дѣло было прикончено, потому что всѣ ученики обучились тому, что было нужно,—словно притокъ дѣтей школьнаго возраста навсегда прекратился... Намъ кажется, что Толстой усталъ отъ своей школы и къ тому-же былъ увлеченъ новыми интересами.

Въ 1862 году 23 сентября состоялась свадьба Толстого съ его неизмѣнной подругой до нашихъ дней С. А. Берсъ. Толстому было тогда 34 года, его невѣстѣ только 18 лѣтъ. Толстой былъ наверху блаженства. Всѣ подробности этой любви изложены съ глубоко-автобіографической вѣрностью въ романѣ Левина и Кити—вплоть до знаменитаго объясненія начальными буквами словъ довольно длинной фразы.

Началась новая жизнь. Семья, многочисленныя дѣти [2]), заботы о хозяйствѣ и поправленіи и улучшеніи матеріальныхъ средствъ—отвлекли Толстого отъ общественныхъ дѣлъ, отъ мыслей о новой религіи. Но за то семейное счастье пробудило творчество Толстого. Въ 1867—1869 годахъ онъ написалъ „Войну и миръ“, въ 1873 году появился его второй романъ „Анна Каренина“.

---

[1]) Кросби. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель.

[2]) У Толстого 9 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ младшій сынъ родился въ 1891 году.

V.

Двѣ великосвѣтскія эпопеи, написанныя Толстымъ между 1867—1873 году—самыя крупныя и самыя замѣчательныя произведенія великаго писателя, разобраны уже достаточно подробно и не разъ въ русской критической литературѣ. Останавливаться на высокихъ художественныхъ достоинствахъ этихъ произведеній—это значитъ повторять уже не разъ сказанное. Розановъ въ своей статьѣ о Толстомъ приводитъ слова одной дѣвушки: какое счастье жить, когда можно читать „Войну и миръ“ Толстого. Восклицаніе, при всей своей наивности, глубоко вѣрное и правдивое. Читать эти романы—большая радость: это все равно, что наслаждаться жизнью, ибо эти романы—сама жизнь... Насъ въ данномъ случаѣ занимаютъ эти произведенія по столько, по сколько въ нихъ отражается личность Толстого, по сколько въ нихъ намѣчается уже будущій соціальный и религіозный реформаторъ и по сколько можно выяснить почти полное тожество психологіи Толстого, какъ автора этихъ романовъ и, впослѣдствіи, автора религіозной и анархической системы взглядовъ. Въ этомъ смыслѣ романы даютъ цѣнный матерьялъ; передъ нами живая хроника аристократическихъ семей, въ которыхъ выросъ Толстой. Мы знаемъ, что двѣ родовитѣйшихъ русскихъ фамиліи соединились для того, что-бы передать Толстому все свое духовное содержаніе. Съ одной стороны—графы Толстые, съ другой—князья Волконскіе,—рюриковичи Обѣ эти семьи дали цѣлый рядъ фамильныхъ воспоминаній, эпизодовъ и событій, цѣликомъ вошедшихъ, какъ матерьялъ, въ созданную Толстымъ грандіозную эпопею. ПредкиТолстого и ближайшіе родственники типичные аристократы—феодалы pur sang. Гордые, надменные и независимые—они косо смотрѣли на ростъ бюрократическаго централизма и были въ нѣкоторой оппозиціи Петербургу. Дѣдъ Толстого, со стороны матери, кн. Волконскій, изображенъ въ „Войнѣ и мирѣ“, въ лицѣ старика Болконскаго, который половину жизни прожилъ у себя въ деревнѣ, потому что не хотѣлъ жениться на любовницѣ Потемкина. Онъ такъ и остался въ фрондѣ до самой смерти, презирая даже сановнаго и родовитаго князя Василія за то, что онъ якшался съ сильными бюрократами столицы. Отецъ Толстого, изображенный имъ въ молодомъ Ростовѣ, добрый, и веселый малый тоже былъ немного либералъ и не считалъ возможнымъ служить при Александрѣ I и Николаѣ I. Одинъ изъ Волконскихъ прославился своимъ отвѣтомъ Наполеону I. Другой—извѣстный декабристъ.

Передъ нами старое стильное барство со строго опредѣленными, вполнѣ сложившимися отношеніями: бары и холопы. Бары барствуютъ въ наслѣдственной вотчинѣ, холопы

служатъ и работаютъ. Деревенскій укладъ строго налаженный и въ немъ постороннимъ нѣтъ мѣста. Баринъ, сильный знатностью и связями, не давалъ въ обиду чиновникамъ, полиціи своихъ мужиковъ. Онъ самъ посылалъ ихъ „на конюшню“, подвергая наказанію на тѣлѣ, но это въ счетъ не шло. Мужики не безъ гордости говорили „мы графскіе“ и почесывая наказанныя части тѣла, знали, что за спиной у сильнаго барина, они какъ у Христа за пазухой. Баринъ накажетъ, баринъ и помилуетъ. Всѣ были сыты и болѣе или менѣе довольны. Всякій цѣльный укладъ жизни—стиленъ и въ этомъ его своеобразная красота. Въ старинной барской деревнѣ не чувствовалось государство съ его принудительными формами. Правительство, начальство было что то постороннее, непріятное и ненужное. Чиновничій механизмъ казался чѣмъ то искусственнымъ, условнымъ. Бары чуждались чиновника и презирали его. Служебные интересы карьеры казались чѣмъ то жалкимъ и призрачнымъ. Въ семьѣ Толстого никогда не бывали чиновники и съ ними не имѣли никакихъ сношеній. Истинная жизнь—только деревенская съ ея радостями и горемъ, трудомъ и весельемъ, и ея тяжелыми буднями, но и праздничными днями съ неизбѣжными качелями, хороводами и угощеніемъ орѣхами и сладкими пряниками. Совершенно правъ профессоръ Овсянико-Куликовскій въ своей талантливой и тонкой книгѣ о Толстомъ, что тутъ, въ этой барско-мужицкой средѣ, сложился опредѣленный кодексъ мужицкой и барской морали, разцвѣла своя эстетика, свои духовные запросы. Весь соціальный строй выросъ изъ прочно-сложившихся отношеній баръ и рабовъ, имѣлъ свою логику и психологію, свое пониманіе „правъ человѣка“ по отношенію къ барину и „правъ конюшни“ по отношенію къ рабу. И съ этой именно точки зрѣнія написаны Л. Н. Толстымъ обѣ его эпопеи. И что еще важнѣе: эта точка зрѣнія,—помимо воли и сознанія Толстого, легла въ его оцѣнку жизни, какъ фундаментъ будущей религіозно-философской и соціальной системы Толстого. Отказавшись отъ привилегій барина, Толстой не могъ побѣдить въ себѣ безсознательныхъ психологическихъ навыковъ аристократической среды, и вотъ почему въ его будущемъ міровоззрѣніи мы не найдемъ ничего, выходящаго за предѣлы деревенскаго, земледѣльческаго горизонта: ни рабочихъ, ни фабрикъ, ни чиновника, ни интеллигента—разночинца, ни торгово-промышленнаго класса, ни государства со всѣми его органами власти не могъ и не хотѣлъ признавать независимыи и гордый потомокъ феодала, привыкшаго къ полной независимости и свободѣ въ предѣлахъ своей наслѣдственной вотчины. Толстой могъ освободиться отъ идей господства, онъ съ негодованіемъ отвергъ впослѣдствіи все наслѣдіе барства, онъ охотно сталъ за уравненіе и баръ, и господъ передъ лицомъ одной морали и одинаково всѣмъ обязательнаго земледѣльческаго труда, но признать новыя соціальныя отношенія, новыя клас-

совыя группировки онъ не могъ: инстинкты барина, психологическія настроенія, глубоко корнями вросшія въ подсознательной жизни человѣческой души—мѣшали ему раздвинуть рамки стараго стильнаго, барскаго уклада въ соотвѣтствіи съ новыми соціально-экономическими отношеніями.

Вотъ почему и въ своемъ романѣ „Война и миръ“ Л. Н. Толстой всюду, во всѣхъ мелочахъ, какъ и въ важномъ отражаетъ міровоззрѣніе *своей* среды.

Перечтите страницы, посвященныя изображенію Сперанскаго. Этотъ громаднаго ума государственный дѣятель въ изображеніи Толстого рисуется намъ надутымъ, нѣсколько пошловатымъ бюрократомъ съ изрядной примѣсью духовнаго мѣщанства. Князь Андрей одно время заинтересовался его работой и самъ принялъ въ ней участіе, но очень быстро разочаровался въ ней. Онъ тоже озабоченно возился съ переводомъ на русскій языкъ статей римскаго и французскаго кодекса, но когда онъ вспомнилъ впослѣдствіи объ этой работѣ, ему стало какъ то совѣстно самого себя. Ему живо представилась деревня Богучарово, мужики, староста Дронъ, и когда онъ приложилъ къ нимъ *права лицъ*... то понялъ, что занимался праздной работой.

И впрямь, какія-тутъ права лицъ, когда существуютъ иныя права—конюшни и барской милости. Гдѣ тутъ мѣсто идеѣ личнаго достоинства, когда остается ничѣмъ непоколебленной идея наказанія на тѣлѣ. Андрей Болконскій былъ умный и толковый хозяинъ, онъ былъ не злой человѣкъ, ему были присущи нѣкоторыя религіозныя и философскія исканія. Онъ уже *хотѣлъ* уважать людей не comme il faut, но возвыситься до полнаго признанія правъ человѣка и въ рабѣ,—онъ не былъ въ силахъ. Рабъ оставался для него рабомъ, существомъ низшаго сорта. Онъ заботился о рабѣ, какъ умный хозяинъ заботится о скотѣ: и для скота необходимо хорошее теплое стойло, сѣно и коновалъ въ случаѣ болѣзни,—точно также въ извѣстныхъ матеріальныхъ удобствахъ нуждались и крестьяне. Для нихъ Андрей Болконскій кое что дѣлаетъ. Въ принципѣ онъ даже за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но не во имя сантиментальной любви или народолюбія, а изъ классово-эгоистическихъ мотивовъ—въ интересахъ дворянства и его спасенія отъ растлѣвающаго вліянія тунеядства и самоуправства.

Крестьянъ Андрей Болконскій не уважаетъ и не любитъ. Наказаніе на тѣлѣ онъ не считаетъ для нихъ оскорбительнымъ: *„Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, говоритъ онъ, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведутъ они ту-же скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживаютъ, и они также счастливы, какъ были прежде“*.

Но Андрей Болконскій тронутъ и новыми идеями. Онѣ не могли не проникнуть въ барскую среду. Гувернеры ино-

странцы, знаніе языковъ, роскошныя библіотеки, книги на французскомъ и англійскомъ языкахъ, заграничныя путешествія—все это вводило людей аристократическаго круга въ міръ новыхъ демократическихъ идей и либеральныхъ настроеній. Старое барство сталкивалось съ новымъ міровоззрѣніемъ и какъ-то уживалось съ нимъ. Достаточно припомнить домъ Яковлева, гдѣ выросъ Герценъ, чтобы понять, какъ сумбурно, хаотично, внѣшне уживались въ одномъ барскомъ домѣ два уклада жизни—старинный крѣпостнически-барскій и новый либеральный, западно-европейскій. Несомнѣнно долженъ былъ возникнуть конфликтъ между психическими традиціями и навыками стариннаго барства и новыми освободительными идеями. Отсюда извѣстная нравственная раздвоенность, исканіе смысла и оправданія жизни и своего поведенія, отсюда нѣкоторая надломленность и неуравновѣшенность.

Андрей Болконскій, въ котораго Толстой вложилъ многія черты своего характера, человѣкъ прямой и честный, и не хочетъ знать компромиссовъ: независимый и гордый феодалъ, гордился всегда своей прямолинейностью, онъ имѣлъ возможность осуществлять свою волю, онъ не рвалъ органической связи между мыслью, словомъ и дѣломъ. Въ этомъ было его огромное преимущество передъ обыкновенными смертными, приниженными и смиряющими свои желанія передъ силой обстоятельствъ.

Феодалъ жилъ полной жизнью, дышалъ свободно; организмъ его работалъ сильно и властно. Онъ умѣлъ и любить и ненавидѣть, ставить цѣли и осуществлять ихъ. Феодально-крѣпостническій строй создавалъ для него эту счастливую возможность дышать полной грудью, жить цѣлостной жизнью. И когда сталъ рушиться этотъ строй,—никто сильнѣе феодала не почувствовалъ измѣненія условій жизни. Старыя потребности прямого и послѣдовательнаго дѣйствія, не знающаго компромиссовъ согнутой спины,—властно заговорили въ негибкой душѣ феодала, а новыя условія требовали гибкости, приспособленія, иной психологіи, иной дисциплины, иныхъ житейскихъ взаимоотношеній.

На этой почвѣ создается конфликтъ въ душѣ Андрея Болконскаго и ему подобныхъ, растетъ раздвоенность; совѣсть заговорила сильнѣе и властнѣе и требуетъ выхода изъ круга сомнѣній и недоумѣній. Отсюда духъ усталости и надломленности, усиливаемыхъ тяжелымъ наслѣдственнымъ грузомъ переживаній многихъ и многихъ поколѣній предковъ; отсюда—естественная потребность искать этотъ выходъ не въ приспособленіи къ новымъ непонятнымъ соціальнымъ условіямъ, а внутри себя, въ усиленной работѣ совѣсти, въ задачахъ самоусовершенствованія и моральнаго освобожденія отъ тяжелыхъ тисковъ жизни.

Въ Андреѣ Болконскомъ Толстой воплотилъ черты отживающаго властнаго барства, съ его властностью, честолюбіемъ, силой воли, чувствомъ чести и долга, съ его несомнѣнно

сильнымъ инстинктомъ государственнаго строительства. Въ лицѣ Пьера Безухаго онъ воплотилъ другія лучшія свои черты. Пьеръ Безухій добрый малый съ чуднымъ сердцемъ, идеалистъ, мечтатель, съ гуманными настроеніями и склонностью къ философіи. Это богатая чувственная, страстная натура, нѣсколько безпутная, но по существу исполненная жажды добра и прекрасныхъ задатковъ. Не случайно Толстой влагаетъ въ душу Пьера и нѣкоторыя народническія настроенія. Такія настроенія были бы чужды сухому, практичному и надменному аристократу чистой воды, привыкшему взирать на народъ съ высоты своего аристократическаго презрѣнія. И потому Толстой съ большой художественною чуткостью даетъ новыя черты не родовитому аристократу. Пьеръ Безухій, хотя и графъ, но не изъ родовитой семьи. Его отецъ—„вельможа въ случаѣ“ временъ Екатерины II. Съ точки зрѣнія старинной аристократіи такое жалованное графство ровно ничего не стоитъ. Оно просто игнорируется, и замѣчательно, что во всемъ романѣ Толстого Пьеръ Безухій фигурируетъ, какъ Пьеръ Безухій, а не какъ *графъ* Пьеръ Безухій.

И въ тоже время Андрей Болконскій всегда *князь* Андрей Болконскій; титулъ князя составляетъ неотъемлемую часть его имени и фамиліи. „Князь Андрей“—это звучитъ привычно и естественно;—„графъ Пьеръ“—странно и не натурально.

На плечахъ Пьера нѣтъ тяжелаго груза усталости многихъ поколѣній предковъ, и онъ идетъ бодрѣе и радостнѣе, чѣмъ Андрей, на встрѣчу новымъ запросамъ жизни и новымъ исканіямъ правды. Это натура дѣятельная экспансивная, воспріимчивая къ новымъ вѣяніямъ. Онъ быстро проходитъ всѣ идейныя увлеченія вѣка, патріотическія настроенія смѣняются масонствомъ; это послѣднее мистицизмомъ, филантропіей либерализмомъ, идеями декабристовъ Пьеръ—здоровая натура, съ сильными нравственными запросами, съ большимъ чувствомъ демократизма. У него есть влеченіе къ народу, какая то безсознательная къ нему тяга. Онъ уже не такъ презираетъ чиновниковъ,[1]) какъ родовитые бары, онъ проще, добродушнѣе, доступнѣе.

Вполнѣ сознательно Толстой сближаетъ Пьера съ представителемъ народа, солдатикомъ Каратаевымъ, въ которомъ, по мнѣнію Толстого, воплощена вся народная мудрость. Каратаевъ—олицетвореніе духа простоты и нравственное сочетаніе жизнерадостности и покорнаго провидѣнію, пессимизма и смиренія.

Въ лицѣ Каратаева Толстой вступаетъ на путь идеали-

---

[1]) Замѣчательно, что въ романѣ Толстого это презрѣніе прямопропорціонально родовитости Всего сильнѣе оно у старика Болконскаго, гораздо слабѣе у Ростовыхъ, совсѣмъ отсутствуетъ у Безухова.

заціи народа и, слѣдовательно, народничества. Но народничество Толстого весьма своеобразное. Это, по мѣткому замѣчанію проф. Овсяннико-Куликовскаго,—барская разновидность народничества, при которой старыя соціальныя отношенія всего менѣе поколеблены между баріномъ и мужикомъ, по прежнему, не стоитъ никакое третье лицо, идиллія не нарушена... „Мужичокъ" взятъ самый благонравный и крайне удобный для барскаго спокойствія Толстой не видѣлъ трагедій въ отношеніяхъ господъ и рабовъ. Въ его произведеніяхъ нигдѣ нѣтъ картины ужасовъ крѣпостного права. На вопросы, почему онъ ихъ игнорировалъ, Толстой отвѣчалъ: „потому что я ихъ не видалъ, а чего не видалъ, того я изображать и немогу". Отвѣтъ правдивый и искренній. И дѣйствительно, Толстой не видалъ ужасовъ крѣпостного права въ своей средѣ. Въ дѣтствѣ онъ никогда не видѣлъ и не слышалъ про сѣченіе дворовыхъ крестьянъ. Но рядомъ съ этими законными основаніями отказа изображать то, что не видѣлъ, у Толстого были и другія инстинктивныя побужденія Идиллія барско—крестьянскихъ отношеній была не чужда его психологіи. И это не случайность, что изъ массы крестьянскихъ типовъ Толстой обратилъ вниманіе на Каратаева,—скромнаго мужичка, настоящую божью коровку, тихаго и смиреннаго, покорнаго судьбѣ, неспособнаго воды замутить. Съ такимъ мужичкомъ пріятно и спокойно имѣть дѣло. ни совѣсти вашей онъ не взволнуетъ, ни амбаровъ не подожжетъ, ни бунта, ни аграрныхъ безпорядковъ не устроитъ. Неларомъ и славянофилы въ своемъ барскомъ народничествѣ охотно проповѣдовали смиреніе, будто-бы составлявшее самую истинно русскую и христіаннѣйшую особенность русскаго народа.

Согласно представленіямъ Толстого, Каратаевъ—фаталистъ. „Рокъ головы ищетъ"—говоритъ онъ. отъ судьбы не уйдешь; отъ сумы и тюрьмы не зарекайся." Каратаевъ такъ и сыплетъ народными пословицами, которыя освобождаютъ его отъ необходимости думать. За Каратаева думаетъ весь народъ и Каратаеву остается только сливаться въ своихъ настроеніяхъ и переживаніяхъ съ народомъ. Жизнь для него имѣла смыслъ только въ слияніи съ цѣлымъ, которое онъ непрерывно чувствовалъ, и отъ котораго онъ получалъ свою радостную покорность судьбѣ. Каратаевъ былъ всегда радостенъ, веселъ, смиренъ, покоренъ провидѣнію, безъ воли котораго съ человѣческой головы не упадетъ ни одинъ волосокъ. Рокъ головы ищетъ! И это признаніе высшаго суда, эта покорность факту, эта пассивность и бездѣятельность восхищали Толстого, видѣвшаго здѣсь высшее разумѣніе смысла жизни.

Слияніе съ цѣлымъ, радостное переживаніе за одно съ этимъ цѣлымъ всей его жизни и безропотное воспріятіе зла—вотъ настроенія Толстого, цѣликомъ предвосхищающія его будущія этическія и соціальныя теоріи „Исповѣди", „новаго толкованія евангелія"; они уже опредѣляются въ „Войнѣ и мирѣ"

страницами, посвященными Каратаеву и всей философской конструкціей романа. Бездѣятельность, пассивное подчиненіе высшей волѣ Толстой считаетъ истинной мудростью. Поэтому выжившій изъ ума дряхлый Кутузовъ кажется Толстому воплощеніемъ мудрости, а сильный и энергическій Наполеонъ, въ своихъ усиліяхъ повернуть событія по своему желанію, кажется Толстому жалкимъ актеромъ, кривлякой и пустымъ, ничтожнымъ человѣкомъ.

Это влеченіе къ пассивности, бездѣятельности подмѣтилъ въ свое время нашъ критикъ консервативнаго лагеря Головинъ, который видѣлъ въ отсутствіи стойкости и иниціативы недостатокъ индивидуальной выдержки въ русскомъ народѣ. Личность была подавлена и угнетена, табунное начало было сильнѣе. У Толстого къ этой первой причинѣ симпатій къ пассивности нужно прибавить и вторую, лично свойственную Толстому: это тотъ грустный взглядъ на жизнь, который объяснялся усталостью и пресыщенностью жизнью цѣлаго ряда аристократическихъ предковъ нашего писателя.

Надо, однако, замѣтить, что философскій фатализмъ Толстого не находится въ полномъ согласіи съ художественными наблюденіями писателя. Какъ это часто бываетъ у Толстого, художественные образы у Толстого живутъ своей самостоятельной жизнью, независимо отъ тенденцій и намѣреній автора. Это замѣтилъ еще Писаревъ, въ свое время, и въ этомъ громадная художественная заслуга Толстого. Когда мы читаемъ „Войну и миръ“ мы можемъ не замѣчать тенденцій автора, и образы будутъ говорить намъ сами за себя. Картины массовой жизни, нарисованныя намъ Толстымъ, говорятъ намъ не о фатализмѣ и покорности судьбѣ, а о томъ, что личность играетъ ничтожную роль въ массовыхъ движеніяхъ и что она не можетъ измѣнить или направить событія, вопреки воли этихъ массъ и ихъ естественному движенію по опредѣленному руслу Въ этомъ смыслѣ Л. Н. Толстой, отчасти, далъ своимъ романомъ полезный матеріалъ и для того направленія, которое Толстой отрицаетъ всей своей психикой—а именно марксизму.

Что касается „народничества“ Толстого, по скольку оно выразилось въ Каратаевѣ, то здѣсь умѣстно сказать уже за одно, что народническія воззрѣнія Толстого не вылились въ опредѣленное міровоззрѣніе и пережили немало измѣненій. Аналитическій умъ Толстого лишенъ всякой способности синтеза и потому противорѣчія у него мирно уживаются другъ съ другомъ. Такъ въ „Казакахъ“ Толстой съ симпатіей выводитъ въ противуположность Каратаеву яраго индивидуалиста Ерошку, который утверждаетъ, что все Богъ сдѣлалъ для человѣка. Ни въ чемъ нѣтъ грѣха. И Пьеръ Безухій отчасти близокъ и къ Ерошкѣ, когда утверждаетъ, что жизнь есть все, жизнь есть Богъ.

Ивановъ-Разумникъ въ своей книгѣ пытается опредѣлить

народничество Толстого, какъ нѣчто среднее между почвенничествомъ Достоевскаго и критическимъ народничествомъ. Еще въ 1862 году Толстой въ статьѣ „прогрессъ и опредѣленіе образованія“ предвосхитилъ основныя положенія критическаго народничества, подробно развитыя въ слѣдующемъ десятилѣтіи Н. К. Михайловскимъ. Онъ первый послѣ Герцена и Чернышевскаго развилъ идею противуположности интересовъ націи и народа (народа т. е. трудящихся классовъ). Но вмѣстѣ съ Достоевскимъ Толстой признавалъ особый путь развитія для Россіи (id. народники съ В. В. во главѣ) и смѣшивалъ *интересы* народа съ его мнѣніями, считая нужнымъ держаться этихъ послѣднихъ. Какъ въ отношеніи народа, такъ и въ отношеніи идеи личности, Толстой пережилъ рядъ противорѣчій отъ яркаго индивидуализма до табуннаго начала, и оба эти настроенія совмѣстилъ и въ своей позднейпроповѣднической дѣятельности.

VI.

Разбирать болѣе детально романъ „Война и миръ“ у насъ нѣтъ никакой возможности. Это уже не разъ сдѣлано другими и не входитъ въ нашу задачу. Отмѣтимъ только глубокую художественность романа во всѣхъ тѣхъ его частяхъ, гдѣ передаются интимныя переживанія и настроенія стариковъ и молодыхъ, на удивительныя картины барской жизни въ семьѣ Ростовыхъ и у Болконскихъ, и свѣтской жизни Петербургскихъ салоновъ, на полныя глубокой наблюдательности картины военнаго быта и жизни офицеровъ арміи и гвардіи. Впервые въ русской литературѣ затронутъ и поставленъ на вѣрную почву вопросъ о нелѣпыхъ предразсудкахъ такъ называемой чести воинской части [1]). Полна глубокаго пониманія психологіи толпы исторія Верещагина. Тонкой вдумчивостью проникнута характеристика генералъ-губернатора графа Ростопчина. Въ сценѣ съ Верещагинымъ уже явно выдвинута Толстымъ отрицательная точка зрѣнія къ государству и такъ называемому „порядку“, во имя котораго приносятся жертвы. Картина получается въ высшей степени назидательная: графъ Ростопчинъ явно напуталъ; своими глупыми листками и воззваніями онъ успокоилъ москвичей и помѣшалъ ему во время убраться,—теперь, когда глупость его распоряженій стала очевидной для всѣхъ,—онъ не знаетъ, какъ выпутаться и придумываетъ отвратительный

[1]) Объ этомъ прекрасныя страницы въ книгѣ Драгомірова о «Войнѣ и мирѣ».

выходъ. Онъ зоветъ Верещагина, котораго Сенатъ уже осудилъ за распространеніе прокламацій къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ; но графу Ростопчину нужна искупительная жертва за собственную глупость. Онъ выдастъ Верещагина толпѣ, онъ разжигаетъ ея страсти, увѣряя, что Верещагинъ виновникъ занятія французами Москвы и, устроивъ легенькій погромъ, жертвой котораго гибнетъ по его самовольному суду Верещагинъ, уѣзжаетъ успокоенный и удовлетворенный, въ коляскѣ, увѣряя себя, что все это было необходимо въ интересахъ „порядка"!

Очень цѣнны и тѣ страницы, гдѣ Толстой, вопреки установившемуся въ свое время взгляду, изображаетъ отношенія крестьянъ къ дворянамъ и французамъ далеко не съ общепринятой патріотической точки зрѣнія. По ужасовъ крѣпостного права Толстой все-же не изображаетъ намъ въ своемъ романѣ: ихъ онъ не видалъ и не хочетъ знать...

Второй романъ „Анна Каренина" рисуетъ намъ тотъ-же великосвѣтскій міръ, но послѣ „катастрофы", то есть послѣ освобожденія крестьянъ. Передъ нами картина жизни великосвѣтскаго общества въ условіяхъ крушенія стараго соціальнаго строя. Новыя отношенія, легализованныя и юридически оформленныя „великими реформами", требовали приспособленія къ себѣ людей стараго уклада, или неизбѣжно вели ихъ къ гибели. Эту потребность приспособленія къ новымъ условіямъ жизни чувствуютъ всѣ; чувствуетъ и Л. Н. Толстой, но не знаетъ, какъ это сдѣлать. Старое исчезло въ своихъ юридическихъ правахъ, но остается властнымъ въ своей психологіи. Для Толстого новые соціальные слои не существуютъ. Они ему прямо антипатичны. Онъ не хочетъ знать ни интеллигенціи изъ разночинцевъ, ни торгово-промышленнаго класса, ни новыхъ свободныхъ профессій, ни земства, ни фабрикъ, ни промышленности. Если появляется въ его романѣ представитель интеллигентной профессіи, то непремѣнно подмаранный, напр. адвокатъ—по бракоразводнымъ дѣламъ, если купецъ, то кулакъ, скупающій за дешево дворянскія помѣстья. Новые люди только случайные типы. Центральное мѣсто занимаютъ, по прежнему, люди бѣлой кости, —бары, и рядомъ съ ними—мужики. Среди баръ—самый симпатичный Толстому и близкій ему по крови и духу—Константинъ Левинъ, за которымъ стоитъ все время самъ авторъ

Романъ „Анна Каренина" носитъ на себѣ печать какой то общей грусти, надломленности и неудовлетворенности. Въ семьяхъ царитъ разладъ, въ настроеніяхъ—смутное сознаніе нескладности жизни. Вронскій во многомъ пошелъ дальше Андрея Болконскаго; онъ уже тяготится условностью и безсодержательностью свѣтскаго общества, онъ желалъ бы лучшей и болѣе разумной жизни. Онъ готовъ уйти изъ „свѣта", нарушить условность свѣтской морали и жить въ незаконномъ бракѣ съ любимой женщиной, но куда уйти,—онъ этого себѣ не представляетъ. Прилѣпиться душой къ новымъ классамъ

онъ не можетъ: всѣми силами своей души, всей своей барской психологіей чуждъ онъ новымъ людямъ и новымъ интересамъ. И потому онъ пытается устроить счастье съ любимой женщиной въ атмосферѣ полной оторванности отъ общества. Но, разорвавъ всѣ социальныя связи съ обществомъ онъ, какъ и Анна Каренина, не могутъ утвердить своей жизни на одномъ основаніи—личнаго чувства, и вотъ Анна Каренина лежитъ распластаннымъ трупомъ подъ колесами желѣзнодорожнаго поѣзда, а Вронскій уѣзжаетъ въ Сербію, не вѣря въ добровольческое движеніе.

Герой Толстого – Левинъ. Онъ уже чуждъ барскаго презрѣнія къ мужикамъ, онъ ихъ и уважаетъ, и даже любитъ, но онъ не хочетъ знать ни о какихъ новыхъ элементахъ общества и все еще не утерялъ надежды на устройство идиллическихъ отношеній съ крестьянами. Онъ глубоко презираетъ городъ, купцовъ; ему кажется возмутительнымъ то обстоятельство, что Стива Облонскій подаетъ руку купцу, покупающему землю и считаетъ этого купца не выше своего лакея, которому „не подаютъ руки“.

Съ большой наивностью человѣка, который привыкъ жить настроеніями и психическими привычками *болѣе*, чѣмъ думать, онъ искренне убѣжденъ, что онъ по праву получилъ наслѣдственныя земли даромъ, по праву получаетъ въ сто разъ большій доходъ, чѣмъ мужикъ, а вотъ купецъ, скупающій дешево земли, поступаетъ и гнусно, и безнравственно. У Левина большая жажда правды, но его практическая мораль нѣчто чрезвычайно плоское, мѣщанское Какъ наивно разсказываетъ намъ Толстой, что Левинъ, руководясь инстинктомъ правды, всегда зналъ, что хорошо и что дурно. И вотъ какъ онъ представлялъ себѣ это хорошее и дурное: Левинъ „зналъ, что нанимать рабочихъ *надо* было какъ можно дешевле; но брать въ кабалу ихъ, давая впередъ деньги, дешевле, чѣмъ они стоятъ, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать въ безкормицу мужикамъ солому, можно было, хотя и жалко было ихъ; но постоялый дворъ и питейный, хотя они и доставляли доходъ, надо было уничтожить... Петру, платившему ростовщику 10 процентовъ въ мѣсяцъ, нужно было дать взаймы, что-бы выкупить его; но *нельзя* было спустить и отсрочить оброкъ мужикамъ неплательщикамъ“.

Такова нехитрая и поистинѣ чисто помѣщичья „правда“ Левина. Стоило-ли огородъ городить и копья ломать, что-бы прійти къ морали обычнаго помѣщика, не открытаго грабителя и кулака, а человѣка признающаго извѣстное джентельменство въ отношеніи къ придавленному нуждой крестянству. Не устраивать питейный домъ, не прижимать въ расчетахъ голодомъ, не платить дешевле стоимости денегъ—вотъ какія скромныя глубины содержитъ „правда“ Левина и отчасти тогдашняго Толстого. И если-бы за спиною Левина не стояла совѣсть великаго писателя, мы бы, несомнѣнно, признали въ

Левинѣ обыкновеннаго помѣщика—аграрія съ нѣкоторой примѣсью идеализма и романтизма въ отношеніи къ крестьянамъ И, конечно, этотъ романтическій идеализмъ не долго бы выдержалъ жестокія прикосновенія суровой дѣйствительности. Рознь между мужикомъ и бариномъ все-бы росла, противорѣчія между интересами того и другого все увеличивались бы и съ желѣзной необходимостью толкали бы барина—романтика на путь истинно дворянской политики по извѣстной программѣ—земскихъ начальниковъ, дворянскаго банка, а впереди, можетъ быть, и сотни казаковъ. Но совѣсть великаго художника не пустила Левина въ эту сторону, она смутила его покой картиной жизненныхъ противорѣчій, мыслью о неизбѣжной смерти и безсмысленности жизни, ушедшей на созиданіе себѣ одному семейнаго и матерьяльнаго благополучія. Вопросъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни мучительно зазвенѣлъ въ совѣсти и Левина, толкалъ его на тяжелыя нравственныя страданія и муки, чуть не привелъ къ самоубійству и, наконецъ, направилъ его сначала въ лоно церковно—народныхъ традицій, откуда уже намѣчался выходъ въ сторону евангелическаго христіанства.

Еще Н. К. Михайловскій въ своей замѣчательной статьѣ о Толстомъ („Десница и Шуйца Л. Н. Толстого“) обратилъ вниманіе на тѣ страницы романа „Анна Каренина“, которыя свидѣтельствовали не только о драмѣ жизни въ душѣ К. Левина, но еще въ большей степени говорили о драмѣ души великаго писателя. Эта драма могла привести обыкновеннаго человѣка къ самоубійству, но у недюжиннаго человѣка она могла разрѣшиться иначе, путемъ иныхъ болѣе жизненныхъ выходовъ. Толстой былъ достаточно сильнымъ человѣкомъ, чтобы покончить жизнь самоубійствомъ. Его спасла крестьянская масса, любовь къ которой зародилась у Толстого еще въ молодости. Онъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ ихъ жизнь, и жизнь богатаго круга людей ему „не только опротивѣла, но и потеряла всякій смыслъ“.

Несомнѣнно на Толстого повліяли и народническія движенія 70-хъ годовъ эпохи хожденія въ народъ. На русское общество не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія и нѣкоторые политическіе процессы этого времени. Таковы напр. процессъ Долгушинцевъ въ 1875 году и въ особенности процессъ московскихъ „пятидесяти“, среди которыхъ обращали на себя вниманіе Бардина, Любатовичъ и сестры Субботины. Это были дѣвушки, вышедшія изъ свѣтскаго общества. Несмотря на то, что родители ихъ были очень богатые люди, онѣ вели жизнь простыхъ рабочихъ дѣвушекъ, жили въ фабричныхъ казармахъ, работали по 14—16 часовъ въ день и переносили всѣ тягости труда только ради того, чтобы имѣть возможность жить среди рабочихъ и учить ихъ. Наконецъ въ 1878 году огромное впечатлѣніе произвелъ процессъ 193 и Вѣры Засуличъ. Всѣ эти народническія дви

женія не могли не найти отклика въ чуткой душѣ большого художника. Новыя настроенія отразились у Толстого въ рядѣ публицистическихъ статей и во всѣхъ новыхъ его художественныхъ произведеніяхъ.

VII.

Существуетъ предразсудокъ, который заслуживаетъ быть опровергнутымъ — это объ упадкѣ творческой дѣятельности Толстого въ періодъ увлеченія его религіозно-философскими настроеніями. Обыкновенно принято считать, что Толстой „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, какъ художникъ, выше Толстого болѣе позднихъ произведеній; но это совершенно не вѣрно. Толстой, какъ художникъ, не утратилъ своихъ дивныхъ творческихъ силъ до глубокой старости. Правда есть разница въ произведеніяхъ болѣе раннихъ и болѣе позднихъ, но эта разница вовсе не во вредъ новому. Толстой сталъ еще строже относиться къ своему творчеству. Языкъ его сталъ проще, строже, разсказъ суровѣе и напряженнѣе. Толстой сталъ ярче и опредѣленнѣе, чѣмъ прежде, высказывать свои новые взгляды, удѣляя иногда имъ часть содержанія новыхъ разсказовъ, какъ сдѣлалъ онъ это и въ „Войнѣ и мирѣ“, помѣстивъ цѣлый философскій трактатъ въ концѣ романа на тему о роли личности въ массовыхъ движеніяхъ Но его теоретическіе взгляды никогда не вліяли на художественные образы. Его произведенія не стали болѣе тенденціозными.

Въ этомъ отношеніи Толстой рѣдкій примѣръ художественной честности и независимости. Образы, создаваемые имъ, живутъ своей особенной, вполнѣ самостоятельной жизнью и часто не подчиняются его выводамъ. Это въ высшей степени цѣнное свойство. Чувство правды и художественнаго такта ни на минуту не измѣняютъ Толстому. И потому, какъ художникъ, онъ всегда одинаково честенъ и вѣренъ себѣ. Такъ напр, еще въ старомъ разсказѣ „Люцернъ“, написанномъ съ явной цѣлью разгромить цивилизацію богатыхъ, Толстой разсказываетъ, какъ онъ, возмущенный черствостью англичанъ, не пожелавшихъ ничего дать уличному пѣвцу, пригласилъ этого пѣвца на зло надутымъ туристамъ за свой столикъ въ роскошномъ ресторанѣ и угощалъ виномъ. Толстому, конечно, хотѣлось показать, насколько мы выше черствыхъ представителей запада, но сила художественной правдивости такъ сильна въ Толстомъ, что, въ концѣ концовъ, разсказъ его приводитъ къ самымъ неожиданнымъ выводамъ. Оказывается, что пѣвецъ чувствовалъ себя очень неловко въ важномъ ресторанѣ за столомъ богатаго путешественника, что по всему видно было, какъ его стѣсняетъ неожиданное „благородство“ русскаго господина, что, видимо, онъ съ большой охотой предпочелъ бы скромный кабачокъ и менѣе дорогое вино. Въ концѣ концовъ вы видите, что въ благородствѣ

барина заключалась не малая доля рисовки и совсѣмъ мало было заботы о человѣческой личности. Чувство художественной правды у Толстого всегда побѣждаетъ тенденцію. Тоже мы видимъ и въ одномъ изъ произведеній Толстого девятидесятыхъ годовъ „Хозяинъ и работникъ“; здѣсь затрагивается очень важный вопросъ объ отношеніи работодателей къ рабочимъ. Какъ извѣстно, Толстой отрицаетъ классовую борьбу, не хочетъ и слышать о ней, и повѣсть написана съ явной цѣлью показать силу любви, торжествующей надъ силой классовой ненависти. Но Толстой чуткій и правдивый художникъ. Онъ не можетъ допустить лжи и даже преувеличеній. Онъ чувствуетъ, что картина нѣжной любви и самопожертвованія въ отношеніяхъ хозяина къ работнику покажется очень странной и неестественной въ обычныхъ условіяхъ городской и сельской жизни, и вотъ, съ геніальной находчивостью, онъ переноситъ событіе своего разсказа изъ условій опредѣленнаго времени и пространства въ обстановку исключительную.

Передъ нами безлюдная мѣстность, занесенная снѣгомъ. Нѣтъ здѣсь ни города, ни деревни, ни городовыхъ, ни старостъ, ни фабрикъ, ни экономій, — ни одного изъ признаковъ современнаго государства. И вотъ въ этой необычной обстановкѣ совершается великій актъ любви: хозяинъ покрываетъ своимъ тѣломъ замерзающаго работника и спасаетъ его жизнь цѣной своей собственной. Остается глубоко-сильное и, съ тѣмъ, вполнѣ правдоподобное впечатлѣніе.

Только въ одномъ своемъ произведеніи Толстой впадаетъ въ шаржъ и погрѣшаетъ противъ истины. Въ забавной и умной комедіи „Плоды просвѣщенія“, изображающей пустоту и ничтожество высшаго общества, осмѣяна наука — въ лицѣ профессора, увлеченнаго спиритизмомъ. Рѣчь профессора представляетъ собою странное сочетаніе чрезвычайно вѣрныхъ и вполнѣ научныхъ догадокъ о природѣ силъ и энергіи, объ атомахъ и въ эти строго научныя соображенія искусно вплетены чисто шарлатанскія утвержденія спиритовъ.

Впрочемъ, уклоненіе отъ истины оправдывается здѣсь легкимъ жанромъ творчества. При томъ ученый профессоръ легко могъ оказаться профаномъ въ жизни, а весь комизмъ именно въ томъ столкновеніи ученыхъ и просвѣщенныхъ людей съ жизнью, при которомъ бойкая дѣвушка изъ деревни можетъ водить за носъ людей высшей „культуры“.

На почвѣ строгаго художественнаго реализма стоитъ Толстой въ своей драмѣ „Власть тьмы“. Пьеса дорога для насъ, между прочимъ, и потому, что чужда всякаго сантиментализма, обычнаго въ народнической литературѣ. Несмотря на любовь Толстого къ народу, онъ не идеализируетъ его, и остается на почвѣ суровой и не подкрашенной правды жизни. Ужасъ *власти тьмы* захватываетъ и потрясаетъ насъ, и только безхитростный Акимъ, со своимъ „душа надобна“— спасаетъ въ насъ вѣру въ народъ. Л. Н. Толстому, рядомъ съ Успенскимъ, принадлежитъ великая заслуга изображенія

русскаго крестьянства безъ всякаго подкрашиванія, такимъ, какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Сурово и безъ всякаго прикрашиванья изображаетъ Толстой и жизнь и смерть Ивана Ильича (Смерть Ивана Ильича). Безпощадный анализъ жизни не озаренной высшимъ пониманіемъ, чуждой высшихъ религіозныхъ и нравственныхъ задачъ, сдѣланъ съ такой суровой силой, съ такой неумолимой логикой и ясностью выводовъ, что впечатлѣніе отъ повѣсти остается на всю жизнь Дѣлается до очевидности ясно, что такъ жить нельзя, и что современный человѣкъ со своими суетными заботами о комфортѣ, о внѣшнемъ благополучіи—жалкій, ничтожный и несчастный человѣкъ.

Въ своей статьѣ „объ искусствѣ“ Толстой старается выяснить общенародное значеніе искусства и требуетъ отъ него высоко христіанскаго содержанія. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что христіанство Толстой разумѣетъ, какъ вложенное самой природой въ нашу душу влеченіе къ добру, то съ этой точки зрѣнія вся художественная дѣятельность Толстого можетъ быть названа вполнѣ христіанскою и глубоко всенародною. Но, не довольствуясь этимъ, Толстой задумалъ цѣлый рядъ мелкихъ (по размѣрамъ) произведеній, въ которыхъ старался выразить свое христіанское настроеніе („Чѣмъ люди живы“, „Много-ли человѣку земли нужно“, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Карма“ и пр.), и въ этихъ маленькихъ разсказахъ онъ остается большимъ художникомъ.

Такимъ большимъ художникомъ является онъ и въ своемъ послѣднемъ романѣ „Воскресеніе“. Юношеская энергія писателя поражаетъ насъ. Семидесятилѣтній авторъ пишетъ такъ, какъ если бы онъ самъ недавно переживалъ все то, что онъ разсказываетъ о своихъ герояхъ. Полна весенней свѣжести и поэзіи сцена увлеченія Катюши Нехлюдовымъ. Словно волна молодой здоровой чувственности хлынула изъ глубины сердца автора и все залила и захватила. Свѣтское общество изображено съ той-же неувядаемой яркостью красокъ, которыми написаны лучшія страницы „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. Передъ нами громадное количество дѣйствующихъ лицъ и глубоко вѣрное пониманіе ихъ жизни и психологіи.

Поражаетъ напримѣръ то безпристрастіе, съ которымъ Толстои изображаетъ террористовъ, хотя принципіально и является ихъ непримиримымъ врагомъ. Злой и мѣткой сатирой дышатъ страницы, посвященныя изображенію суда. Впрочемъ, судъ и судейскихъ Толстой всегда не могъ терпѣть Это принципіалное отрицаніе суда поддерживалось и личными непріятностями, полученнымъ Толстымъ при столкновеніи его съ судейскимъ міромъ. Извѣстно его огорченіе и возмущеніе, когда судебный слѣдователь, изъ лишняго усердія, привлекъ Толстого къ слѣдствію по дѣлу о забоданіи мужика принадлежащей ему коровой. Тяжелыя впечатлѣнія вы-

несъ Толстой и отъ военнаго суда, въ которомъ онъ однажды выступалъ защитникомъ. Судъ и осужденіе отрицаетъ Толстой и съ точки зрѣнія своего пониманія евангелія. Потому то онъ и поставилъ въ центрѣ своего романа громадную, по своему существу, антитезу судящихъ и судимыхъ. Эта смѣлая антитеза не могла не произвести на всѣхъ огромное впечатлѣніе. *Кто* судьи? *Кого* судятъ!

Передъ нами несчастная Катюша, доведенная до проституціи и, по ошибкѣ слѣдователя, попавшая на скамью подсудимыхъ. A vis à vis на скамьѣ судей совѣсти—знатный и богатый человѣкъ, князь Нехлюдовъ—дѣйствительный виновникъ несчастій Катюши. Богатство и бѣдность. Сомнительная честность и неповинная преступность. Добро и зло. Правда внѣшняя и правда внутренняя—все стало тутъ одно передъ другимъ во всей своей обнаженности, передъ суровой, но безпристрастной оцѣнкой видящаго правду художника и поразило насъ, потрясло и взволновало неожиданностью положеній и выводовъ. Ужасъ жизни со всѣми ея противорѣчіями, условностью, ложью со всѣми ея дикими и непослѣдовательными, лицемѣрными отношеніями—всталъ передъ нами грознымъ кошмаромъ и требуетъ коренныхъ моральныхъ и соціальныхъ преобразованій общества. Такъ дальше жить нельзя—вотъ что слышится въ каждой строчкѣ геніальнаго произведенія Толстого, вотъ что даетъ ему особенную глубину, живучесть и значительность. Совершенно правъ Кропоткинъ утверждая, что романъ „Воскресеніе“ — одно изъ самыхъ интернаціональныхъ произведеній Толстого, и какъ вѣрно выразился одинъ французскій критикъ, „эта книга оставитъ свой глубокій слѣдъ на совѣсти вѣка“.

Громадное значеніе будетъ имѣть и религіозно-философская проповѣдь Толстого, о которой мы будемъ говорить ниже. При всей ошибочности и непослѣдовательности Толстого, какъ моралиста и соціальнаго реформатора, при всемъ томъ, что на его воззрѣніяхъ замѣтенъ сильный слѣдъ его аристократическихъ настроеній, его произведенія уже потому цѣнны, что заставляютъ задумываться надъ коренными вопросами человѣческой жизни, и ставя ихъ ярко, рѣзко и смѣло, даютъ возможность и намъ искать на нихъ отвѣты яркіе, смѣлые и опредѣленные.

Въ Толстомъ—мыслителѣ мы увидимъ все тѣ-же черты Толстого человѣка и художника и благословимъ его жажду правды, его немеркнущую ясность духа, его великое негодованіе противъ всѣхъ неправдъ жизни, то святое, благородное негодованіе, въ которомъ, одномъ, уже залогъ будущихъ успѣховъ разума, справедливости и любви.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Никто изъ критиковъ не обратилъ вниманія на поразительное сходство между Л. Н. Толстымъ и авторомъ „Божественной комедіи".

Когда Данту было тридцать пять лѣтъ, онъ проснулся послѣ долгаго жизненнаго сна и оказался въ дремучемъ лѣсу (чащѣ страстей). Такъ разсказываетъ поэтъ. Вдали виднѣлась ясная поляна, и крѣпко захотѣлось Данту выбраться изъ лѣсной чащи и отдохнуть на свѣтлой полянѣ.

Но путь изъ дикой лѣсной чащи былъ загражденъ волкомъ, пантерой и львомъ (символы главныхъ человѣческихъ грѣховъ—жадности, сладострастія, властолюбія). Тогда на помощь поэту, жаждущему тихаго счастья, приходитъ Виргилій—символъ здраваго смысла,—практической философіи. Онъ указываетъ поэту вѣрный, подлинный путь. Сначала Виргилій ведетъ поэта въ адъ по девяти кругамъ конусообразной воронки, съуживающейся книзу: поэтъ словно нисходитъ по кругамъ въ самые отдаленные уголки своей собственной грѣшной души, содрогается отъ своей грѣховности и жаждетъ пройти путь очищенія, ведущій черезъ все чистилище къ желанному раю на землѣ, озаренному свѣтомъ практической философіи. Здѣсь Виргилій покидаетъ Данта. Какъ человѣкъ, въ значительной степени еще средневѣковый, Дантъ не могъ удовлетвориться указаніями практическаго разума. Философія—только служанка богословія и Беатриса—символъ божественной премудрости (теологіи) ведетъ поэта въ эмпиреи, въ небесный рай, гдѣ Дантъ созерцаетъ Бога.

Совершенно то же случилось и съ Толстымъ. Мы уже указывали, что никакого спеціальнаго перелома въ жизни Толстого въ сущности не было. Но тотъ психологическій переломъ, который присущъ каждому человѣку въ зрѣломъ возрастѣ—имѣлъ мѣсто и въ жизни Толстого. Обыкновенно въ 30—35 лѣтъ человѣкъ впервые оглядывается на пройденный путь, свершенный подъ вліяніемъ страстей и кипѣнія крови, словно во снѣ: честолюбіе, страсти, политическая борьба застилаютъ отъ человѣка болѣе важные вопросы объ истинномъ смыслѣ жизни. Но когда поуходятся физическія силы,—открывается длинный и печальный путь къ могилѣ и хочется успѣть осмыслить жизнь, возможно умнѣе и толковѣе использовать вторую половину своего земного су-

ществованія. На смѣну и взамѣнъ уходящимъ силамъ приходитъ опытъ для мудраго пользованія своими жизненными рессурсами

У Толстого этотъ обычный въ жизни каждаго человѣка переломъ нѣсколько затянулся. Онъ нашелъ свою, „ясную поляну“ на 34-мъ году въ счастливой семейной жизни (не чуждой бурь), въ заботахъ по хозяйству, въ творчествѣ. Только къ пятидесяти годамъ Толстой особенно остро почувствовалъ приближеніе старости и съ новой силой захваченъ былъ вопросомъ о смыслѣ жизни.

Тихая поверхность яснополянскаго счастья заволновалась философскими тревогами. То, что такъ остро и больно терзаетъ обыкновеннаго человѣка въ 35-лѣтнемъ возрастѣ, сломило могучаго писателя на 15—20 лѣтъ позже—соотвѣтственно могучему росту его долговѣчнаго организма. Словно природа знала, что въ 80 лѣтъ Толстой будетъ также силенъ и бодръ, какъ рѣдко бываютъ бодры и шестидесятилѣтніе старцы.

Толстой заглянулъ въ свою душу, сошелъ въ глубь по ея кругамъ, усмотрѣлъ тамъ много грѣховъ и ужаснулся. Явилась не новая, но съ новой силой мутившая потребность очищенія и нравственнаго возрожденія. Горячка семейныхъ заботъ, творчества, хозяйственныхъ волненій прошла; наступало удовлетвореніе жизненными благами и удачами,— впереди зіяла могила и съ непреодолимой силой толкала человѣка къ подведенію итоговъ жизни. Зачѣмъ жить? Какъ жить? Неужели для накопленія богатствъ, для славы, для обезпеченія семьи? Душа большого человѣка не мирилась съ такими тусклыми цѣлями жизни. Знакомство съ великими философами и художниками пессимистами—съ Шопенгауэромъ, Соломономъ и другими пробуждало страстную потребность разгадать загадку жизни.

Сегодня будетъ куплено имѣніе въ Саратовской губерніи, а завтра въ Самарской А дальше что? И какъ жить среди вопіющихъ противорѣчій и неправдъ жизни?

Подобно Данту, Толстой пробовалъ опереться на теологію. Но у него не было своей Беатрисы. Онъ хотѣлъ слиться съ народомъ, съ его наивными традиціями церковной догмы и церковныхъ обрядовъ. Но пятьсотъ лѣтъ отдѣляло новаго Данта отъ его предшественника. За это время выросла наука и цѣликомъ свергла иго церковныхъ традицій и предразсудковъ. Толстой слишкомъ современный человѣкъ, натура глубоко разсудочная, чуждая всякаго мистицизма, тщетно навязываемаго ему нѣкоторыми критиками.

Попытка Толстого смириться передъ традиціонными формами религіи вызывала протестъ всего его существа,—его разума, его совѣсти, его художественной проницательности, доходящей до ясновидѣнія. Всплыла и должна была всплыть старая мысль, записанная въ дневникѣ отъ 5-го марта 1855 года о созданіи религіи Христа, очищенной отъ вѣры

въ чудеса и всяческаго мистицизма. Навстрѣчу этой мысли шли и религіозныя исканія русскаго народа въ лицѣ его сектантовъ и настроенія, вызванныя картинами глубокаго разительнаго противорѣчія между оффиціальной, государственной церковностью и евангельскимъ ученіемъ [1]). Открывалась настоятельная необходимость сличенія оффиціально признаннаго ученія съ его первоисточникомъ,—евангеліемъ.

Эту работу сличенія Толстой долженъ былъ продѣлать самъ,—цѣликомъ, всю, на своихъ могучихъ плечахъ. Громадныя физическія и духовныя силы давали ему вѣру въ себя. Мощная натура ставила Толстого непосредственно лицомъ къ лицу со всѣми задачами жизни. Его духовное „я“ было такъ громадно, что требовало установленія прямыхъ отношеній къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ—къ семьѣ, обществу, государству, религіи. Толстой долженъ былъ установить *свое* отношеніе къ Богу, долженъ былъ создать *свою* религію, *свое* пониманіе евангелія. Если бы Толстой былъ человѣкомъ западно-европейской культуры, эта работа была для него облегчена. Тамъ, на западѣ, изученіе и критика евангелія начались давно и со временъ Лютера получили право гражданства и широкое распространеніе въ условіяхъ полной религіозной свободы и терпимости. На западѣ, во многихъ странахъ, сравнительное изученіе религій вошло, какъ предметъ преподаванія, въ курсъ средней школы. А ужъ о богословской университетской наукѣ и говорить нечего. Достаточно вспомнить Фейербаха, Ренана, Штрауса и сотни другихъ ученыхъ изслѣдователей и коментаторовъ христіанства. Каждая строчка евангелія, каждый текстъ, каждый варіантъ изучены со всевозможной тщательностью. У насъ до послѣдняго времени воспрещались даже сочиненія Ренана; у насъ оффиціальное толкованіе вопросовъ религіи и евангелія было монополіей господствующей религіи и тщательно и ревниво оберегалось отъ свободныхъ изслѣдованій. Всякое дерзновеніе каралось, какъ государственное преступленіе, какъ политическая неблагонадежность. Полиція стояла на стражѣ благочестія, точнаго и неуклоннаго усвоенія религіозныхъ истинъ въ направленіи „вѣдомства православнаго вѣроисповѣданія“. Это создавало лѣнивое бездѣйствіе оффиціально-православной науки, мѣшало свободному изслѣдованію и частныхъ лицъ.

Вотъ почему первыя же попытки свободнаго толкованія евангелія со стороны Толстого и другихъ вызывали смятеніе, ужасъ, крики негодованія, злобы и самое дикое преслѣдованіе. Вся бѣда въ томъ, что наша свѣтская наука освободилась на много лѣтъ раньше, чѣмъ религіозная ученость. И такъ какъ эта послѣдняя была подъ строгимъ надзоромъ невѣжественныхъ фанатиковъ и изувѣровъ, то интересъ къ ней не могъ развиваться и—въ результатѣ—глубокое равнодушіе нашего общества къ вопросамъ религіознаго сознанія.

---

[1]) Ср. извѣстное письмо свящ. Григорія Петрова къ митрополиту Антонію.

Знаменитая реформа Петра I, фактически отмѣнившая живое соборное начало православной церкви и поставившая во главѣ ея чиновническую коллегію — сдѣлала свое дѣло. Духъ религіознаго изслѣдованія и ревности, горячая преданность религіозной идеѣ—были вытравлены изъ церкви. Она лишилась своей самостоятельности, была вомкнута въ кругъ государственныхъ учрежденій, смирилась передъ свѣтской властью, прониклась ея мѣняющимися интересами и настроеніями и утеряла душу живу [1]). Восьмой членъ символа вѣры о соборности церкви (то-есть и о выборномъ началѣ въ отношеніи всѣхъ чиновъ церковной іерархіи) былъ отмѣненъ. А еще до конца XVII вѣка русскій народъ свято соблюдалъ это соборное начало, избирая священниковъ всѣмъ міромъ, а высшихъ іерарховъ соборами. Оттого-то возможна была старина и ревность о вѣрѣ. Оттого-то и дерзалъ митрополитъ Филиппъ говорить съ амвона о злодѣйствахъ самого царя Ивана Грознаго.

Восьмой членъ символа былъ нарушенъ. А вѣдь ничтожнаго измѣненія одной запятой достаточно для отпаденія отъ истиннаго православія. Знаменитое включеніе слова filioque раздѣлило всемірную церковь на Восточную и Западную. Гдѣ нарушенъ символъ, тамъ фактически отмѣнено и православіе. И старообрядцы это прекрасно понимали и понимаютъ... Ненормальное положеніе, въ которое поставлено было у насъ дѣло изученія религіи, отразилось и на дѣятельности Толстого въ этомъ направленіи.

Прежде всего ему пришлось работать по цѣлинѣ. Ни въ интеллигентномъ обществѣ, ни въ русской наукѣ онъ не нашелъ никакихъ матерьяловъ, никакой подготовленной почвы. Отсюда—необходимость громаднаго труда по собиранію матерьяловъ и изученію опыта западно-европейской науки. Толстой не останавливается передъ трудностью задачи. Онъ любитъ итти по цѣлинѣ. Онъ слишкомъ вѣритъ въ свои силы, чтобы остановиться передъ громаднымъ трудомъ. Онъ готовъ личными своими силами выполнить работу всего человѣчества. Онъ никому не довѣритъ и части своихъ выводовъ. Толстой изучаетъ греческій языкъ, ѣздитъ въ Москву заниматься подъ руководствомъ раввина древне-еврейскимъ языкомъ, изучаетъ и сличаетъ рукописи и варіанты.

Можно было съ увѣренностью сказать напередъ, что, при всей талантливости великаго писателя и громадной его трудоспособности, работа не выйдетъ вполнѣ совершенной. Мало изучить языки. Нужно усвоить все богатство культуры народа, по скольку она отслоилась въ языкѣ. Слово, какъ виноградная лоза; на немъ виситъ огромное количество ассоціацій идей и впечатлѣній отъ каждой исторической эпохи.

---

[1]) Вскорѣ угодливость іерарховъ оказалась такъ велика, что при Александрѣ I одинъ изъ митрополитовъ былъ мистикомъ.

Слово — спластанный, конденсированный конспектъ исторіи. Возьмите русское выраженіе *подлинный* (подъ линями), *подноготная* — какое разнообразное значеніе давалось этимъ словамъ въ разныя эпохи русской культуры. Старинное *прелесть* означало грѣховный соблазнъ. Еще Пушкинъ употребляетъ слово трудъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ обычный теперь:

Сулитъ мнѣ *трудъ и горе*,
Грядущаго волнуемаго море.

Разбираться въ толкованіи текстовъ съ лингвистической и историко-филологической точки зрѣнія громадный трудъ, предполагающій совмѣстную работу многихъ ученыхъ, поколѣній и школъ. Но Толстой желаетъ до всего дойти самъ. Нужды нѣтъ, если при этомъ приходится открывать америки и изобрѣтать порохъ. Амфитеатровъ разсказываетъ въ своей статьѣ о Толстомъ, какъ нашъ великій писатель прочелъ какъ-то свою статью о деньгахъ проф. Чупрову и проф. Янжулу, и крайне былъ удивленъ, когда узналъ, что его статья блестяще выражаетъ по данному вопросу давно устарѣвшія воззрѣнія физіократовъ. Не удивительно, если и въ изученіи и толкованіи евангелія Толстой не разъ открывалъ америку, а часто и ошибался. Толстой оправляется отъ каноническаго текста четвертаго пятаго вѣковъ, когда христіанство шло уже на буксирѣ у римскихъ императоровъ и подпадало вліянію римскаго закона, съ которымъ его сблизилъ Павелъ. Но крѣпко держась за евангельскій авторитетъ, Толстой не стѣсняется съ текстомъ. Его методъ возстановленія подлиннаго текста въ высшей степени оригиналенъ и простъ. Толстой создаетъ свое евангеліе не по авторитету откровенія, въ которое онъ не вѣритъ, а по сходству съ идеями добра у лучшихъ людей міра—Моисея, Конфуція, Будды, Сократа, Паскаля, Спинозы, Фейербаха, Лаотси, Марка Аврелія и др. Его толкованіе совершенно свободно отъ гностицизма и мистицизма. Догматическіе и мистическіе элементы отпадаютъ у него, какъ наросты, только вредящіе здоровому корню. Не будь ихъ, думаетъ Толстой, и даже не будь Христа, то тѣ, которые теперь считаютъ себя христіанами, были бы, можетъ быть, безъ Христа лучшими христіанами. Итакъ Христа, какъ богочеловѣка, Толстой не признаетъ, его евангеліе богооткровеннымъ не считаетъ. Но евангельскій текстъ, очищенный отъ всего, что не согласно съ разумомъ, онъ считаетъ нужнымъ привлечь для авторитетности своего ученія и своего толкованія истинной религіи. Въ этомъ нельзя не замѣтить противорѣчія. Догму и откровеніе Толстои отрицаетъ, а текстъ цѣнитъ, какъ незыблемый авторитетъ. Но при всемъ своемъ диллетантизмѣ Толстой совершилъ все же громадный и цѣнный трудъ. Многія ошибки, подлоги, намѣренныя искаженія въ евангеліи

ему удалось выяснить [1]). Для русскаго обывателя, совершенно незнакомаго съ исторіей и критикой текста, съ раціоналистическими религіозными толкованіями западныхъ церквей и евангелическихъ ученій,—все это можетъ показаться новымъ и пролить неожиданный и совершенно новый свѣтъ на многіе вопросы религіозной и церковной жизни. Нѣкоторыя догадки Толстого и указанія даже прямо проникновенны. Но утверждать, какъ дѣлаетъ это Минскій, что Толстой—Лютеръ русской жизни,—совершенно невозможно: время не то. Для роли Лютера нужно было родиться, по крайней мѣрѣ, на триста лѣтъ раньше.

Къ тому-же евангелическія воззрѣнія шли въ русскій народъ и непосредственно съ запада, гдѣ уже въ народныхъ движеніяхъ IX вѣка въ Арменіи, позже въ ученіи Виклефа и анабаптистовъ можно найти основныя черты евангелическихъ воззрѣній Толстого У насъ уже въ XVI вѣкѣ было сильно социніанство. Раціоналистическіе секты стали быстро распространяться въ народѣ въ XIX вѣкѣ, несмотря на жестокія преслѣдованія со стороны духовенства и администраціи. Русскій штундизмъ опередилъ Толстого. Самъ Л. Н. Толстой указываетъ, что на его воззрѣнія имѣли громадное вліяніе два знаменитыхъ сектанта Сютаевъ и Бондыревъ.

Свои религіозныя воззрѣнія Л. Н. Толстой изложилъ въ массѣ солидныхъ трудовъ и брошюръ. Изъ нихъ болѣе важныя: „Исповѣдь“ (1882), „Въ чемъ моя вѣра“ (1884), „Такъ что-же намъ дѣлать“ (1886), „Царство Божіе внутри насъ, или Христіанство, не какъ мистическое ученіе, а какъ новое пониманіе жизни“ (1900), „Христіанское ученіе“ (1902), краткій, но обстоятельный катехизисъ Толстого,—„Жизнь и ученіе Христа“, „Мой отвѣтъ Синоду“, „Что такое религія“, „О жизни“ и проч

Если подвести вкратцѣ итогъ религіозно-философскимъ взглядамъ Толстого, то нельзя не констатировать, что они далеко отошли не только отъ взглядовъ синодальнаго православія, но почти ничего общаго не имѣютъ и съ тѣмъ подлиннымъ православіемъ, какъ оно слагалось въ первые вѣка христіанства и закрѣплено вселенскими соборами. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать за Синодомъ права указать на полную непринадлежность Толстого къ руководимой Синодомъ церкви. Весь трагизмъ синодскаго отлученія—въ томъ, что, его при строгой послѣдовательности, пришлось-бы примѣнить ко всей русской интеллигенціи и всѣмъ, почти безъ исключенія, русскимъ писателямъ, начиная съ Пушкина, Бѣлинскаго, Тургенева и т д.

---

[1]) Что этихъ намѣренныхъ искаженій масса—достаточно судить хотябы только по сличенію церковно-славянскаго текста евангелія съ русскимъ переводомъ Такое слово какъ *дондеже* съ совершенно точнымъ смысломъ всюду переводится правильно. *пока не*, а въ текстѣ Марія не зна Іосифа дондеже и т. д. это слово переведено: *какъ вдругъ*.

II.

Въ главныхъ чертахъ воззрѣнія Толстого сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ. *Богъ*—это существо вѣчное, живущее внутри насъ, требующее отъ насъ справедливости Богъ—жизнь. Богъ—любовь или же идеалъ, носимый человѣкомъ въ самомъ себѣ Онъ — міровое желаніе блага, являющагося источникомъ всей жизни. Богъ есть та сущность жизни, которую человѣкъ познаетъ въ себѣ и во всемъ мірѣ, какъ желаніе блага.

Такое пониманіе Бога чуждо антропоморфизма и, не противуполагая Бога Міру, явно носитъ въ себѣ черты пантеистическаго міровоззрѣнія.

Христа Толстой считаетъ человѣкомъ; его ученіе житейская мудрость, но не откровеніе.

По вопросу о безсмертіи души Толстой нѣсколько колеблется и двоится въ своихъ сужденіяхъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ онъ признаетъ личное безсмертіе, въ другихъ онъ высказывается за безсмертіе человѣчества. „Большей достовѣрностью, чѣмъ индивидуальное безсмертіе, отличается идея сліянія нашей жизни съ жизнью всего человѣчества, всей вселенной“ [1]). Такимъ пониманіемъ безсмертія Толстой считаетъ возможнымъ придать болѣе глубокое значеніе жизни земной; а вѣдь все ученіе Толстого имѣетъ въ виду Царство Божіе на землѣ. Съ этой точки зрѣнія вѣра въ загробную жизнь, по мнѣнію Толстого, можетъ быть только препятствіемъ и тормазомъ для устроенія земной жизни на началахъ правды и добра.

Всѣ главныя положенія православной догмы Толстой отрицаетъ. Онъ не признаетъ чудесъ, догматовъ, заступничества святыхъ, церковной іерархіи, священниковъ, какъ посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ. Разъ Богъ—*есть живое начало добра, присущее нашей душѣ*, какое же посредничество можетъ быть допущено человѣкомъ въ отношеніи къ самому себѣ, къ своей собственной душѣ. Между Богомъ и человѣкомъ третьему нѣтъ мѣста. Отрицаетъ Толстой также молитвы, жертвоприношенія, фиміамы, ибо служеніе Богу дѣйствительно только въ видѣ служенія Добру, Любви, Справедливости.

Раціоналистическій характеръ приводимыхъ нами воззрѣній не подлежитъ никакому спору.

Изъ этихъ религіозно-философскихъ взглядовъ вытекаютъ этическія правила Толстого—его заповѣди:

[1]) Эту цитату приводитъ Кропоткинъ со ссылкой на сочиненіе „Въ чемъ моя вѣра“ Но въ этомъ сочиненіи мы не нашли цитируемыхъ мѣстъ и, вѣроятно, Толстой исключилъ ихъ впослѣдствіи.

1) Любовь, единеніе, согласіе.
2) Непротивленіе злу.
3) Не гнѣваться.
4) Не клясться (и не присягать).
5) Оставаться вѣрнымъ одной женщинѣ.
6) Не судить никого.
7) Любить враговъ.

Если-бы Толстой опубликовалъ свои религіозныя воззрѣнія послѣ закона 1905 года о вѣротерпимости, то Синоду не было бы никакой необходимости и даже права отлучать Толстого отъ православной церкви. Онъ просто считался бы вышедшимъ изъ нея и могъ бы примкнуть къ штундѣ, или къ евангелическимъ реформатамъ, церкви которыхъ не возбранно высятся на видномъ мѣстѣ Невскаго и другихъ улицъ столицы. [1])

Въ связи съ философско-догматическими взглядами Толстого привлекаютъ вниманіе обывателя и даже больше занимаютъ его толстовскія правила практической жизни, которымъ однако не слѣдуетъ придавать существеннаго значенія. Несомнѣнно, Толстой является сторонникомъ ригористическихъ и даже аскетическихъ взглядовъ. Онъ выступаетъ противъ употребленія вина, табаку, противъ изнѣживающей человѣка роскоши. Онъ высказался противъ плотской жизни. Но вскорѣ смягчилъ свои взгляды по этому вопросу и призналъ свои требованія идеаломъ, къ которому только необходимо стремиться по мѣрѣ силъ. Самъ Толстой имѣлъ сына черезъ 1½ года послѣ написанія „Крейцеровой Сонаты“ (чит. Андреевичъ, Толстой). Также ограничилъ онъ и толкованіе идеи непротивленія злу. Сначала идея непротивленія была близка старинной идеѣ смиренія; Толстой вноситъ въ эту формулу поправку—непротивленіе злу *зломъ* (т. е. насиліемъ). И дѣйствительно, самъ Толстой противится злу всѣми доступными ему средствами: словомъ, печатью, воздержаніемъ отъ всякаго участія въ насиліи. Вся его литературная дѣятельность послѣднихъ двадцати лѣтъ—сплошной протестъ противъ всѣхъ формъ насилія и зла. Видя вокругъ злодѣянія, Толстой разражается гнѣвнымъ: „не могу молчать!“ Вся бѣда только въ томъ, что Толстой стоитъ на точкѣ зрѣнія абсолютнаго Добра, абсолютной Истины и съ этой высоты одинаково осуждаетъ и большое и малое. У него полное отсутствіе перспективы, полное отсутствіе критеріевъ—историческихъ, бытовыхъ, соціологическихъ, психологическихъ. Для Толстого лично одинаковый грѣхъ въ томъ, что онъ былъ тщеславенъ и владѣлъ рабами, въ томъ, что обнаруживалъ гордость и любострастіе и убивалъ людей. (Хотя это послѣднее преступленіе чистый поклепъ

---

[1]) Въ настоящее время такіе молитвенные дома евангелистовъ существуютъ и въ провинціи, напр въ Кіевѣ. Недавно возникла такая же Толстовскаго типа община и въ Петербургѣ. Ея исповѣданіе вѣры обстоятельно изложено въ журналѣ „Христіанинъ“ № 5.

Толстого на самого себя; это скорѣе теоретическое бичеваніе себя за соучастіе въ военныхъ дѣйствіяхъ). Съ высоты абсолютнаго совершенства Толстой осуждаетъ всѣ устои культуры, цивилизаціи. Съ высоты Абсолюта нѣтъ большого или малого· смертная казнь, открытый грабежъ, карательная экспедиція, терроръ и судъ присяжныхъ—одинаковыя проявленія насилія и подлежатъ осужденію. Толстой самъ вступаетъ здѣсь съ самимъ собой въ теоретическое противорѣчіе. Разъ онъ призналъ свои взгляды идеаломъ, къ которому только необходимо всегда стремиться и по возможности приближаться,—то тѣмъ самымъ онъ призналъ и относительность добра и зла и, слѣдовательно, необходимость постепенности и въ утвержденіи и отрицаніи,– онъ долженъ былъ бы признать принципъ предпочтенія меньшаго зла большему и не отрицалъ бы возможнаго въ данныхъ условіяхъ добра во имя абсолютнаго. Разъ онъ призналъ, что всякое государство—организованное насиліе, но конституціонныя государства все-же пользуются болѣе мягкими формами насилія, онъ долженъ былъ бы признать за нами и право предпочтенія этихъ болѣе мягкихъ формъ государственности старымъ впредь до установленія еще болѣе совершенныхъ и, наконецъ, полнаго приближенія къ идеалу [1]) Но Толстой не хочетъ знать степеней зла и, взбираясь на высоту абсолютнаго добра, возвращается къ старой излюбленной своей теоріи самоусовершенствованія, твердо вѣря, что стоитъ только всѣмъ людямъ понять, въ чемъ правда, что-бы зло было низвержено абсолютно и полностью. Конечно, съ высоты абсолютнаго Добра и абсолютной Свободы—единственнымъ допустимымъ строемъ жизни можетъ быть только евангелическій *анархизмъ*.

Къ нему неизбѣжно и долженъ былъ прійти Толстой, давно проникшійся анархическими настроеніями еще подъ вліяніемъ и произведеній Руссо, а потомъ Прудона и другихъ. Но свой анархизмъ Толстой сочеталъ съ евангелическимъ пониманіемъ религіи и цѣлымъ рядомъ аристократическихъ привычекъ и навыковъ, отъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ отказаться, несмотря на могучую борьбу разума и сердца противъ всякихъ предразсудковъ, всякой предвзятости.

Л. Н. Толстой понялъ, что жизнь, организованная на эксплуатаціи бѣдныхъ богатыми, несправедлива. Его заповѣди запрещали ему жить на счетъ другого. Онъ понялъ, что земля должна принадлежать тому, кто обрабатываетъ ее, онъ возненавидѣлъ всѣми силами души современную организацію капиталическаго хозяйства, которое, по его мнѣнію, хуже прежняго рабства. Но выводы, которые онъ сдѣлалъ отсюда, были односторонни и несправедливы Признавъ принципъ

---

[1]) И могу указать нѣсколько статей Л. Н. Толстого, гдѣ онъ высказывается и за еще болѣе умѣренныя реформы Такъ напр. въ одной изъ своихъ статей 80-хъ годовъ онъ скромно выражаетъ пожеланія, чтобы уничтожены были земскіе начальники.

упрощенія жизни и физическій трудъ, какъ нравственную основу жизни, Толстой не съ одинаковой силой обрушился на формы эксплуатаціи—городскую (въ видѣ фабричной промышленности), и сельскую (въ видѣ владѣнія обширными помѣстьями и натуральнаго хозяйства). Въ отношеніи этой послѣдней онъ вспомнилъ свое ученіе о посильномъ приближеніи къ Идеалу. Онъ не порвалъ окончательно съ средой эксплуатирующихъ (мы его конечно и не винимъ за это). По справедливому замѣчанію Кнута Гамсуна, посѣтившаго Ясную Поляну, Толстой построилъ свою крестьянскую избу въ барскихъ хоромахъ...

Онъ сталъ заниматься физическимъ трудомъ, онъ лично отказался отъ собственности въ пользу любящей его семьи, онъ свелъ свои личныя потребности до minimum'а и, слѣдовательно, призналъ для сельской жизни тактику посильнаго приближенія къ идеалу. На привычныя недостатки и темныя стороны деревенскаго строя жизни онъ охотно закрылъ глаза. Но въ отношеніи къ городу, къ государству, къ капитализму онъ оказался абсолютно строгъ и неумолимъ. Тутъ онъ примѣнилъ всю полноту абсолютной мѣры. Тутъ онъ невольно поддался старой барской психологіи, не хотѣвшей знать ничего за предѣлами деревни: ни фабрикъ, ни рабочихъ, ни купцовъ, ни чиновниковъ, ни парламентаризма, ни новыхъ хозяйственныхъ формъ жизни, явившихся на смѣну натуральному хозяйству.

Анархизмъ Толстого получилъ своеобразную евангелическо-аристократическую окраску, онъ оказался *несвободенъ отъ классовой психологіи*. Толстой отвергъ то, что выходило за предѣлы его привычнаго *поля* зрѣнія,—что выходило за предѣлы родного *поля* и остался не чуждъ старымъ привычкамъ и взглядамъ, таившимся въ подсознательныхъ сферахъ душевной жизни человѣка.

Теперь намъ понятны всѣ основныя положенія и психологическіе источники его анархической системы.

Правительство Толстой отрицаетъ; оно является для него организаціей господства, союзомъ имущихъ для утвержденія своей власти не на основѣ права, а путемъ стройной системы насилія. „Можетъ быть государство когда нибудь и было полезно, но теперь, съ теченіемъ времени, оно стало излишнимъ, вслѣдствіе смягченія нравовъ". Поэтому не желательно никакое правительство, даже конституціонное. Все равно богатые сохраняютъ власть путемъ четырехъ способовъ поддержанія насилія. а) страха, б) подкупа, который распространяется на судей, чиновниковъ и другихъ лицъ, в) гипноза идей, поддерживаемаго школой, церковью, продажной прессой и цензурой и в) арміей. Особенно горячо возстаетъ Толстой противъ всѣхъ формъ религіознаго обмана. Его правдивой душѣ противна всякая эксплуатація религіознаго чувства, въ которомъ вѣдь проявляются высшія потребности нашей души въ правдѣ и добрѣ. Религіозные обманщики и сознательные

потемнители велѣній совѣсти вызываютъ глубокое негодованіе Толстого. Физическое насиліе онъ порицаетъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Войско, по его мнѣнію, существуетъ только противъ внутреннихъ враговъ. Никакія соображенія патріотическаго характера не кажутся ему искренними и убѣдительными. Самому патріотизму нѣтъ мѣста въ системѣ Толстого. Люди братья. Нѣсть Еллинъ, ни Іудей. Патріотизмъ противенъ закону любви къ ближнимъ и къ врагамъ. Толстому, конечно, не можетъ быть неизвѣстно то обстоятельство, что въ современной жизни народовъ патріотизмъ часто служитъ узкоклассовымъ интересамъ опредѣленной соціальной группы, что тамъ, гдѣ патріотизмъ не выгоденъ богатымъ, они забываютъ о немъ: французская аристократія конца XVIII вѣка призвала во францію иностранныя войска.

По отношенію къ собственности Толстой стоитъ на соціалистической точкѣ зрѣнія, признавая вслѣдъ за Джоржемъ, но съ нѣкоторыми поправками, націонализацію земли, каковая (націонализація) неизбѣжно сближается у него съ муниципализаціей:—государственную организацію жизни онъ вѣдь отрицаетъ. Но яснаго представленія о будущихъ формахъ производства и хозяйственныхъ отношеній Толстой не имѣетъ. Онъ не признаетъ государственной (коллективной) организаціи труда, не признаетъ и капитализма съ его индивидуальнымъ хозяйствомъ и принципомъ конкуренціи и борьбы. Толстому кажется, что въ будущемъ вся жизнь до чрезвычайности упростится. Люди будутъ вести простую здоровую жизнь, въ основѣ которой будетъ лежать физическій трудъ. Современная роскошь и разныя блага культуры излишни Къ чему всѣ эти телефоны, телеграфы, электричество, выставки, если $^{99}/_{100}$ людей должны отъ нихъ страдать. Возставая противъ излишествъ культуры и роскоши, Толстой высказывается и противъ науки и современнаго искусства. Люди науки кажутся Толстому шарлатанами, и онъ часто насмѣхается надъ ихъ надутой важностью и ученымъ невѣжествомъ: существеннаго-то они не знаютъ—смысла жизни, а это самое важное, и для познанія смысла жизни не требуется огромной эрудиціи. Истина ясна для каждаго, кто умѣетъ читать евангеліе.

Но отрицая „научную науку“ и не признавая въ ней руководительницы жизни, Толстой, тѣмъ не менѣе, не отрицаетъ культуру, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ сельско-хозяйственному быту.

Здѣсь Толстой опять впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой: онъ желаетъ, чтобы техника и улучшенные способы веденія хозяйства устранили всякую необходимость эксплуатаціи человѣка и, въ то же время, не замѣчаетъ, что примѣненіе этихъ требованій въ отношеніи къ сельско-хозяйственной культурѣ предполагаетъ широкое и всестороннее развитіе культуры вообще. Вѣдь для того, чтобы сдѣлать одинъ винтъ для хорошей сельско-хозяйственной машины необходимо развитіе желѣзнодѣлательной промышленности, достигнутое об-

щимъ ростомъ культуры и техники за послѣднія двѣсти лѣтъ. Необходимы громадныя фабрики и заводы, техническіе институты, успѣхи физики и химіи, необходимы университеты съ ихъ научными лабораторіями и арміей ученыхъ. Необходимы тѣ же телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги—все то, что содѣйствуетъ живому обмѣну идей, тому кипѣнію работы, которое невозможно безъ широкаго мірового обмѣна идеями, товарами и всѣми продуктами культуры. А если бы отказаться отъ благъ культуры и всецѣло отдаться натуральному сельскому хозяйству, то на территоріи современной Франціи могло бы прокормиться не болѣе 500.000 человѣкъ, вмѣсто 40.000.000.

Исходя изъ положенія, что человѣческая личность выше всего, выше государства, науки,—она то „чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ“,—Толстой отрицаетъ современную фабричную промышленность, такъ губительно дѣйствующую на здоровье рабочихъ.

По мнѣнію Толстого рабочіе сами виноваты въ своемъ положеніи. Они покинули землю и отдались въ рабство организованному правительствомъ насилію. И напрасно думаютъ они помочь себѣ, вступая на путь классовой и политической борьбы. Освобожденіе рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Нужно уничтожить правительство, отказавшись отъ всякаго ему содѣйствія.

Люди съумѣютъ устроиться безъ всякой власти, создадутъ себѣ полезныя для общежитія учрежденія. Если бы не было земельной собственности, люди не селились бы скученно въ одномъ мѣстѣ, они разселялись бы по всему міру и всѣмъ бы хватило мѣста и земли. Нужно выйти изъ того круга насилія, которымъ охвачены всѣ слои населенія, благодаря правительственной организаціи. Съ большимъ воодушевленіемъ высказывается Толстой противъ всякихъ юридическихъ нормъ и въ особенности противъ суда

Судъ вызываетъ въ Толстомъ особенно враждебныя чувства. Чиновникъ, да еще судейскій и въ старые годы былъ высоко антипатиченъ феодалу, какъ начало, ограничивающее его независимость Толстой не чуждъ этихъ сословно-психологическихъ предубѣжденій противъ суда. Бирюковъ разсказываетъ намъ, какъ возмущенъ былъ Толстой, когда не въ мѣру ретивый судебный слѣдователь обязалъ Толстого подпиской о невыѣздѣ по дѣлу о заболаніи крестьянина принадлежащимъ графу быкомъ.

Судебный слѣдователь, конечно, переусердствовалъ, но и возмущеніе графа Л. Н. Толстого не знало границъ: онъ собирался даже переселиться навсегда въ Англію.

Съ особенной суровостью, незнающей жалости, изображаетъ Толстой судейскаго человѣка въ лицѣ Ивана Ильича; полны сарказма сцены суда въ „Воскресеніи“, гдѣ не пощаженъ судъ присяжныхъ и изображенъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ. Судьи—чиновники, совершенно равнодушны къ судьбѣ подсудимыхъ; у каждаго изъ нихъ въ головѣ свои мысли и

заботы. Присяжные тоже неспособны разобраться въ преступной душѣ, да и какъ имъ разобраться, если среди нихъ именно и сидятъ дѣйствительные виновники преступленій.

Не судите, да не судимы будете,—вотъ евангельскій завѣтъ, которому должно слѣдовать по мнѣнію Толстого. Въ этомъ отношеніи анархизмъ Толстого идетъ дальше анархизма многихъ европейскихъ анархистовъ. Большинство изъ нихъ, даже Кропоткинъ, мирятся съ необходимостью насилія по отношенію къ преступникамъ. Пусть они будутъ заключаемы не въ тюрьмы, а въ особыя лечебницы,—суть дѣла отъ этого не измѣнится. все равно ихъ будутъ запирать, держать подъ надзоромъ, подчинять особому режиму посредствомъ мѣръ принужденія и насилія.

Толстой, исходя изъ абсолютнаго неосужденія, не признаетъ, очевидно, и мѣръ противъ преступниковъ; исчезаетъ самое названіе преступника... Но не исчезнутъ, конечно, преступленія...

III.

Какія же мѣры рекомендуетъ Толстой для осуществленія своей программы?—Всѣ, вытекающія изъ программы, непротивленія злу. „Христіанское ученіе, пишетъ Толстой,— не предписываетъ людямъ никакихъ законовъ; оно не говоритъ людямъ: слѣдуйте всѣ подъ страхомъ наказанія такимъ и такимъ-то правиламъ, и вы всѣ будете счастливы, а объясняетъ каждому отдѣльному человѣку его положеніе въ мірѣ и показываетъ ему то, что для него лично неизбѣжно вытекаетъ изъ его положенія. Христіанское ученіе говоритъ человѣку, каждому человѣку, что жизнь его, если онъ признаетъ свою жизнь своею и цѣлью ея—мірское благо своей личности или личностей другихъ людей, не можетъ имѣть никакого разумнаго смысла... Разумный смыслъ жизнь получаетъ только тогда, когда человѣкъ понимаетъ, что призваніе своей жизни своею, и цѣлью ея—мірское благо личности, своей или другихъ людей, есть заблужденіе, а что жизнь человѣка принадлежитъ не ему, получившему жизнь отъ кого то, а тому, кто произвелъ эту жизнь, а потому и цѣль ея должна состоять не въ достиженіи блага своего или другихъ людей, а только въ исполненіи воли Того, Кто произвелъ ее... Человѣкъ христіанскаго пониманія не только знаетъ то, какъ ему надо поступать въ жизни, но знаетъ и то, что ему надо дѣлать. Ему надо дѣлать то, что содѣйствуетъ установленію царства Божія на земли“... то есть служить всегда и во всемъ добру. Поэтому то истинный христіанинъ не убьетъ даже разбойника, собирающагося умертвить неповиннаго младенца: „вѣдь убивая разбойника, онъ убиваетъ навѣрное, а не знаетъ еще навѣрное до послѣдней минуты, убилъ-ли бы

разбойникъ ребенка, или нѣтъ, не говоря уже объ этой неправильности, кто рѣшилъ, что жизнь ребенка нужнѣе, лучше жизни разбойника".

„... Христіанинъ... какой бы страшный разбойникъ ни нападалъ на какого бы то ни было невиннаго и прекраснаго ребенка, онъ еще менѣе имѣетъ основанія, отступивъ отъ даннаго ему Богомъ закона, дѣлать надъ разбойникомъ то, что разбойникъ хочетъ сдѣлать надъ ребенкомъ".

Исходя изъ этихъ абсолютныхъ положеній, Толстой долженъ былъ прійти къ логическому выводу о полномъ отказѣ во всякомъ содѣйствіи правительству. Толстой выступаетъ сторонникомъ пассивнаго сопротивленія государству во всѣхъ сферахъ проявленія его дѣятельности. Пассивное сопротивленіе—единственная, нравственная, то есть христіанская мѣра; оно единственно возможное средство въ борьбѣ съ современнымъ правительствомъ, вооруженнымъ для борьбы со своими подданными всѣмъ могуществомъ современной техники и богатствомъ средствъ: однихъ оно обманетъ, другихъ запугаетъ, третьихъ уничтожитъ, четвертымъ представитъ дѣло съ помощью продажныхъ людей, школы, церкви, прессы въ ложномъ свѣтѣ и вооружитъ ихъ противъ открыто дѣйствующихъ борцовъ за свободу. По мнѣнію Толстого, открытая революція не можетъ въ наше время имѣть успѣха.

У правительства слишкомъ хорошо обдуманная организація. И войско, и полиція подготовлены опытомъ многихъ поколѣній и спеціальнымъ обученіемъ для удачной борьбы съ уличнымъ движеніемъ и революціонерами. Террористическіе же акты, помимо того, что Толстой конечно отрицаетъ ихъ по существу—безцѣльны по результатамъ. Они направлены не противъ системы, а противъ отдѣльныхъ лицъ, которые вѣдь всегда замѣнимы.

Отсюда выводъ—пассивное сопротивленіе государству: „ни добровольно, ни по принужденію не слѣдуетъ принимать участія въ государственной дѣятельности и потому не надо быть ни солдатомъ, ни фельдмаршаломъ, ни министромъ, ни сборщикомъ податей, ни старостой общины, ни присяжнымъ засѣдателемъ, ни губернаторомъ, ни членомъ парламента и вообще не брать никакой должности, связанной съ насиліемъ..."

Человѣкъ не долженъ давать правительству налоговъ ни косвенныхъ, ни прямыхъ, а также не долженъ пользоваться деньгами, собранными при помощи податей, какъ то въ видѣ пенсій, эмеритуры, наградъ и т. п. принудительно съ народа. Человѣкъ, желающій работать не ради своего личнаго блага, но для улучшенія народнаго быта, не долженъ прибѣгать къ правительственнымъ насиліямъ для защиты земли и другихъ предметовъ ни ради личной безопасности, ни своихъ ближнихъ. Владѣть землей и предметами своего и чужого труда каждый имѣетъ право по стольку, по скольку другіе не питаютъ на нихъ претензіи".

Духовная дѣятельность, по глубокому убѣжденію Толстого,

есть величайшая могущественнѣйшая сила. Она движетъ міромъ [1]). Правительство понимаетъ это и не боится физическаго насилія, но чувствуетъ себя безсильнымъ противъ разумнаго убѣжденія. „Одинъ только отказъ отъ податей или воинской повинности на основаніи того закона религіознаго и нравственнаго, котораго не могутъ не признавать правительства, въ тысячу разъ сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ самыя продолжительныя стачки, чѣмъ милліоны соціалистическихъ брошюръ, чѣмъ самые успѣшно организованные бунты или политическія убійства".

Этой цитатой Толстой отрицаетъ все соціалистическое движеніе съ его могучимъ общественнымъ рычагомъ—стачкой, отрицаетъ и революціонеровъ; отрицаетъ онъ въ брошюрѣ „къ политическимъ дѣятелямъ" и все либеральное и освободительное движеніе 1905—07 годовъ.

Пассивное сопротивленіе даетъ свои прекрасные плоды, какъ только люди поймутъ въ чемъ зло, „одумаются", устыдятся и откажутся итти по пути зла.

Стоитъ только всѣмъ понять, въ чемъ зло, а отрѣшиться отъ него вовсе не трудно...

Пассивное сопротивленіе Толстого вполнѣ единоличный актъ для каждаго, кто „одумался". Оно не имѣетъ ничего общаго напр. съ той всеобщей забастовкой, которая привела къ манифесту 17-го Октября, и была организована не безъ доли извѣстнаго принужденія

Вѣря в силу мысли, Толстой не признаетъ никакихъ объективныхъ законовъ экочомической эволюціи. Для него смѣна хозяйственныхъ формъ быта—фактъ не существующій и во всякомъ случаѣ чуждый объективной необходимости. Стоитъ рабочимъ отказаться работать на фабрикахъ и заводахъ, и капитализмъ погибъ. Нужно только понять и захотѣть.

Такова система взглядовъ Л. Н. Толстого по вопросамъ политики и соціальнаго устройства. Она стройна и послѣдовательна, пока остается въ области абсолюта. Но практическіе пути для осуществленія намѣченнаго идеала совершенно не опредѣлены Толстымъ. Созданный Толстымъ міръ есть міръ абсолютной свободы и добра. Это по истинѣ царство не отъ міра сего. Мы люди жизни, дѣти возможнаго можемъ только приподнять завѣсу и заглянуть въ царство идеала, подобно узникамъ, глядящимъ въ дверную щелку на солнечный свѣтъ. Но жить въ этомъ мірѣ мы не въ силахъ, и дологъ безконечно трудный путь въ этотъ міръ. Прямая линія—самая кратчайшая дорога только въ геометріи. Но пути, ведущіе на вершину жизненной горы, идутъ зигзагами и длинными обходами и уклонами. Несмотря на кажущуюся простоту рекомендуемыхъ Толстымъ средствъ пассивнаго сопротивленія, въ дѣй

[1]) О революціи. В. Чертковъ и предисловіе Л Н. Толстого, стр VIII 1904 г

ствительности эти средства наиболѣе трудныя и самыя безплодныя и, въ тоже время, требуютъ огромнаго мужества и самопожертвованія.

Отказаться платить налоги—значитъ разориться,—потому что за неплатежъ пойдетъ съ молотка ваше имущество.

Не платить косвенныхъ налоговъ—это значитъ отказаться отъ сахара, питательнаго продукта, отказаться отъ заграничнаго сукна и тысячи нужныхъ предметовъ, обложенныхъ пошлинами.

А почтовыя марки для писемъ тоже должны быть изгнаны изъ употребленія, какъ дающія доходъ казнѣ?

А отказъ отъ службы въ рядахъ бюрократіи и арміи (ни солдатомъ, ни фельдмаршаломъ, ни министромъ, ни сборщикомъ податей!) развѣ не приведетъ къ тому, что худшіе элементы, слабосильные и лѣнивые, станутъ у власти, не опасаясь ни съ чьей стороны конкуренціи.

А отказъ отъ службы въ арміи развѣ не приводилъ уже немногочисленныхъ поклонниковъ Толстого въ ужасное положеніе преслѣдуемыхъ, мучимыхъ жертвъ. Сколько разъ объ этомъ писалъ самъ Толстой.

А отказъ отъ привиллегіи положенія и капиталовъ развѣ не поставилъ бы самого Толстого въ тяжелое положеніе жалкаго поденщика, которому были бы почти совсѣмъ недоступны радости духовной жизни и дальнѣйшее умственное развитіе. Хорошо Толстому построить свою избу въ роскошныхъ барскихъ хоромахъ; ну, а если бы ей пришлось стоять подъ открытымъ небомъ съ разрушенной крышей, съ которой солома ушла на поддержаніе голоднаго скота,—что осталось бы отъ тѣхъ культурныхъ привычекъ, безъ которыхъ невозможна разумная жизнь для современнаго человѣка. Были эпохи, когда даже рабство являлось необходимостью. Что бы создали безъ рабства греки эпохи Софокла, Платона, Аристотеля?!

Такимъ образомъ ученіе Толстого не можетъ быть реализовано въ жизни. Оно осуществляется медленной работой сотенъ поколѣній по линіи *приближенія* къ идеалу, а разъ допущенъ принципъ *приближенія*,—мы стоимъ на правильномъ пути предпочтенія меньшаго зла большему и пользованія возможнымъ добромъ, пока недостижимо абсолютное добро.

IV.

Идеалъ анархизма, полной свободы высоко симпатиченъ каждому человѣку. Ни отъ кого не зависить никому не принадлежать,—„вотъ счастье, вотъ права“, восклицалъ еще Пушкинъ въ стихотвореніи „Изъ Пиндемонте“.

Но человѣкъ—животное общественное; онъ нуждается въ обществѣ себѣ подобныхъ—и въ интересахъ безопасности, и для наслѣдованія матерьяльнаго и духовнаго опыта предше-

ствующихъ поколѣній, и въ цѣляхъ раздѣленія труда и во устраненіе страха одиночества.

Но гдѣ общество, тамъ и неизбѣжное стѣсненіе свободы личности въ пунктахъ столкновенія съ чужой волей Гдѣ общество тамъ и извѣстныя нормы жизни,—требованія порядка Даже при самомъ идеальномъ устройствѣ общежитія эти нормы жизни—требованія порядка—неизбѣжны. Всегда будутъ и извѣстныя общественныя повинности, которыя прійдется можетъ быть распредѣлить между всѣми, или сдѣлать обязательными, какъ въ наше время обязательна воинская повинность, но для исполненія которыхъ, при всей ожидаемой въ будущемъ сознательности гражданъ,—все же необходима будетъ и извѣстная доля принужденія,—насилія.

Никому не пріятно дежурить ночью въ больницѣ, или на паровозѣ желѣзнодорожнаго поѣзда, или на спасательной станціи, или жить на маякѣ; но это *необходимо*, и общество съумѣетъ принудить своихъ членовъ къ исполненію общественно-необходимыхъ, хотя бы и непріятныхъ и даже вредныхъ для здоровья, обязанностей.

И такъ, принужденіе,—„насиліе“ неизбѣжно даже при самомъ совершенномъ строѣ, даже при условіи паденія капитализма съ его безжалостной эксплуатаціей труда. Тѣмъ больше, конечно, принужденій въ современномъ обществѣ, въ основѣ котораго положенъ не добровольно установленный режимъ порядка и свободы, а организація господства немногихъ надъ многими Но и эта организація господства неизбѣжно принуждена даже въ своихъ-же интересахъ къ организаціи порядка и установленіи извѣстной доли свободы.

Между требованіями порядка и свободы устанавливается извѣстный компромиссъ, опредѣляемый опредѣленнымъ соотношеніемъ реальныхъ силъ. Наиболѣе правильный компромиссъ между требованіями порядка и потребностями свободы тотъ, который подсказывается хозяйственными формами быта. Когда условія порядка и свободы опредѣлены дѣйствительными удобствами сложившагося соціально-экономическаго уклада, наступаетъ наиболѣе желательный для общества компромиссъ между требованіями порядка и свободы,—иначе создается норма *добра* или общественной *правды*. Все то, что благопріятствуетъ веденію напр. натуральнаго хозяйства, то и есть добро: что мѣшаетъ—зло.

Большая семья, руководимая старѣйшимъ въ родѣ,—носителемъ всего земледѣльческаго опыта многихъ десятковъ лѣтъ, полезна для натуральнаго хозяйства, и она является основой земледѣльческаго быта: на родномъ полѣ необходимы и мудрость старца, стоящаго во главѣ семьи, и легкая услуга восьмилѣтняго мальчугана, погоняющаго лошадь въ сохѣ. Но вотъ съ объективной необходимостью формы экономическаго быта начинаютъ мѣняться; земля не кормитъ, отливъ въ го-

родъ свободныхъ рукъ создаетъ мануфактуру и промышленность.

Младшіе члены семьи пробудились къ самостоятельности, индивидуальность развивается въ городѣ, гдѣ человѣкъ самъ себѣ голова,—и вотъ разлагается патріархальная семья, разлагается община, выростаютъ новыя условія порядка и новыя потребности свободы. Когда эти новыя взаимоотношенія свободы и порядка опредѣлятся и установятся, создастся новый жизненный компромиссъ между потребностями свободы и порядка,—явится новая правда, новое представленіе объ общественномъ добрѣ, а старая правда перестанетъ быть правдой, окажется тяжелымъ хомутомъ, мѣшающимъ свободному развитію общества.

Но раньше, чѣмъ сложится этотъ новый соціально-политическій укладъ,—длится томительно долгая переходная эпоха. Старое ветшаетъ, стѣсняетъ, тяготитъ, а новое еще не оформилось, не отлилось въ новыя рамки. Въ эти переходныя эпохи всѣмъ тяжело: и тѣмъ, кто хотѣлъ бы сохранить завѣтныя нормы старины, и тѣмъ, кто ихъ уже не хочетъ.

Въ такія, именно, переходныя эпохи, люди совѣсти и мысли наиболѣе передового класса или передовые люди господствующаго класса ярко и сильно чувствуютъ неправду жизни. Общественныя и этическія противорѣчія встаютъ передъ вдумчивымъ и чуткимъ человѣкомъ во всей своей неприглядной наготѣ. *Такъ* дольше жить нельзя, думаютъ онѣ, *такъ* жить никто не хочетъ И вотъ, пока не вырисуется впереди берегъ, пока не обозначатся линіи и контуры новаго уклада жизни въ соотвѣтствіи съ ростомъ новыхъ соціальныхъ элементовъ (напр. буржуазіи, рабочаго класса), для людей, недовольныхъ условіями жизни, намѣчается два выхода: старое поколѣніе говоритъ: назадъ къ старымъ устоямъ жизни, къ завѣтамъ дѣдовъ и отцовъ. И оно готово отстаивать гибнущее прошлое всѣми дозволенными и недозволенными средствами. Во имя старины слагаются гекатомбы человѣческихъ жертвъ.

Рядомъ съ сторонниками старины являются люди чуткой совѣсти и чести, которыхъ неправды жизни терзаютъ, въ психологіи которыхъ еще много сложившихся въ прошломъ настроеніи и предразсудковъ, но которые, при всемъ томъ, не могутъ мириться со стариной. Не видя еще новыхъ общественныхъ и соціальныхъ напластованій, не замѣчая всходовъ молодой соціальной жизни, они лишены творческаго воображенія, чтобы по намекамъ новаго воспроизвести полную картину предстоящихъ соціальныхъ новообразованій. Но не видя выхода и въ возвратѣ къ старинѣ, они находятъ исходъ въ полномъ разрывѣ съ культурой и цѣпями общественнаго порядка. Долой всякое общежитіе, всякій порядокъ, всякое стѣсненіе человѣческой личности, когда она совершается во имя сомнительныхъ благъ государственной жизни! Цивилизація только развратила человѣка, сдѣлала его несчастнымъ, создала богатство и нищету, возбудила въ человѣкѣ всѣ

дурные инстинкты. Только въ простотѣ первобытной жизни, въ трудѣ на лонѣ природы—истинное счастье и дѣйствительныя условія для добродѣтельной жизни.

Уже въ буколической поэзіи, въ эпоху гибели Греціи и Рима, чувствуются эти враждебныя культурѣ настроенія.

Когда въ XVIII вѣкѣ Ж. Ж. Руссо громилъ культуру и государственность, онъ не подозрѣвалъ, что на развалинахъ феодально—клерикальнаго строя, уже назрѣвало торжество буржуазіи и капитализма, и звалъ на лоно природы, искренне вѣря, что на его призывъ откликнутся народы.

Л. Н. Толстой тоже зоветъ на лоно природы, къ упрощеннымъ формамъ быта, во имя правды и добра, и не подозрѣваетъ, что и его проповѣдь только знаменуетъ назрѣвающій кризисъ капитализма и грядущее, хотя бы и не скоро, торжество новыхъ соціальныхъ формъ быта. Творчество жизни не прекратилось. Изобрѣтательность человѣка не уперлась въ стѣны тупика. Соціально-политическое строительство само собою пріѣдетъ къ замѣнѣ отживающихъ формъ быта другими лучшими.

Въ самомъ капиталистическомъ строѣ кроются уже его отрицанія и самъ онъ, и только онъ, организуетъ силы, которыя его замѣнятъ новыми общественными комбинаціями. Коллективизмъ можетъ быть только порожденіемъ капитализма. Вотъ почему капитализмъ и неизбѣженъ въ жизни общества, являясь факторомъ прогрессивнымъ и открывая впереди освободительныя перспективы. Отъ него нѣтъ возврата назадъ, но дорога къ лучшему и болѣе свободному будущему только черезъ него и впереди его. Онъ есть неизбѣжное зло, но онъ и условіе лучшаго, источникъ добра. Л. Н. Толстой не знаетъ законовъ или не имѣетъ никакой вѣры въ законы экономической эволюціи, въ смѣну хозяйственныхъ формъ быта, совершающуюся съ объективной необходимостью и думаетъ повернуть назадъ колесо исторіи, хочетъ разрубить гордіевъ узелъ запутанныхъ соціальныхъ отношеній полнымъ отказомъ отъ цивилизаціи и отъ ея тяжкихъ процессовъ развитія—путемъ возврата къ упрощеннымъ формамъ быта и полнаго отказа отъ всѣхъ формъ насилія. Во имя абсолютной свободы и любви онъ отказывается принять переходные фазисы развитія въ исторіи человѣчества, хотя-бы черезъ нихъ и приближалось общество къ идеалу абсолютной правды. Въ этомъ слабость ученія Л. Н. Толстого. У него нѣтъ практическихъ путей къ постепенному (и признанному имъ) приближенію къ идеалу. Онъ думаетъ, что достаточно твердить о добрѣ и любви, что-бы люди усвоили эти идеалы во всей глубинѣ и широтѣ ихъ содержанія. Онъ забываетъ, что однихъ голыхъ утвержденій - Добро, Любовь—не достаточно для выясненія ихъ содержанія, что каждая эпоха вкладываетъ въ нихъ свой соціальный смыслъ; что, напримѣръ, левинская *правда*—которой онъ искренне вѣрилъ, была только правдой порядочнаго помѣщика средней руки.

V.

Если бы удалось перескочить вмѣстѣ съ Толстымъ въ область абсолютнаго добра, то его царство было бы недолговѣчно. Обыкновенно анархисты указываютъ три положенія, на которыхъ покоится ихъ доктрина.

Первое это, что законъ санкціонируетъ только установившіяся отношенія. Но это утвержденіе не совсѣмъ вѣрно Во первыхъ потому, что общество состоитъ изъ разныхъ группъ населенія, съ неодинаковымъ уровнемъ культуры и разными интересами. Прогрессивный подоходный налогъ безусловно непріятенъ богатымъ, но полезенъ обществу и массамъ. Санитарныя требованія могутъ казаться излишними невѣжественной массѣ, но онѣ крайне желательны и часто вводятся принудительно. Когда на стражѣ закона стоитъ представительное учрежденіе (земство, дума, парламентъ), то законъ соблюдается съ большей тщательностью. Законы являются организующей силой, завершающей и закрѣпляющей процессы жизни. Но,—возражаютъ анархисты,—всякій парламентъ, даже избранный на основѣ всеобщаго избирательнаго права, давитъ меньшинство сплоченнымъ большинствомъ.

Конечно, это крупный недостатокъ парламентаризма, и не единственный, но критика этихъ недостатковъ давно уже началась, и соціальные и политическіе реформаторы видятъ уже выходы. Возникаетъ вопросъ и выясняется возможность огражденія правъ и интересовъ меньшинства, путемъ пропорціональнаго представительства, роста автономій и самоуправленій, наконецъ, изданіемъ законовъ и для большинства, и для меньшинства,—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это совмѣстимо. Конечно, и всеобщее избирательное право вовсе не гарантія справедливости при господствѣ денежнаго хозяйства. Примѣры Франціи и Америки показываютъ, что пока есть капиталы, тресты и блоки,—богатые люди имѣютъ массу преимуществъ, что-бы создать желательное для себя большинство.

Пока царитъ капитализмъ и существуетъ купля-продажа, можно покупать и голоса, продавать большинство и меньшинство. Выходъ не въ отказѣ отъ парламентаризма, и не въ преждевременномъ отказѣ отъ капитализма, а въ преодолѣніи его болѣе сложными формами соціальной жизни, которыми была бы обезпечена личная независимость каждаго человѣка.

Третье соображеніе, высказываемое анархистами противъ государства, сводится къ утвержденію, что законы излишни и могутъ быть съ успѣхомъ замѣнены договорами при высокомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія гражданъ.

Этотъ высокій уровень долженъ быть, очевидно, одинаковъ для всѣхъ Но какъ создать его? Куда дѣваться съ атавизмомъ, съ неравенствомъ способностей, съ различіемъ климатическихъ и другихъ условій развитія? Какъ быть съ прирожденными преступниками? Вѣдь ихъ порождаютъ не

однѣ неблагопріятныя условія соціальной жизни; иное идетъ отъ наслѣдственности; властвуютъ и инстинкты. Уничтоженіе законовъ и всякаго принужденія поставило бы цѣлый рядъ общественно полезныхъ предпріятій въ очень неустойчивое положеніе. Желѣзныя дороги, почта, телеграфъ, водопроводъ, освѣщеніе—требуютъ неустанной, отчетливой и не укоснительной работы. Здѣсь пріостановки быть не можетъ, и всякая единоличная неисправность можетъ отразиться гибельно на цѣломъ Здѣсь соглашеній поддерживаемыхъ силою одного общественнаго мнѣнія недостаточно. Необходимо и принужденіе.

Если-бы принципы анархизма получили жизненное выраженіе, то послѣдствіемъ былъ бы возвратъ къ первоначальнымъ формамъ феодальнаго быта: болѣе сильный и нецеремонный подчинилъ бы себѣ болѣе робкихъ и слабыхъ. Своеволіе единицъ привело бы къ новой тиранiи. Культура бы рухнула, а съ упадкомъ техники и науки человѣчество вернулось бы къ первоначальному состоянію дикарей. Пассивное сопротивленіе оказалось бы такимъ-же безплоднымъ, какъ и его антиподъ—терроръ. Христіанство съ своей проповѣдью моральнаго усовершенствованія ничего не съумѣло сдѣлать за двѣ тысячи лѣтъ существованія. Да и что такое моральное усовершенствованіе? И нѣмецкій „юнкеръ“, и Константинъ Левинъ, и монахъ затворникъ думаютъ, что имъ вполнѣ ясны принципы моральнаго усовершенствованія, а между тѣмъ они у всѣхъ трехъ—разные.

Плехановъ, резюмируя свои возраженія противъ анархизма, утверждаетъ, что основныя требованія анархистовъ неосуществимы, ихъ идеалъ—утопія, политика вредна въ своей основѣ, а ихъ планы и мечты привели бы именно къ тому, что они сами отрицаютъ.

Съ этой точки зрѣнія положеніе Л. Н Толстого, какъ создателя евангелическаго анархизма, очень трагично. Религіи онъ не создалъ; для этого необходимъ восторгъ вдохновенія и молитвы, необходимы мистицизмъ (credo quia absurdum est!) и жертвы. Но у Толстого слишкомъ ясный и трезвый умъ, чуждый поэзіи молитвенныхъ восторговъ. Самъ Толстой не принесъ жертвъ на алтарь своего ученія, не пострадалъ за него. Страданіе освящаетъ всякое религіозное ученіе. Быть можетъ, впрочемъ, Голгоѳой Толстого, по мѣткому замѣчанію Мережковскаго, и является то обстоятельство, что онъ никогда не зналъ Голгоѳы, не терпѣлъ страданій. И Толстой это чувствуетъ, и жаждетъ пострадать за свои убѣжденія. Не разъ онъ и обращался къ правительству съ требованіемъ, что-бы за его убѣжденія карали не его сторонниковъ, а его самого.

У Толстого весь міръ—поклонники, но послѣдователей его взглядовъ почти нѣтъ. Два три пріятеля, два три Толстовскихъ кружка (земледѣльческія колоніи), которые быстро распались—вотъ и все, что дала Толстовская пропаганда. Изъ писателей

Толстой имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Чехова, но и онъ очень скоро освободился отъ этого вліянія. Даже въ собственной семьѣ Толстой одинокъ. Она любитъ его, но не раздѣляетъ его взглядовъ, а вѣдь кажется здѣсь, въ родной и нѣжно любимой и любящей семьѣ, Толстой имѣлъ возможность невозбранно и неустанно проповѣдовать свое ученіе. И любятъ Толстого, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, тѣ, кого онъ не признаетъ. Онъ отвергъ русскую революцію, а ея элементы преклоняются передъ нимъ. Толстой проклинаетъ всю нашу либеральную интеллигенцію, а она благословляетъ его и благоговѣетъ передъ нимъ; Толстой сурово осудилъ свою художественную дѣятельность, а мы восхищаемся ею. Толстой противъ рабочихъ организацій и классовой борьбы, но именно рабочіе несутъ свои гроши на организацію Музея Имени Толстого. Есть что то отрадное въ томъ фактѣ, что общественное движеніе, отрицаемое Толстымъ, тянется съ благоговѣніемъ къ великому проповѣднику: очевидно, обѣ стороны сближаетъ жизненная сила добра, присущая и тѣмъ и другимъ.

Насъ всѣхъ плѣняетъ и трогаетъ въ Толстомъ чуткая совѣсть, не знающая компромиссовъ, поражаетъ сила отрицательнаго анализа, глубокая и смѣлая критика неправдъ жизни; насъ восхищаетъ неувядающая красота его души, вѣчно ищущей правды, глубоко негодующей противъ всякой житейской мерзости. Его языкъ честенъ и правдивъ, какъ и его творчество; его поступки благородны; его мысли—мысли джентельмена въ лучшемъ значеніи этого слова. Въ Толстомъ восхищаетъ насъ это удивительно глубокое отвращеніе ко всякому насилію, неправдѣ, эксплуатаціи.

Стоя почти обѣими ногами въ могилѣ, не перестаетъ онъ возмущаться всякимъ злодѣяніемъ, и его честный голосъ далеко разноситъ по цѣлому свѣту негодующія рѣчи: „не могу молчать!“

Толстой—сама терпимость, сама гуманность, сама любовь. Передъ его лицомъ склоняется безсильная вражда, немыслима національная злоба, невозможно человѣконенавистничество. Это самый обаятельный и—хотя и самый одинокій, но и самый любимый человѣкъ нашего времени. День его 80-ти лѣтія былъ поистинѣ днемъ именинъ человѣчества, у котораго много именъ—и Софоклъ, и Шекспиръ, и Ньютонъ, и Марксъ и, самое молодое, но самое любимое имя—Левъ Николаевичъ Толстой. Старѣющее человѣчество любитъ Толстого, какъ пожилые родители—своего самаго младшаго сына.

Для насъ, русскихъ, Толстой вдвойнѣ дорогъ и близокъ. Начиная съ Новикова, Радищева и Бѣлинскаго русская интеллигенція живетъ тѣми-жи началами гуманности, человѣчности, которыя составляютъ сущность ученія Толстого. Уже Бѣлинскій говорилъ въ своемъ письмѣ къ Гоголю, что Вольтеръ, ненавидѣвшій католическихъ поповъ и ненавидимый ими, погасилъ въ Европѣ костры инквизиціи и былъ въ гораздо большей степени христіаниномъ, чѣмъ все католическое духовенство Эту точку

зрѣнія христіанства безъ догмы и обрядовъ проповѣдовалъ и Толстой. И когда мы читаемъ Толстого, мы испытываемъ глубокое нравственное утѣшеніе. Пусть дорога къ Добру иная чѣмъ та, которую указываетъ яснополянскій мыслитель,— мы знаемъ, что великій идеалъ впереди насъ, и мы идемъ къ нему.

Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ,
И струится невинная кровь—
Вѣрь, настанетъ пора и погибнетъ Ваалъ
И вернется на землю любовь.
Не въ терновомъ вѣнкѣ не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ

Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.

И мы вѣримъ, что не будетъ на свѣтѣ ни меча, „ни безкрестныхъ могилъ, ни позорныхъ столбовъ“, и что-какъ бы ни падало низко человѣчество, оно никогда не утратитъ вѣры въ добро.

Но „міръ не захлебнется въ крови“, и не потому что „утомится безумной борьбой“,—прійдетъ къ началамъ добра и правды,—онъ шествуетъ къ нимъ путемъ разумной борьбы и соціальнаго творчества.

А теперь, когда ночь вокругъ такъ безотрадно темна, Л. Н. Толстой поддерживаетъ въ насъ вѣру въ грядущее торжество Добра. Онъ только повторилъ Христа, но повторилъ въ новыхъ близкихъ для насъ формахъ современной живой рѣчи, въ новыхъ близкихъ для насъ образахъ. Надъ сѣдою головою маститаго старца горитъ лучъ безсмертія, словно солнечный лучъ на бѣлоснѣжной вершинѣ горы. Въ долинѣ еще ночь, клубятся туманы,—„слышно злое ворчаніе псовъ“ и поднимаются кверху предразсвѣтные міазмы. Но сквозь просвѣты мы видимъ сверкающій алмазами солнечный лучъ и знаемъ, что день настанетъ, солнце взойдетъ и разгонитъ тьму.

А. П. Чеховъ.

Чеховъ—это наша любовь, это сама нѣжность, само изящество, это красивая элегія, пропѣтая надъ русской жизнью, тихая скорбь, звучащая въ застывшей тишинѣ лѣтняго вечера, это тоска по несбывшемуся счастью, безконечно трогательная жалость къ несчастному русскому обывателю, это проникновеніе въ самые интимные и сокровенные уголки чуткой души современнаго человѣка, это свѣтлая скорбь надъ умирающей жизнью, которая могла бы быть такъ прекрасна, полна возможностями, а между тѣмъ обречена на страданіе и неизбѣжное увяданіе.

Чеховъ—это самая трогательная любовь, какая существовала когда либо у русскаго интеллигента, мягкая, сдержанная, некрикливая, но глубоко засѣвшая въ сокровенныхъ уголкахъ его души и сердца, растворившаяся во всемъ его существѣ.

Чеховъ—это самое удивительное созданіе русской природы, уютно грустной и поэтической, какъ картины Левитана, и—русской души, прекрасной въ своихъ порывахъ и тяжелыхъ разочарованіяхъ.

Чеховъ—это полная элегіи русская пѣсня, въ которой вылилась душа народа, скованнаго цѣпями и тоскующаго по волѣ, народа-ребенка, народа-великана,—мощнаго и забитаго, порывисто стремящагося къ лучшему и слабовольному, прекраснаго въ своихъ начинаніяхъ и жалкаго въ своемъ безсиліи выйти на свѣтлый путь.

Чеховъ—это „надгробное рыданіе“ надъ русской жизнью, лежащей, подобно спящей царевнѣ сказки, въ каменномъ гробу, окованномъ желѣзными обручами.

Чтобы понять Чехова нужна чуткая душа и благородное сердце. Чтобы выяснить его огромное значеніе въ русской жизни, нужно твердо помнить тѣ условія ея, въ которыхъ творилась чеховская пѣсня умирающей любви и нерасцвѣтшихъ надеждъ.

Чеховъ родился 17-го января 1860 года, учился (въ университетѣ и въ старшихъ классахъ гимназіи) въ эпоху послѣднихъ героическихъ усилій боевого народническаго движенія, закончившагося страшнымъ общественнымъ крахомъ. Годы сознательной молодости Чехова обвѣяны тяжелыми

клубами мрачной реакціи, надолго воцарившейся у насъ послѣ перваго марта 1881 года.

Народническое движеніе, одушевляемое самыми благородными мечтами и расцвѣтшее благороднѣйшими подвигами идеализма и самопожертвованія, было роковой, хотя и неизбѣжной исторической ошибкой—и по цѣлямъ, которыя оно себѣ ставило и по легкомыслію въ учетѣ силъ своихъ и врага, и по средствамъ и пріемамъ борьбы, которыя заранѣе были осуждены и обрекали дѣло свободы на неизбѣжный неуспѣхъ.

Соціальныя завоеванія не создаются героическими усилями маленькой кучки благородныхъ мечтателей; строительство новыхъ устоевъ жизни не совершается съ помощью химіи въ ея нѣкоторыхъ спеціальныхъ отдѣлахъ и готовностью на безплодныя жертвы.

Движеніе, созданное безъ выясненія соотношенія общественныхъ силъ, опиравшееся на невѣрныхъ предпосылкахъ утопическаго соціализма, должно было привести къ крушенію, и разгромъ былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ напряженнѣе и героичнѣе была борьба.

Непосильное напряженіе всегда ведетъ къ надрыву.

Надорвалась и русская интеллигенція. Широко и щедро лила она кровь своего сердца на невспаханныя поля, ряды ея рѣдѣли все сильнѣе и сильнѣе, а молодая энергія, не закаленная знаніемъ и матерьяльной независимостью, быстро исчезала, оставляя на поляхъ жизни сломленныхъ, измученныхъ борьбой, больныхъ и безвольныхъ людей, безсильно уходившихъ въ тину пошлости и полной бездѣятельности.

Начало 80-хъ годовъ, когда пришелъ къ намъ Чеховъ, было временемъ полнаго разочарованія

„Догорѣли огни, облетѣли цвѣты“ и Надсонъ пѣлъ свои скорбныя пѣсни, „рыдалъ аккордъ“, тоскливо сопровождая въ могилу несбывшіяся мечты, Щедринъ со скорбью искалъ читателя. „Гдѣ ты! Откликнись“! И быстро наступали сумерки длинной сѣверной ночи.

Въ общественной жизни реакція получила свою идеологію въ формулахъ: наше время—не время широкихъ задачъ, въ проповѣди „трезвыхъ словъ и здравыхъ понятій“. Подъ флагомъ національнаго истинно-русскаго расцвѣтала дворянская политика съ земскимъ начальникомъ и дворянскимъ банкомъ во главѣ, обрѣзывались земское и городское самоуправленіе, приниженные университеты получили вмѣсто прежняго подобія автономіи не доброй памяти университетскій уставъ 1884 года; наука была задавлена. Для студентовъ впереди вырисовывалась уже солдатская шапка за проступки противъ принципа: „студентъ—отдѣльный посѣтитель“.

Печать была задавлена неистовствами цензуры и произволомъ администраціи. Ужасное, кошмарное время; тяжело было тѣмъ, кто жилъ и росъ въ эту проклятую эпоху, когда слова: добро, красота, справедливость, человѣческое достоинство

были уже „забытыя слова“, и оффиціальное человѣконенавистничество уже оперялось и пробовало свои силы на организаціи первыхъ погромовъ на югѣ.

Въ литературѣ и искусствѣ реакція выразилась первыми побѣгами декаденства и сознательнымъ бѣгствомъ писателя изъ подъ вліянія общественныхъ обязательствъ. Литература и искусство свободны—вотъ лозунгъ, подъ которымъ шли люди индифферентные къ общественной борьбѣ. Минскій, еще недавно ободрявшій читателя увѣреніями, что „злое ворчаніе псовъ и гадовъ“—предъ зарей, предъ скорымъ всходомъ солнца, объявилъ за одно съ Максимомъ Бѣлинскимъ единственно вѣрной теорію „искусства для искусства“, такъ часто вносившую и раньше великую путаницу въ умы русскихъ читателей, не особенно твердыхъ въ эстетикѣ и по части теоретическаго мышленія.

Л. Н. Толстой, своей теоріей непротивленія злу, содѣйствовалъ, хотя и временно, росту политическаго и общественнаго индифферентизма. Абрамовъ въ „Недѣлѣ“ отстаивалъ теорію „малыхъ дѣлъ“ [1]).

Тяжелое, безвыходное время. Ни откуда не было видно спасенія. Единственная прогрессивная сила, такъ называемая интеллигенція, была разбита, уничтожена, а главное была иллюстрирована съ безпощадной жестокостью и полной очевидностью слабость ея въ борьбѣ съ организованными силами правительства. Новая соціальная сила капитализма вырисовывалась еще въ безотрадныхъ образахъ Колупаева и Разуваева, воплощавшихъ дикую первоначальную хищническую стадію накопленія богатствъ. Новыя силы наростали во мракѣ темной общественной ночи стихійно, но замѣтны были только не многимъ чуткимъ и проницательнымъ умамъ.

„Наши разногласія“ только намѣчались и для большинства были непонятны перспективы новыхъ общественныхъ комбинацій и силъ, указанныя Бельтовымъ въ его первыхъ брошюрахъ и упомянутой выше книгѣ.

Въ такую то пору вышелъ А. П. Чеховъ на литературное поприще.

Онъ дебютируетъ безпритязательными юмористическими разсказами подъ псевдонимомъ Чехонте, а вскорѣ начинаетъ писать и свои настоящіе разсказы за полной подписью. Вліяніе времени, конечно, отразилось на Чеховѣ. Онъ выступаетъ на сцену жизни съ нѣкоторой долей индифферентизма партійнаго. Онъ хочетъ быть свободенъ отъ партійной узости, отъ кружковыхъ шоръ, отъ страха передъ критическимъ начальствомъ. Инстинктъ жизни толкалъ писателя на этотъ путь партійнаго индифферентизма и свободомыслія

---

[1]) Чтобы быть справедливымъ отмѣтимъ, что проповѣдь политическаго индифферентизма и теорія „искусства для искусства“ косвенно оказали и полезное вліяніе на литературу, содѣйствуя расширенію рамокъ свободнаго индивидуальнаго творчества и освобождая душу художника отъ рабства передъ узкими закорузлыми рамками тенденціозной эстетики народничества.

Литературные кружки, замкнутые и неподвижные, хранили „традиціи“ гражданскаго народничества. Они ничего не видѣли вокругъ себя. Пораженіе ихъ ничему не научило и ни отъ чего не освободило. Оно не указало имъ коренныхъ ошибокъ въ ихъ міровоззрѣніи. Признать эти ошибки значило признать полную свою несостоятельность, признать крахъ цѣлой полосы общественнаго міросозерцанія. На такое самоубійство не всякій рѣшится. Легче пережить новые удары, чѣмъ направить ножъ въ свое собственное сердце. Радикально-народническіе кружки съ еще большей яростью стали на стражѣ чистоты своей программы, еще съ большимъ ожесточеніемъ искали „измѣны“ и преслѣдовали всякое „предательство“ и всякое уклоненіе отъ принятой доктрины.

Душно и тѣсно стало въ этихъ кружкахъ. Отъ нихъ уходила жизнь. Она искала новыхъ формъ кристаллизаціи, а они старики ничего не замѣчали, кромѣ измѣнъ и малодушія. Они думали, что потерпѣли временное пораженіе, когда вмѣстѣ съ потрясеньями начала 80-хъ годовъ падали основы всего ихъ міровоззрѣнія.

Чуткій ко всякому уклоненію Н. К. Михайловскій сразу почувствовалъ въ Чеховѣ что-то новое, необычное и сразу изобличилъ его въ нидифферентизмѣ, въ отсутствіи идеаловъ и заподозрилъ въ Чеховѣ идеолога новыхъ безпринципныхъ слоевъ мѣщанства

Но Чеховъ былъ правъ. Онъ хотѣлъ быть свободенъ. Онъ чувствовалъ, что въ жизни и въ немъ самомъ зрѣютъ какіе то новые запросы, подымаются новыя задачи, и хотѣлъ быть свободнымъ къ воспріятію новаго, его душа должна была быть открыта для каждаго движенія живой воды. И если въ извѣстномъ письмѣ къ Плещееву онъ и говоритъ о своей безпартійности, то это вовсе не означаетъ безъидейности Чехова и примиренія съ жизнью.

Ужасы русской жизни, ея глубокое мѣщанство Чеховъ понималъ съ первыхъ дней своей дѣятельности. Мракъ, духовное рабство, духовную слѣпоту, приниженность рабовъ и тупое и жестокое самодурство сильныхъ, запуганность и забитость обывателя, трепетъ чиновника и грязную лѣнь обывателя—одинаково воспринимала чуткая душа и реагировала на все съ той особенной, Чехову свойственной, улыбкой тихой скорби, которая составляетъ неотразимую прелесть его творчества.

Чеховъ не дѣлаетъ различія. Съ удивительнымъ объективизмомъ изображаетъ онъ и побѣдителей и побѣжденныхъ. и правительственный лагерь и русское общество. Его сатира не односторонняя, и въ этомъ ея существенное преимущество.

Передъ тонкимъ наблюдательнымъ взоромъ писателя проходятъ русскіе люди всѣхъ общественныхъ слоевъ и положеній. Онъ ихъ видитъ насквозь и всѣ кажутся ему жалки и плохи.

Русская жизнь совсѣмъ не подвинулась впередъ за послѣднія триста лѣтъ. Въ ней то же отвращеніе къ свободѣ,

что и триста лѣтъ назадъ, и новые люди кажутся какими-то иностранцами („Моя жизнь"), тотъ-же трепетъ передъ мыслью, передъ старшими, передъ самостоятельнымъ шагомъ, та же горячая готовность добровольческаго сыска и преслѣдованія всяческаго свободомыслія.

Въ банѣ парится какой-то длинноволосый господинъ и позволяетъ себѣ выразить уваженіе къ литераторамъ и литературѣ. Этого уже достаточно, что-бы доброволецъ обыватель заволновался; онъ быстро выскользаетъ изъ парильни и взволнованнымъ голосомъ убѣждаетъ банщиковъ послать за городовымъ, что-бы арестовать опаснаго человѣка. Когда выясняется, что „опасный" поклонникъ литературы просто священникъ, а не нигилистъ, потому что въ банѣ даже нигилиста не отличишь отъ обыкновеннаго человѣка—то сконфуженный доносчикъ оправдывается съ наивной искренностью, достойной лучшаго направленія: простите, батюшка, а я думалъ, что у васъ *идеи*!

Вотъ *тонкій* встрѣтилъ на вокзалѣ своего школьнаго товарища—*толстаго*. Они много лѣтъ не видались другъ съ другомъ Бесѣда идетъ непринужденно по товарищески. Но вдругъ тонкій узнаетъ, что на толстомъ—значительный чинъ, и сразу его непринужденность исчезаетъ; чиновникъ весь точно съеживается, начинаетъ суетиться, испуганъ, точно совершилъ преступленіе по службѣ, и стараго товарищескаго тона какъ не бывало.

Въ разсказѣ „Смерть чиновника" повѣствуется, какъ скромный чиновникъ попалъ въ театръ, и по неосторожности чихнулъ прямо на лысину сидѣвшаго впереди важнаго чиновника. Чиновникъ оглянулся. Виновникъ обомлѣлъ отъ трепета при мысли, что онъ оскорбилъ значительное лицо, хотя бы и другого вѣдомства. Начинаются извиненія. На утро чиновникъ въ мундирѣ въ пріемной значительнаго лица. Новыя извиненія. Совѣщаніе съ женой Новые страхи. Еще объясненіе съ значительнымъ лицомъ, которое наконецъ теряетъ всякое терпѣніе и грубо обрываетъ чиновника.

Перепуганный чиновникъ пріѣхалъ домой, легъ на диванъ и—умеръ!

Разсказъ шуточный, не безъ шаржа, но сколько горькой правды подъ внѣшнимъ преувеличеніемъ.

Тотъ-же трепетъ царитъ и въ городѣ, гдѣ служитъ въ гимназіи учитель Бѣликовъ („Человѣкъ въ футлярѣ"). Это типичный русскій педагогъ—человѣкъ въ футлярѣ. У него и внѣшность соотвѣтственная. Онъ даже въ сухую погоду ходитъ въ калошахъ. Въ ушахъ—вата, въ рукахъ зонтикъ. Даже перочинный ножъ у него въ футлярѣ. Аккуратенъ и неукоснителенъ въ исполненіи служебнаго долга и циркуляровъ. У него и душа—словно огромный листъ съ циркулярами. Бѣликовъ любитъ во всемъ точныя указанія циркуляра. Что не запрещено, не кажется ему дозволеннымъ. Душа его спокойна и радостна, когда онъ читаетъ проявленія „твердой" власти, что нибудь вос-

прещающей. Воспрещено и баста, говоритъ Бѣликовъ, довольный собой и успокоенный. И изъ газетъ онъ всегда съ огромнымъ удовольствіемъ читаетъ тѣ, гдѣ рекомендуются рѣшительныя и всегда сокрушающія мѣры: воспретить, недопустить, изгнать, въ бараній рогъ согнуть—вотъ яростные оклики, которые дѣйствуютъ на Бѣликова, какъ божественная мелодія. И вотъ этотъ тупой и ничтожный человѣкъ—воспитатель юношества, гроза педагогическаго совѣта, гроза цѣлаго города. У него есть магическое слово: „какъ бы чего не вышло"—повергающее всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Ученики расшалились свыше мѣры, подлежатъ наказанію. Педагогическій совѣтъ склоненъ не прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. Но Бѣликовъ на стражѣ „закона". А что если о шалости дойдетъ до попечителя учебнаго округа? А что если онъ усмотритъ въ постановленій совѣта попустительство шалунамъ?

— „Какъ бы чего не вышло!"

И испуганный совѣтъ выгоняетъ изъ школы несчастныхъ мальчиковъ, чувствуя, что уступаетъ таинственной власти Бѣликовской формулы:

— Какъ бы чего не вышло!

И какая бы благая мысль не пришла въ голову педагоговъ, на пути ея къ осуществленію стоитъ уже зловѣщая фигура Бѣликова. Онъ уже роется въ циркулярахъ и предписаніяхъ, онъ уже загадочно поглядываетъ по сторонамъ. Доносъ зрѣетъ въ его усердной душѣ, и педагоги уступаютъ нелѣпому противодѣйствію Бѣликова, потому что онъ не двусмысленно грозитъ: Какъ бы чего не вышло!

И скоро весь городъ проникается трепетомъ къ этой формулѣ и ея носителю, и Бѣликовъ является символомъ обывательскаго трепета.

— „Какъ бы чего не вышло!" повторяетъ испуганный обыватель, не знающій ни своихъ правъ, ни обязанностей, не вѣрящій въ силу законовъ, глубоко убѣжденный, что въ жизни царитъ только произволеніе властей, уберечься отъ котораго можно только покорностью, приниженностью, бездѣйствіемъ. „Тише воды, ниже травы"—вотъ нормальная позиція русскаго обывателя.

И представители власти сами смотрятъ на обывательскую жизнь съ высоты этой формулы: сиди и не дыши. Чувствуй себя „отдѣльнымъ посѣтителемъ" жизни и слушайся будочника.

Унтеръ-офицеръ Пришибеевъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что „порядокъ" и тишина кладбища—почти синонимы.

Въ унтеръ-офицерѣ Пришибеевѣ воплощена вся административная мудрость вѣковъ. Не даромъ онъ завершилъ свое самообразованіе, начатое въ казармѣ, службой въ пожарной части. Для унтеръ-офицера Пришибеева—даже деревенскія пѣсни предосудительны, потому что въ законахъ о нихъ ничего не значится. Почтенный унтеръ не прочь даже слѣдить за нравственностью бабъ, запретить къ извѣстному сроку

вечера, всѣ огни въ избахъ. Никѣмъ не уполномоченный, онъ чувствуетъ какое то почти стихійное призваніе къ усмиренію и укрощенію. Онъ видитъ собравшуюся толпу и изъ глотки этой дубины уже несется грозный окрикъ:

— Разойдись!

Онъ охотно прибѣгаетъ и къ усиленнымъ тѣлодвиженіямъ съ рукоприкладствомъ и искренне недоумѣваетъ, когда мировой судья присуждаетъ его къ наказанію за самоуправство.

— За что же? Вѣдь онъ поддерживалъ порядокъ, онъ стоялъ за твердую власть; онъ не могъ потерпѣть своеволія и всего того, что въ законѣ не указано ..

Унтеръ-офицеръ Пришибеевъ грозная и символическая фигура, зловѣщей тѣнью котораго покрыта была вся русская жизнь, въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ и почти до нашихъ дней. Страхъ передъ начальствомъ проникъ во всѣ слои общества. Учитель словесности боится сказать рѣчь на могилѣ своего товарища, потому что покойный не былъ любимъ директоромъ. Родная мать трепещетъ передъ собственнымъ сыномъ, потому что онъ архіерей и самому архіерею всѣ люди казались какими-то маленькими, испуганными, виноватыми! Обыватель боится всего новаго („Моя жизнь“), трепещетъ по поводу всякой самостоятельной мысли („Мыслитель“), боится выглянуть на Божій свѣтъ.

Крестьянка Мавра никогда не выходитъ днемъ на улицу, и только ночью, украдкой, выходитъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Всѣ живутъ жалкой, трепетной, улиточной жизнью. На всѣхъ вицмундиръ; на всѣхъ футляръ.

Иванъ Ивановичъ Гимша—Гималайскій справедливо говоритъ: „а развѣ то, что мы живемъ въ городѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ, развѣ это не футляръ? А то, что мы всю жизнь проводимъ среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ и праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?“. А развѣ герой другого разсказа („Крыжовникъ“), уйдя изъ города и, устроивъ себѣ сомнительное блаженство уединенной и замкнутой жизни, развѣ онъ не замкнулся въ футлярѣ. И закрывши глаза и прячась отъ жизни, люди не хотятъ видѣть, что „вокругъ царитъ наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ,—кругомъ бѣдность, невозможная тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье.. Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ, ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмутился и т. д.“

Въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ энергіи, нѣтъ чувства собственнаго достоинства („Торжество побѣдителей“), нѣтъ самостоятельности мнѣній. Въ разсказѣ „Хамелеонъ“ околоточный съ забавной непосредственностью переходитъ отъ одной точки зрѣнія на виновную собаку—къ другой, въ зависимости отъ того, кому она принадлежитъ. Одни говорятъ, что-это со-

бака его превосходительства, и околоточный становится трогательно ласковъ къ собакѣ, черезъ минуту является сомнѣніе въ принадлежности собаки его превосходительству, и околоточный дѣлается грубъ.

Ни сильныхъ порывовъ, ни знанія, ни умѣнія трудиться,—ничего нѣтъ у русскаго человѣка. Лѣнь и апатія. Докторъ Чебутыкинъ, какъ вышелъ изъ университета, такъ ничего никогда и не читалъ. Знаетъ, что былъ какой-то Добролюбовъ, а что онъ писалъ—не помнитъ, совершенно не помнитъ. Медицину онъ совершенно забылъ, и подъ ножомъ у него умираютъ больные.

Докторъ Астровъ тоже плохо знаетъ свое дѣло. Студентъ Трофимовъ никакъ не можетъ кончить университетъ.

Никто не умѣетъ и не хочетъ работать.

„Странное существо—русскій человѣкъ, говорилъ Чеховъ Горькому: въ немъ, какъ въ рѣшетѣ, ничего не задерживается... Въ юности онъ жадно наполняетъ душу всѣмъ, что подъ руку попало, а послѣ тридцати лѣтъ въ немъ остается какой то сѣрый хламъ; что-бы хорошо жить, по человѣчески, надо-же работать! Работать съ любовью съ вѣрою... А у насъ не умѣютъ этого .. Архитекторъ, выстроивъ два три приличныхъ дома, садится играть въ карты, играетъ всю жизнь, или-же торчитъ за кулисами театра. Докторъ, если онъ имѣетъ практику, перестаетъ слѣдить за наукой, ничего кромѣ „новостей терапіи“ не читаетъ и въ сорокъ лѣтъ серьезно убѣжденъ, что всѣ болѣзни—простуднаго происхожденія. Я не встрѣчалъ ни одного чиновника, который хоть немного понималъ бы значеніе своей работы обыкновенно, онъ сидитъ въ столицѣ или губернскомъ городѣ, сочиняетъ бумаги и посылаетъ ихъ въ Зміевъ и Сморгонъ для исполненія. А кого эти бумаги лишатъ свободы движенія въ Зміевѣ и Сморгони,—объ этомъ чиновникъ думаетъ такъ-же мало, какъ атеистъ о мученіяхъ ада. Сдѣлавъ себѣ имя, удачный защитой адвокатъ уже перестаетъ заботиться о защитѣ правды, а защищаетъ только право собственности, и играетъ на скачкахъ, ѣстъ устрицъ и изображаетъ собою тонкаго знатока всѣхъ искусствъ. Актеръ, сыгравшій сносно двѣ-три роли, уже не учитъ больше ролей, а надѣваетъ пилиндръ и думаетъ, что онъ геній. Вся Россія—страна какихъ то жадныхъ и лѣнивыхъ людей; они ужасно много и некрасиво ѣдятъ, пьютъ, любятъ спать днемъ и во снѣ храпятъ. Женятся они для порядка въ домѣ, а любовницъ заводятъ для престижа въ обществѣ. Психологія у нихъ собачья: бьютъ ихъ—они тихонько повизгиваютъ и прячутся по своимъ конурамъ, ласкаютъ—они ложатся на спину и лапки кверху и виляютъ хвостиками „Тоскливое. холодное презрѣніе звучало въ этихъ словахъ“, но это презрѣніе смягчалось тѣмъ особеннымъ Чеховскимъ сожалѣніемъ къ людямъ, тѣмъ и удивительно-искренними желаніями имъ добра, которыя составляютъ внутреннюю первооснову творчества Чехова. Читая разсказы Ан-

тона Чехова, чувствуешь себя, точно въ грустный день поздней осени, когда воздухъ такъ прозраченъ и въ немъ рѣзко очерчены голыя деревья, тѣсные дома, сѣренькіе люди... Все такъ странно-одиноко, неподвижно и безсильно"..

Душа Чехова съ безпощадной ясностью освѣщаетъ избитыя дороги, кривыя улицы, тѣсные, грязные дома, въ которыхъ задыхаются отъ скуки и лѣни и отъ безправія жалкіе, ничтожные люди. Глубоко возмущаетъ Чехова общій укладъ русской жизни, полное отсутствіе законности, полное неуваженіе къ ней, одинаково какъ представителей государственной власти, такъ и общества.

Никто не цѣнитъ человѣческаго достоинства, никто не уважаетъ правъ личныхъ: мужикъ не знаетъ и не понимаетъ предписаній закона и твердо увѣренъ, что начальство всегда можетъ повернуть ихъ по своему („Темнота"). Это—темнота юридическая. Она проявляется и въ жизни среднихъ слоевъ населенія. Мясникъ Прокофій, на глазахъ кухарокъ, обвѣшиваетъ и обсчитываетъ покупателей. Жена инженера, у которой пропала брошка, требуетъ произвести обыски у прислуги.. И всѣхъ раздѣвали до гола и обыскивали. На замѣчаніе мужа—„по закону ты не имѣешь никакого права дѣлать обыски"—барыня отвѣчаетъ. „я не знаю вашихъ законовъ, я только знаю, что у меня пропала брошка, вотъ и все. И я найду эту брошку"

И если русскій обыватель и обращается къ закону, пробуетъ твердо опереться на его указанія, то только тогда, когда такимъ путемъ и вопреки нравственному чувству можно устроить какую-нибудь плутню.

Такой характеръ имѣютъ проэкты Боркина купить оба берега рѣки и потомъ угрозой ея запруды сорвать хорошую сумму съ завода, стоявшаго ниже по рѣкѣ.

Уваженія къ человѣку совсѣмъ нѣтъ въ русскомъ обывателѣ. Онъ до сихъ поръ еще вѣритъ въ благородство происхожденія и бѣлую кость. Нечестность, взяточничество, воровство вошли въ плоть и кровь русскаго человѣка. Полозневъ говоритъ, въ разсказѣ „Моя жизнь", что онъ не зналъ въ своемъ городѣ ни одного честнаго человѣка. Его отецъ бралъ взятки и воображалъ, что даютъ ему изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги. Жена военнаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ; во время набора брали и врачи, а городской врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры, въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду; благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали вслѣдъ: „Благодарить надо!" и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 копѣекъ.

Инженеры воровали при постройкахъ на желѣзной дорогѣ, требовали взятокъ съ городского управленія за то, чтобы дорога подходила къ самому городу

Воровство и взятка царятъ и среди низшихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ Оберъ-кондукторъ за одно съ машинистомъ ждутъ десяти рублевки отъ грузоотправителя Малахина („Холодная кровь"), что-бы двинуть впередъ вагоны, идущіе въ столицу со скотомъ. Въ этой операціи въ размѣрѣ двухрублевки принимаетъ участіе и начальникъ товарной станціи.

Солидный оберъ-кондукторъ Стычкинъ хорошо зарабатываетъ на перевозѣ безбилетныхъ („Хорошій конецъ"). Стычкинъ „человѣкъ положительный, строгій, солидный, жизнь ведетъ основательную, обо всемъ благородно понимаетъ" ..

На вопросъ, какое онъ жалованье получаетъ, Стычкинъ отвѣчаетъ:

Я-съ? Семьдесятъ пять рублей, помимо наградныхъ. Кромѣ того мы имѣемъ доходъ отъ стеариновыхъ свѣчей и зайцевъ.

— Охотой занимаетесь?

— Нѣтъ-съ, зайцами у насъ называются безбилетные пассажиры".

Взятки берутъ не только чины полиціи, но даже врачи, и только судейскіе оставались свободны отъ этого соблазна. Въ разсказѣ „Ораторъ" чиновникъ говоритъ оратору: „ваша рѣчь, можетъ быть, годится для покойника, но въ отношеніи живого человѣка она—одна насмѣшка-съ! Помилуйте, что вы говорили? Безкорыстенъ, неподкупенъ, взятокъ не беретъ. Вѣдь про живого человѣка это можно сказать только въ насмѣшку-съ".

Благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ, завѣдуя ремонтомъ клуба, пробуетъ нажиться и на общественномъ дѣлѣ. За оклейку комнатъ обоями, которыя стоили по 7 копеекъ, онъ требуетъ писать въ счетѣ по 12 копеекъ, а когда работавшій заупрямился, то благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ, должно быть старшина, весьма категорически изъясняетъ.

— Если ты, мерзавецъ, будешь еще много разговаривать, то я тебѣ всю морду побью.

Эта готовность аппелировать „къ мордѣ" — одно изъ яркихъ проявленій русской грубости и некультурности. Рукоприкладство не вышло изъ употребленія со временъ крѣпостного права. У русскаго человѣка все еще „руки чешутся". Инженеръ Полозневъ бьетъ по лицу своего взрослаго сына. Унизить человѣческое достоинство, принизить человѣка — обычное удовольствіе русскаго обывателя. Вотъ принижается, скоморошествуя, чиновникъ Курицынъ, представляющій „трагедію" въ угоду своему начальнику Козулину („Торжество побѣдителей") — „Умри, вѣроломная! Крови жажду!" Такое-же отсутствіе собственнаго достоинства и въ интеллигентахъ, которые подобострастно ухаживаютъ за чумазымъ („Маска"). Мѣстный милліонеръ, скандалитъ въ клубѣ, изгоняетъ чита-

ющихъ изъ библіотеки, вызываетъ своимъ поведеніемъ общее негодованіе, дѣло доходитъ уже до протокола. Но безобразникъ снимаетъ свою маску, и видя передъ собою могучаго мецената и покровителя, всѣ сразу спадаютъ съ тона и находятъ, что поведеніе милліонера было очаровательной шуткой, и заискивающе толпятся около влятельнаго безобразника и всячески стараются замять непріятную исторію.

Желаніе унизить свою собственную жену проявляетъ мелкій чиновникъ, которому досадно стало, что жена его увлеклась танцами и хоть на минуту забыла печальную дѣйствительность. Вотъ она вся „въ эмпиреяхъ“ несется въ мазуркѣ. Но мужъ останавливаетъ ее и подъ угрозои скандала, требуетъ не медля возвращаться домой. Онъ мужъ — и глава дома („Мужъ“).

Еще рѣзче выступаетъ неуваженіе къ человѣческому достоинству въ отношеніи къ прислугѣ. Орловъ попалъ случайно въ лакеи, жилъ со своимъ бариномъ хорошо, „но все таки то нечистое и оскорбительное, чего онъ такъ боялся, поступая въ лакеи, было на лицо и давало себя чувствовать каждый день. А разфуфыренная и подмаленная горничная Поля искренне была убѣждена, что лакеи, это низшая порода людей. Съ такимъ-же презрѣніемъ смотрѣла на лакея и любовница барина, дама изъ общества („Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“).

Инстинкты рабовладѣлицы просыпались по временамъ даже въ милой и образованной Вѣрѣ („Въ родномъ углу“), умѣвшей говорить на трехъ языкахъ, но въ припадкѣ „нервовъ“ кричавшей на Агену:

— Вонъ! Вонъ! бейте ее!

Притупилось отъ рабьей, все принижающей жизни чувство человѣческаго достоинства и въ рабочихъ, и мужикахъ.

Полозневъ говоритъ: „просить на чай не стыдились даже почтенные старики, имѣющіе въ Макарихѣ собственные дома, и было досадно и стыдно, когда ребята гурьбой поздравляли какое нибудь ничтожество съ первоначатіемъ, или окончаніемъ, и, получивъ отъ него гривенникъ, униженно благодарили“. „Послѣ каждаго схода крестьяне окружали Полозневыхъ, и хотя дѣло шло о постройкѣ необходимой крестьянамъ-же школы, просили на ведро водки, и не было конца брани и попрошайничеству. „Даже по поводу пожара старикъ Осипъ проситъ „погрѣться бы... на полбутылочки съ вашей милости“.

Униженъ и третій элементъ. Народная учительница, Марья Ивановна, преданная дѣлу и любящая его, не осмѣливается сѣсть въ присутствіи члена управы или попечителя школы и когда говоритъ о комъ нибудь изъ нихъ, то изъ почтенія къ нимъ забываетъ грамматику и выражается не иначе, какъ во множественномъ числѣ: „они“.

Особенно поражаетъ Чехова быстрое увяданіе такъ называемой интеллигенціи. Еще въ 20—30 лѣтъ она пылаетъ прекрасными порывами, готова сдвинуть горы, смѣло идетъ на

борьбу со зломъ! Но едва попадаетъ въ провинцію, все забываетъ, быстро отказывается отъ борьбы, выдыхается, блекнетъ, тускнѣетъ и опускается на дно. Черезъ какихъ нибудь десять лѣтъ университанта не отличить отъ самаго заматерѣлаго обывателя

Докторъ Старцевъ, Дмитрій Іонычъ, былъ назначенъ земскимъ врачемъ и поселился въ девяти верстахъ отъ города С. Это былъ человѣкъ интеллигентный и даже образованный. Но въ городѣ, кромѣ семьи Туркиныхъ, не было живыхъ людей. Книгъ никто не читалъ, и „если бы не дѣвушки и молодые евреи", то библіотеку, пожалуй, и вовсе можно было бы закрыть.

И вотъ типа начинаетъ мало по малу засасывать Іоныча. Не съ кѣмъ и не о чемъ разговаривать Обыватель такъ непроходимо тупъ, что не способенъ расчленять мысли на части, устанавливать между ними логическую связь и дѣлать неизбѣжные логическіе выводы.

Когда Старцевъ пробовалъ заговорить даже съ либеральнымъ обывателемъ о томъ, что человѣчество, слава Богу, идетъ впередъ, что со временемъ оно будетъ обходиться безъ паспортовъ и безъ смертной казни, то обыватель глядѣлъ на него искоса и недовѣрчиво спрашивалъ: „значитъ, тогда всякій можетъ рѣзать на улицѣ кого угодно?"

И волей неволей Старцевъ прекращалъ разговоры, отъ которыхъ могли только испортиться его отношенія къ обывателю. А вскорѣ и ему самому такіе разговоры казались уже ненужными и непріятными.

Изъ всѣхъ задачъ жизни оставалась одна—накопленіе богатства.

„Какъ мы поживаемъ тутъ? Да ни какъ. Старимся, полнѣемъ, опускаемся. День да ночь—сутки прочь, жизнь проходитъ тускло безъ впечатлѣній, безъ мыслей.. Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ, общество картежниковъ, алкоголиковъ, хрипуновъ, которыхъ я терпѣть не могу. Что хорошаго?"

Эта удивительная дряблость русскаго интеллигента, его неспособность строить жизнь, быстрое увяданье и опусканье на дно—одно изъ крупныхъ несчастій русской жизни. Чеховъ непрерывно возвращается къ этому явленію и въ докторѣ Нещановѣ („Въ родномъ углу") и въ Ивановѣ, и въ Астровѣ („Дядя Ваня") и молодомъ ученомъ Прозоровѣ („Три сестры"). Нашъ либерализмъ сидитъ въ крови, въ пылкихъ чувствахъ молодости, а не въ убѣжденіяхъ, выросшихъ медленно и закаленныхъ долгимъ трудомъ, упорной, но разумной борьбой,—которая ведется въ соотвѣтствіи съ условіями жизни и соотношеніемъ силъ и потому приводитъ не къ надрыву, а къ медленнымъ, но безспорнымъ побѣдамъ. У русскаго человѣка нѣтъ характера, нѣтъ знаній, нѣтъ привычки къ труду, выносливости къ борьбѣ. Мягкотѣлый онъ и слабовольный.

„Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано"...

Русскій человѣкъ не умѣетъ бороться за лучшее будущее и потому быстро свыкается съ привычными формами жизни и формами мышленія Формализмъ, то есть, склонность относиться къ каждому дѣлу не по существу, а съ его формальной стороны, штампованной обычаемъ и предписаніемъ начальства—вотъ едва ли не самый крупный недостатокъ русскаго общества.

Тюремный смотритель Яшкинъ въ трепетѣ, когда его пьяный другъ и собутыльникъ дерзаетъ возстать противъ буквы Ѣ Громовъ (Палата № 6) приходитъ въ ужасъ при мысли, что благосостояніе личности часто зависитъ отъ нѣкоторыхъ служебныхъ формальностей. Но самъ онъ не умѣетъ бороться съ формализмомъ и расплачивается за свои химеры сумасшедшимъ домомъ

Сотскій Лошадинъ („По дѣламъ службы“) тридцать лѣтъ таскаетъ какія то бумаги, пакеты, повѣстки, вѣдомости, бланки, исполняя все „по формѣ“ и не видя за этой формой никакого содержанія. Сторожъ Ферапонтычъ искренне убѣжденъ, что бумаги только для того и существуютъ, что-бы ихъ подписывали („Три сестры“). Ординаторъ знаменитаго профессора, Королевъ, тоже привыкъ къ строго-формальному отношенію къ людямъ. Для него пацієнты—не люди, а клиническіе случаи болѣе или менѣе интересныхъ болѣзней. Человѣка онъ не видитъ и не понимаетъ. („Случай изъ практики“).

Только старымъ формальнымъ отношеніемъ къ жизни объясняется, что многіе дореформенные предразсудки сохранили еще свою живучесть. По прежнему царитъ теорія бѣлой кости и помѣщица Хлыкина въ серьезъ убѣждена, что мужъ ея роняетъ свое достоинство, вступая въ дружескія отношенія съ купцомъ Гусевымъ.

„Я этого Гусева и къ порогу не допускаю, а онъ съ нимъ въ шашки играетъ, да закусывать къ нему ходитъ. Нешто прилично ему съ писаремъ на охоту ходить. О чемъ онъ можетъ съ писаремъ разговаривать? Писарь не то что разговаривать, писнуть при немъ не смѣй“ („Послѣдняя могиканша“). Теорію бѣлой кости, правда, въ болѣе культурной формѣ, отстаиваетъ и инженеръ Полозневъ, увѣряя, что „Духъ Божій, святой огонь... добывался тысячами лучшихъ людей... Твой прадѣдъ—генералъ, сражался при Бородинѣ, дѣдъ твой былъ поэтъ, ораторъ и предводитель дворянства. дядя—педагогъ, наконецъ я, твой отецъ,—архитекторъ... Всѣ Полозневы хранияи святой огонь для того, что бы ты погасилъ его“. Павелъ Ильичъ Рашевичъ („Въ усадьбѣ“) привлекаетъ на защиту той-же теоріи дарвинизмъ. „Я неисправимый дарвинистъ, и для меня такія слова, какъ порода, аристократизмъ, благородная кровь не пустые звуки.. Да, батенька мой, не чумазый же, не кухаркинъ сынъ далъ намъ литературу, науку, искусство, право, понятія о чести, долгѣ... Всѣмъ этимъ человѣчество исключительно обязано бѣлой кости... И

если я чумазому или кухаркину сыну не даю руки и не сажаю за столъ, то этимъ самымъ я охраняю лучшее, что есть на землѣ"... и т. д.

За этими рѣчами, какъ ни научно выражены онѣ съ внѣшней стороны, кроется все тоже неуваженіе къ человѣку, все таже формальная точка зрѣнія на жизнь и людей.

Формально правъ, достаточно силенъ, что бы унизить человѣка и потому унижаю—вотъ аргументъ русскаго дикаря самодура. И всѣ норовятъ унизить кого нибудь. Приказчики—рабочихъ, купцы—приказчиковъ; инженеръ Должиковъ всѣхъ служащихъ, почему то называя ихъ пантелѣями; регентъ Градусовъ своего пѣвчаго, бѣдныхъ солдатиковъ—рѣшительно всѣ, кому они подчинены.

Павелъ Ивановичъ, возвращаясь на пароходѣ съ Дальняго Востока, говоритъ больнымъ солдатикамъ, тоже отосланнымъ на родину: „Вы люди темные, слѣпые, забитые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вамъ говорятъ, что вѣтеръ съ цѣпи срывается и вы вѣрите: по шеѣ васъ бьютъ, вы ручку цѣлуете; ограбитъ васъ какое нибудь животное въ енотовой шубѣ и потомъ швырнетъ вамъ пятиалтынный на чай, а вы. пожалуйте, баринъ, ручку. Паріи вы, жалкіе люди".

И жалкій, забитый, униженный парія, добираясь до власти, пробуетъ на другихъ свою силу и вымещаетъ свое униженіе, униженіемъ другого человѣка. Добродушный денщикъ ничего лучше не могъ выдумать, какъ искровянить ни за что ни прочто ни въ чемъ не повиннаго манзу, добросовѣстно таскавшаго дрова.

Сегодня толстый помѣщикъ тащитъ мужиковъ къ земскому начальнику за потраву, а завтра, въ торжественный день, ставитъ имъ полведра, и они пьютъ и кричатъ ура и пьяные кланяются ему въ ноги.

Жизнь построена на насиліи, на полной безнаказанности сильнаго и богатаго, на принципѣ административнаго усмотрѣнія, и потому никто не придаетъ значенія закону, какъ только—лишь формѣ, примѣняемой для удобства сильнаго. Нѣтъ правъ, нѣтъ идеи гражданской свободы, равенства передъ закономъ, нѣтъ уваженія къ личности, къ элементарнымъ свободамъ—сужденія, передвиженія собраній.

И тутъ ужъ на помощь обывательской темнотѣ и ей въ поддержку идетъ административное невѣжество со всѣми зигзагами административнаго усмотрѣнія.

Полна горькаго юмора сцена, изображенная въ разсказѣ „Броженіе умовъ".

„Два обывателя, идучи по базарной площади, остановились и заспорили. Одинъ увѣрялъ, что скворцы сѣли надъ садомъ дьякона, а другой утверждалъ, что они сѣли надъ крышей батюшки. Любопытные прохожіе тоже стали останавливаться и глядѣть въ верхъ. Вскорѣ на площади образовалась толпа.

Переполошилась полиція. Нельзя допускать скопленія обывателей на одномъ мѣстѣ.

— Господа! Разойдитесь! Васъ честью просятъ!

— Честью просятъ, а самъ рукой тычетъ. Не махайте руками. Вы хоть и господинъ начальникъ, а не имѣете такого полнаго права рукамъ волю давать

— Почему такая толпа? За какой надобностью?.. Разойдитесь. Господа, честью прошу! Честью просятъ тебя, дубина!

— Мужиковъ толкай, а благородныхъ не смѣй трогать! Не прикасайся!

— Нешто это люди? Нешто ихъ, чертей, проймешь добрымъ словомъ? Сидоровъ, сбѣгай ка за Акимомъ Данилычемъ...

Показался Акимъ Данилычъ. Что то жуя и вытирая губы, онъ взревѣлъ и врѣзался въ толпу.

— Пожарные, приготовься! Разойдитесь! Пожарные, лей! Разойдитесь! Сдай назадъ, что-бъ тебя черти взяли... Сидоровъ, запиши ка его чорта!...“

Такъ усмиряется „преступная“ толпа.

По счастью все кончилось только водопролитіемъ. Въ трактирѣ заигралъ новый органъ и праздная толпа повалила къ новой приманкѣ. Черезъ часъ городъ былъ уже недвижимъ и тихъ. Вечеромъ того же дня Акимъ Данилычъ писалъ уже донесеніе начальству. Времена еще были идиллическія, и Акимъ Данилычъ не безъ удовольствія спѣшитъ увѣдомить, кого слѣдуетъ, что все обошлось безъ кровопролитія. „Виновные-же за недостаткомъ уликъ сидятъ пока взаперти, но думаю ихъ выпустить черезъ недѣльку“...

Лучшей иллюстраціи къ оцѣнкѣ свободы личности у насъ на Руси трудно и найти въ русской литературѣ. „Виновные, за недостаткомъ уликъ, сидятъ пока взаперти“—классическая формула, сыгравшая роль руссаго habeas corpus—только верхъ ногами,—шиворотъ на выворотъ.

И Чеховъ даетъ намъ рядъ картинъ русскаго гражданскаго рабства. Не свобода передвиженій, паспортная система, ограниченія евреевъ, самоуправство и произволъ администраціи, господство дикаго принципа: что прямо не разрѣшено, то запрещено—вотъ тѣ органическія стѣсненія, которыя сдѣлали русскую жизнь тѣсной, узкой, задавленной и униженной. Если бы Пушкинъ прочелъ разсказы Чехова, онъ, вѣроятно, воскликнулъ бы, какъ тогда, когда Гоголь читалъ ему „Мертвыя души“: „Боже, какъ безконечно печальна и грустна русская жизнь“. Что-то сѣрое, однообразное, унылое и безпредѣльное, какъ южныя степи, какъ пески Сахары, какъ тяжелый, нѣсколько разъ повторяющійся въ ночь, удушливый кошмаръ.

Какая огромная галлерея сѣрыхъ, скучныхъ, безсильныхъ, ничтожныхъ людей, мимо которыхъ прошелъ большой, умный, ко всему внимательный человѣкъ, посмотрѣлъ на этихъ скуч-

ныхъ жителей своей родины и съ грустной улыбкой, тономъ мягкаго, но глубокаго упрека, съ безнадежной тоской на лицѣ и въ груди красивымъ искреннымъ голосомъ сказалъ:— Скверно вы живете, господа! Стыдно такъ жить.

II

Разбирая причины бѣдствій, нестроенья русской жизни и безграничной скорби увяданія, Чеховъ также какъ и въ изображеніи картинъ быта остается глубоко объективнымъ художникомъ. Для него все ясно, и общая картина упадка и медленнаго умиранья представляется ему, какъ послѣдствіе тысячи сложныхъ причинъ. Виноватъ самъ обыватель. Виновато и правительство. Виноваты и стихійныя причины, парализовавшія усилія человѣка на пути къ улучшенію жизни.

Астрову („Дядя Ваня“) уже съ очевидностью рисуется картина несомнѣннаго вырожденія, которому остается еще какихъ нибудь 10—15 лѣтъ, что бы стать полнымъ... Если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы,—народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдь тутъ ничего подобнаго! Въ уѣздѣ тѣ-же болота, комары, то-же бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары... Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣдствіе непосильной борьбы за существованіе; это вырожденіе отъ косности, невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озябшій, голодный, больной человѣкъ, что-бы спасти остатки жизни, что-бы сберечь своихъ дѣтей, инстинктивно, безсознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ все, не думая о завтрашнемъ днѣ... Разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано ничего.

Но кромѣ стихійныхъ причинъ, Чехову ясны и соціальные источники нашего вырожденія.

Освобожденіе крестьянъ при отсутствіи гражданской свободы, просвѣщенія, въ тѣхъ жестокихъ условіяхъ выкупной операціи, которая отнюдь не лестно рекомендуетъ дворянское безкорыстіе [1]) все это вмѣстѣ взятое вело крестьянство къ неизбѣжному разоренію. Выхода не было: ни земли, ни интенсивнаго хозяйства, ни гражданскаго самосознанія все это при условіи огромныхъ поборовъ прямыхъ и косвенныхъ, вело крестьянъ къ гибели и одичанію. Порвалась цѣпь великая и ударила... главнымъ образомъ, если не исключительно, по мужику.

Чеховъ не закрываетъ глаза на печальную дѣйствительность. Не идеализируетъ крестьянъ. Онъ первый изъ русскихъ писателей рядомъ съ Успенскимъ взглянулъ смѣло и пытливо

[1]) Объ этомъ чит. „Обществ. движеніе въ Россіи“, т. I ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

въ глаза жизни и далъ намъ неподкрашенныя и не идеализированныя картины мужицкаго одичанія.

Онъ не скрываетъ отъ насъ безграничной тупости мужиковъ („Гайка“) ихъ невѣжества, жестокости, лѣни, тупой враждебности всякому новому начинанію.

Оскудѣніе земледѣльческаго центра изображено съ глубокой правдивостью и всесторонностью („Мужики“ „Новая дача“ и др.) Чеховъ рисуетъ намъ на фонѣ общаго обнищанія и отупѣнія полное отчужденіе между бариномъ и мужикомъ, о которое разбиваются самыя лучшія намѣренія новыхъ дачниковъ

Въ „Мужикахъ“ Чеховъ развернулъ всю силу своего огромнаго дарованія, чтобы нарисовать ужасъ и гибель разоряющагося крестьянскаго гнѣзда, всѣ члены котораго дѣлаютъ невѣроятныя усилья, чтобы удержать основы стараго патріархальнаго уклада жизни. Дикость, грубость, озвѣрѣлая нищета перешли всѣ границы возможнаго.

Въ разсказѣ „Въ оврагѣ“ мы имѣемъ геніальную картину того-же соціальнаго процесса, но только съ другой стороны—картину такъ называемаго первоначальнаго накопленія, хищнической стадій развитія капитализма, со всѣми отвратительными ея подробностями. Чеховъ тонко подмѣтилъ стихійность этого процесса, съ его безличностью, съ его почти фетишистскимъ преклоненіемъ передъ культомъ наживы и денегъ, со всей той массой тупого и ненужнаго зла, которое всегда сопровождаетъ стихійный періодъ развитія денежнаго хозяйства.

Старое рабство въ его откровенно-наивныхъ формахъ исчезло. Но на его мѣсто идутъ болѣе утонченныя формы рабства. Мы уже не сѣчемъ лакеевъ на конюшнѣ, но еще сильнѣе скрутили работника матерьяльными узами.

„Въ оврагѣ“ изображена такая крестьянская семья, которая хочетъ уже жить по купечески.

Передъ нами уже новое село съ тремя ситцевыми и одной кожевенной фабрикой Эти фабрики заражаютъ воздухъ, портятъ воду, но мѣстный санитарный врачъ за умѣренную мзду смотритъ сквозь пальцы на зараженіе мѣстности. Прямо противъ церкви („тонкая черта“ замѣчаетъ Меньшиковъ въ своей прекрасной статьѣ объ этой повѣсти) устроился Григорій Петровъ, со своей бакалейной лавочкой. Тутъ то въ нѣдрахъ этого вороньяго гнѣзда творится великій процессъ накопленія богатствъ всѣми правдами и неправдами, обмѣромъ и обвѣсомъ, продажей тухлой дряни, ростомъ, распространеніемъ фальшивыхъ бумажекъ и серебряныхъ рублей; тутъ созидается новое поколѣніе хищниковъ съ луженой совѣстью и мѣднымъ лбомъ. Тутъ разыгрывается великая трегедія деревенской жизни. Вотъ передъ нами благообразный старичекъ міроѣдъ въ длинномъ сюртукѣ, уважаемый членъ прихода, его благочестивая жена Варвара, два сына, изъ коихъ старшій Анисимъ пошелъ по „ученой части“—онъ сыщикъ, женатый на

кроткой Линѣ, и младшій глупый сынъ, женившійся на энергичной и хищной Аксиньѣ.

Аксинья—великолѣпный образецъ хищнаго звѣря, дѣльца съ неукротимой жаждой стяжанья. Это какая то тигрица—тамъ гдѣ затронуты ея интересы. Ей ничего не стоитъ въ припадкѣ ярости обварить ребенка невѣстки кипяткомъ. Она не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ для достиженія своихъ хищныхъ цѣлей. Она по ту сторону добра и зла. Грѣха она уже не боится и не вѣритъ ни въ чорта, ни въ жоха.

Впрочемъ, для пользы этой великолѣпной семеики привлечена и религія. Ея представительницей является жена главы дома Григорія Цыбухина—Варвара Николаевна.

Она была изъ хорошаго семейства и хороша собой. Это начало порядка и благолѣпія въ купеческой семьѣ. Едва она появилась въ домѣ, какъ сразу все словно просвѣтлѣло. Засвѣтились лампадки, столы покрылись бѣлыми скатертями на окнахъ и въ палисадникѣ появились цвѣты, за обѣдомъ у каждаго члена семьи появилась тарелка. Сама Варвара Николаевна улыбалась такъ пріятно и ласково. Во дворѣ появились нищіе, странники, богомолки, и всѣхъ она одѣляла пищей, деньгами, старой одеждой.

Слава о Варварѣ Николаевнѣ пошла въ окрестности, и хотя въ лавкѣ по прежнему сбывали тухлую солонину съ такимъ тяжелымъ запахомъ, что трудно было стоять возлѣ бочки, и по прежнему у пьяныхъ крестьянъ и рабочихъ брались въ закладъ косы, шапки, женино платье, и „грѣхъ“ стоялъ надъ семьей лавочника, какъ свинцовая шапка густого тумана,—всѣмъ казалось, что это очень хорошо, что тамъ въ домѣ живетъ праведная душа и, спасая себя, и другихъ спасаетъ.

Варвара Николаевна отлично понимала, что семья не такъ живетъ, какъ слѣдуетъ, но это сознаніе не угнетало ее, не выводило изъ состоянія пассивности и покорности факту.

„Живемъ мы хорошо—говоритъ она пасынку, — всего у насъ много, и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно; старикъ сказывалъ—двѣ тысячи пошло. Одно слово, живемъ какъ купцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ — и Боже мой!... Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

— Кто къ чему приставленъ, мамаша, возражаетъ ей пасынокъ, который пошелъ „по ученой части“, и нисколько не обижается на рѣчи Варвары Николаевны. Онѣ необходимы для полноты картины, для благолѣпія, для славы разбойничьей семьи. Сыщикъ и фальшивомонетчикъ, „ученый“ сынъ Григорія очень доволенъ своей мамашей.

„Кто къ чему приставленъ“!

Они грабятъ и обманываютъ; она — лампадки блюдетъ и

благолѣпіе поддерживаетъ. И потому сыщикъ очень искренне доволенъ своей мамашей. Прощаясь, онъ кланяется ей въ ноги и говоритъ:

— „Благодаримъ васъ за все, мамаша! Нашему семейству отъ васъ большая польза. Вы очень приличная женщина, и я вами много доволенъ".

И дѣйствительно, эта скорбящая и вздыхающая о грѣхахъ добродѣтель, приноситъ хищному семейству „большую пользу". Она своимъ благочестіемъ и благолѣпіемъ освящаетъ зло жизни. Она добросовѣстно охаетъ и вздыхаетъ, но сердце ея спокойно. Она освящаетъ грабежъ, косвенно участвуя въ немъ и своими копейками и кусками хлѣба, раздаваемыми нищимъ, она примиряетъ людей съ грандіознымъ хищничествомъ. Она смазываетъ все шероховатое, сглаживаетъ углы и не мѣшаетъ въ главномъ. Грандіозный процессъ накопленія освящается ея участіемъ въ дѣлежѣ добычи. Внутренно она примирилась съ богатствомъ и считаетъ его дѣломъ хорошимъ: „Живемъ, какъ купцы", — это ей нравится, это она считаетъ идеальной цѣлью жизни.

Благочестіе Варвары Николаевны очень покладливое и лишено огня истинной любви. Противное это благочестіе, закупленное сытостью и чаемъ съ вареньемъ...

И только въ кроткой и нѣжной Линѣ, третьей женщинѣ этой семьи, словно случайно попавшей въ хищническое гнѣздо, живетъ другая душа, полная безкорыстія, глубоко чуждая всѣмъ своимъ строемъ началу хищничества и наживы.

И теперь уже, попавъ въ богатую семью, она глубоко враждебна ея хищничеству и безсознательно чужда ея идеаламъ, и надъ своимъ ребенкомъ, забывая, что онъ уже родился богатымъ, она вслухъ мечтаетъ, какъ прирожденная пролетарка:

— Выростешь большой, большой мужикъ будешь, вмѣстѣ на поденку пойдемъ!

— Ну-у, обидѣлась Варѣара; какую тамъ еще поденку выдумала, глупенькая, онъ у насъ купецъ будетъ.

Но Лина не можетъ этого понять. Идеалы сытости и купеческаго благополучія далеки ея чистой безсеребренной душѣ.

Не слопала купеческая семейка ея души, но и не примирилась съ ней.

Сынокъ ея умираетъ, обваренный кипяткомъ. Сама она изгнана изъ семьи навсегда свирѣпой Анисьей.

И пойдетъ она нищенкой, и всю жизь будетъ работать у чужихъ людей за гроши... Въ вѣчной бѣдности, въ вѣчномъ трудѣ спасетъ она свое золотое сердце, свою золотую душу отъ грязи и крови жизни.

Потрясающей силы картина нарисована Чеховымъ въ его разсказѣ.

Вся стихійная жестокость хищничества, всѣ его троглодитные пріемы, желѣзные клыки вмѣсто зубовъ, луженое

чрево, которое сглодаетъ булыжникъ, мѣдный лобъ, не знающій стыда и оловяное сердце, не знающее волненій и жалости,—какая потрясающая картина грабежа, какая оргія наживы въ скорбныхъ рамкахъ поэтической, какъ осень, русской деревни. Какой контрастъ между Чеховымъ съ его нѣжной, тоскующей душой и ужасной дѣйствительностью.

Неудивительно, что Чеховская муза страдала, что она глядѣла на жизнь съ безконечной скорбью и жалостью. Это было страданіе нѣжной души, безконечно чуткой ко всякому диссонансу, ко всякой неправдѣ, ко всякому рѣзкому звуку, ко всякой фальши. Пошлость, мѣщанство жизни, узость и тѣснота ея глубоко возмущали Чехова и дѣлали его въ первый періодъ его дѣятельности полнымъ пессимистомъ.

Мѣщанство возмущало Чехова по существу. По временамъ оно казалось ему не только бытовымъ, русскимъ явленіемъ, а общечеловѣческимъ. Мѣщанство въ самой жизни, не только въ формахъ, но и въ содержаніи ея,—вотъ основная идея, основное настроеніе Чехова перваго періода его творчества.

Жизнь такъ плоха, что остается развѣ только съ ума сойти; только пожалуй въ припадкѣ маніи величія можно почувствовать себя веселымъ, счастливымъ и оригинальнымъ, вырвавшимся изъ сѣтей мѣщанства. („Черный монахъ“).

Мѣщанство жизни прямо страшно.

— Я боленъ боязнью жизни, говоритъ герой разсказа „Страхъ“.

— „Мнѣ страшна главнымъ образомъ обыденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться. Я не способенъ различать, что въ моихъ поступкахъ правда и что ложь, и они тревожатъ меня.. я сознаю, что условія жизни и воспитанія заключили меня въ тѣсный кругъ лжи, что вся моя жизнь есть не что иное, какъ ежедневная забота о томъ, что-бы обманывать себя и людей, и не замѣчать этого, и мнѣ страшно отъ мысли, что я до самой смерти не выберусь изъ этой лжи... поступилъ я въ Петербургѣ на службу и испугался, пріѣхалъ сюда, что-бы заняться сельскимъ хозяйствомъ и тоже испугался... Я вижу, что мы мало знаемъ и поэтому каждый день ошибаемся, бываемъ несправедливы, клевещемъ, заѣдаемъ чужой вѣкъ, расходуемъ всѣ свои силы на вздоръ, который намъ не нуженъ и мѣшаетъ намъ жить, и это мнѣ страшно, потому что я не понимаю, для кого и для чего это все нужно. Я, голубчикъ, не понимаю людей и боюсь ихъ. Мнѣ страшно смотрѣть на мужиковъ, я не знаю, для какихъ такихъ высшихъ цѣлей они страдаютъ и для чего живутъ. Если жизнь есть наслажденіе, то они лишніе, не нужные люди; если же цѣль и смыслъ жизни въ нуждѣ и не проходимомъ безнадежномъ невѣжествѣ, то мнѣ непонятно, кому и для чего нужна эта инквизиція“.

Обывательская жизнь отравила своими испареніями нашу кровь („Ивановъ“). Въ ней задушено все яркое, мало-мальски живое и свѣжее. Русскій городъ—городъ лавочниковъ, трак-

тирщиковъ, ханжей, ненужный, безполезный городъ, о которомъ не пожалѣла би ни одна душа, если бы онъ провалился сквозь землю („Моя жизнь“).

Спасенье отъ этого нравственнаго удушья Чеховъ искалъ сначала въ толстовствѣ. Приблизительно отъ 1886 года до 1892 года сказывается въ его произведеніяхъ вліяніе идей Толстого.

Въ разсказѣ „Пари“ эта толстовская нотка звучитъ очень энергично· сѣвшій въ добровольное одиночное заключеніе, юристъ читалъ только одно евангеліе, которое замѣнило ему шестьсотъ томовъ книгъ, прочитанныхъ въ предыдущіе четыре года. И когда исполнилось условленныхъ 15 лѣтъ одиночнаго заключенія, узникъ почувствовалъ отвращеніе къ культурѣ, къ тому милліону, который онъ выигрывалъ, ко всѣмъ благамъ жизни.

— „Я презираю ваши книги, презираю всѣ блага міра и мудрость. Все ничтожно и бренно, призрачно и обманчиво, какъ миражъ. Пусть вы горды, мудры и прекрасны, но смерть сотретъ васъ съ лица земли наравнѣ съ подпольными мышами, а потомство ваше, исторія, безсмертіе вашихъ геніевъ замерзнутъ или сгорятъ вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ. Вы обезумѣли и идете не по той дорогѣ. Ложь принимаете вы за правду и безобразіе за красоту... Я не хочу понимать васъ“.

Въ разсказѣ „Скучная исторія“ Чеховъ разсказываетъ намъ о профессорѣ, вся жизнь котораго, казалось, полна была разумной дѣятельности и удачи. тайный совѣтникъ и кавалеръ, прекрасныя связи, уваженіе учениковъ и молодежи. Ни одной безцѣльной минуты: чтеніе журналовъ, лекціи, диссертаціи. Но зачѣмъ онъ живетъ, и какой смыслъ вжизни онъ не знаетъ И когда измученная жизнью и неудачами близкая ему дѣвушка Катя бросается вся въ слезахъ съ просьбой помочь, какъ жить, что дѣлать,—смущенный и захваченный врасплохъ профессоръ не знаетъ, что сказать и сконфуженно бормочетъ·

— Ничего я не могу сказать тебѣ, Катя!.. Давай завтракать... будетъ плакать.

Тѣ же толстовскіе мотивы можно указать и въ другихъ разсказахъ Чехова: „Княгиня“, „Припадокъ“, „Страхъ“ и многіе другіе.

На Толстовствѣ Чеховъ не могъ остановиться. Приплыла бодрая волна общественнаго прилива, реакція шла на убыль. Начало девятидесятыхъ годовъ характеризуется общимъ подъемомъ темпа жизни. Выросла промышленность, возникло рабочее движеніе, ужасный голодъ пробудилъ интеллигенцію и правительство отъ позорной спячки. Засвѣтились надежды на лучшее будущее и влили въ жизнь бодрость радостныхъ предчувствій.

Ожилъ и Чеховъ. Онъ самъ признался, что толстовская философія властвовала надъ нимъ шесть-семь лѣтъ. Это былъ своего рода гипнотизмъ. Теперь онъ освобождается

отъ этого настроенія и протестуетъ противъ толстовства въ рядѣ своихъ новыхъ произведеній. Въ разсказѣ „Печенѣгъ“ онъ иронизуетъ надъ совершенствомъ толстовца, который „наѣлся огурцовъ и хлѣба и думаетъ, что отъ этого сталъ совершеннѣе“ Въ „Палатѣ № 6“ онъ высмѣиваетъ теорію Рагина, который терпитъ всякія упущенья и злоупотребленья въ больницѣ, потому что счастье человѣка не зависитъ отъ внѣшнихъ благъ, а отъ внутренняго совершенства и довольства собой. Между теплымъ и уютнымъ кабинетомъ и этой палатой—нѣтъ никакой разницы: покой и довольство человѣка не внѣ его, а въ немъ самомъ... Обыкновенный человѣкъ ждетъ хорошаго или дурного извнѣ, то есть отъ коляски и кабинета, а мыслящій—отъ самого себя... Нужно стремиться къ уразумѣнію жизни, а въ немъ—истинное благо“.

Но эта точка зрѣнія уже ненавистна Чехову. Онъ упрятываетъ самого доктора Рагина въ сумасшедшій домъ, чтобы тамъ онъ могъ убѣдиться, какіе плоды на дѣлѣ приноситъ его философія нравственнаго самоусовершенствованія. Она рисуется ему въ формѣ обычнаго для русскаго лежебока и бездѣльничества оправданія своей бездѣятельности и своего общественнаго индиферентизма. Она глубоко возмущаетъ Чехова Еще въ разсказѣ „Крыжовникъ“ Чеховъ возмущается тѣми, кто хочетъ загородиться отъ жизни и ея требованій узкою стѣною личнаго благополучія. „Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь эти три аршина нужны трупу, а не человѣку. И говорятъ также теперь, что если наша интеллигенція имѣетъ тяготѣніе къ землѣ, то это хорошо. Но вѣдь эти усадьбы—тѣ же три аршина земли. Уходить изъ города отъ борьбы, отъ житейскаго шума, уходить и прятаться у себя въ усадьбѣ — это не жизнь, это эгоизмъ, лѣнь, это своего рода монашество, безъ подвига. Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего духа“.

Нужно бороться со зломъ, нужно работать надъ будущимъ. Чеховъ вполнѣ на сторонѣ Громова, который говоритъ доктору Рагину: „На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ. По моему это, собственно, и называется жизнью“. Жить нужно для лучшихъ временъ, которыя несомнѣнно настанутъ.

„Настанутъ лучшія времена,—восклицаетъ Громовъ:— возсіяетъ заря новой жизни, восторжествуетъ правда и на нашей улицѣ будетъ праздникъ! Я не дождусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Привѣтствую ихъ отъ всей души и радуюсь, радуюсь за нихъ! Впередъ! Помогай вамъ Богъ, друзья!..“

Жить, это значитъ бороться за лучшее будущее, это значитъ наслаждаться, любить, ставить себѣ широкія задачи и смѣло итти по пути ихъ осуществленія.

Таковъ новый лозунгъ Чехова. Онъ уже не можетъ переваривать трепетной, робкой жизни; онъ хочетъ яркихъ словъ, сильныхъ порывовъ, энергіи и воли.

Въ разсказѣ „О любви“ онъ передаетъ глупую и унылую исторію Алехина и жены члена суда Лугановича, которые любили другъ друга и не смѣли отдаться потребности счастья; и вотъ наступила разлука и только тогда Алехинъ понялъ, что все потеряно, и все было глупо и безсмысленно устроено вопреки живой правдѣ чувства.

„Какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ нужно исходить отъ высшаго отъ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе“.

Не нужно успокаиваться, не нужно усыплять себя. Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро. „Начало Руси въ 862 году, а начало культурной жизни на Руси, я такъ понимаю, еще не было“.

Нужно создавать эту культурную жизнь и сразу-же строить ее на широкихъ основаніяхъ. Исходя изъ этого положенія Чеховъ высказывается противъ, „малыхъ дѣлъ“ и тѣснаго строительства культурныхъ дѣятелей. Въ разсказѣ „Хорошіе люди“ мы находимъ энергичный протестъ противъ знаменитой формулы: „наше время не время широкихъ задачъ“.

„Видишь, Володя, говоритъ Вѣра Семеновна своему брату, если бы всѣ вы, мыслящіе люди, посвятили себя рѣшенію большихъ задачъ, то всѣ эти твои вопросики, надъ которыми ты теперь бьешься, рѣшились бы сами собою, побочнымъ путемъ. Если ты поднимешься на шарѣ, чтобы увидѣть городъ, то поневолѣ, само собою, увидишь и поле, и деревни, и рѣки... Мнѣ кажется, что современная мысль стоитъ на одномъ мѣстѣ и прилипла къ этому мѣсту. Она предубѣждена, вяла, робка, боится взобраться на высокую гору, боится широкаго гигантскаго полета, она консервативна“.

Въ „Домѣ съ мезониномъ“ художникъ горячо и красиво возстаетъ противъ малыхъ дѣлъ.

„Народъ опутанъ великой цѣпью, а вы не рубите этой цѣпи, а лишь прибавляете новыя звенья. Всѣ эти медицинскія школы, аптечки, библіотечки при существующихъ условіяхъ служатъ только порабощенію... за всѣ ваши мушки и книжки они должны платить земству и, значитъ, еще сильнѣе гнуть спину... Вы создаете только новыя потребности, новый поводъ къ труду... Грамотность, когда человѣкъ имѣетъ возможность читать только вывѣски на кабакахъ, да изрѣдка книжки, которыхъ онъ не понимаетъ,—такая грамотность держится у насъ со временъ Рюрика; гоголевскій Петрушка давно уже читаетъ, между тѣмъ деревня, какая была при Рюрикѣ, такая и осталась до сихъ поръ. Не грамотность

нужна, а свобода для широкаго проявленія духовныхъ способностей. Нужны не школы, а университеты

Чеховъ идетъ и дальше въ своихъ обобщеніяхъ. Онъ стоитъ за полное освобожденіе труда. Для этого необходимо только правильно организовать и распредѣлить трудъ.

„Возьмите на себя долю ихъ труда. Если бы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ безъ исключенія, согласились подѣлить между собою трудъ, который затрачивается вообще человѣчествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждаго изъ насъ пришлось бы, быть можетъ, не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день

Представьте, что всѣ мы, богатые и бѣдные, работаемъ только три часа въ день, а остальное время у насъ свободно... Всѣ мы сообща отдаемъ этотъ досугъ наукамъ и искусствамъ. Какъ иногда мужики міромъ починяютъ дорогу, такъ и всѣ мы сообща міромъ искали бы правды и смысла жизни и—я увѣренъ въ этомъ,—правда была бы открыта очень скоро, человѣкъ избавился бы отъ этого постояннаго, мучительнаго, угнетающаго страха смерти и даже отъ самой смерти“.

Соціальныя воззрѣнія Чехова поднимаются здѣсь на высоту тѣхъ трудовыхъ теорій, въ которыхъ современный человѣкъ только и можетъ видѣть загорающуюся зарю освобождающагося человѣчества.

„Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда, нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли бы время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявлять свои душевныя способности!“

И такое освобожденіе настанетъ. Оно прійдетъ можетъ быть черезъ двѣсти, триста лѣтъ, но оно прійдетъ.

„Человѣчество идетъ впередъ, говоритъ Трофимовъ въ „Вишневомъ садѣ“, совершенствуя свои силы. Все, что для него недосягаемо теперь, когда нибудь станетъ близкимъ, понятнымъ, только вотъ надо работать, помогать всѣми силами тѣмъ, кто ищетъ истину. У насъ въ Россіи работаютъ пока очень немногіе. Громадное большинство той интеллигенціи, которую я знаю, ничего не ищетъ, ничего не дѣлаетъ и къ труду пока неспособно. Называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ „ты“, съ мужиками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезнаго не читаютъ, ровно ничего не дѣлаютъ, о наукахъ только говорятъ, въ искусствѣ понимаютъ мало..“

Нужно учиться, учиться и работать,—работать, работать безъ конца—таковъ припѣвъ всѣхъ чеховскихъ героевъ девятидесятыхъ годовъ.

Чеховъ предвидитъ уже надвигающуюся грозу и ждетъ, что она сдуетъ съ насъ лѣнь, нечистоту, грязь и бездѣльничество. И онъ радостно привѣтствуетъ симптомы новаго въ русской жизни. Чеховъ никогда не былъ равнодушенъ къ

общественной дѣятельности. Къ ней онъ постоянно возвращался и въ бесѣдахъ со своими друзьями.

Онъ за всѣмъ слѣдилъ пристально и вдумчиво. Онъ волновался, мучился и болѣлъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ болѣли лучшіе русскіе люди Надо было видѣть, какъ въ извѣстныя черныя времена, когда при немъ говорили о нелѣпыхъ, темныхъ и злыхъ явленіяхъ нашей общественной жизни—надо видѣть, какъ сурово и печально сдвигались его густыя брови, какимъ страдальческимъ дѣлалось его лицо, и какая глубокая, высшая скорбь свѣтилась въ его прекрасныхъ глазахъ. (Купринъ)

Гдѣ онъ могъ, онъ реагировалъ лично на учиненное беззаконіе. Всѣмъ памятенъ отказъ его отъ званія почетнаго академика послѣ извѣстнаго инцидента съ отобраніемъ этого званія отъ Горькаго за его, яко бы, неблагонадежность.

Чеховъ одинъ изъ первыхъ предчувствовалъ конституцію. Неисправимый въ общихъ ходячихъ представленіяхъ, пессимистъ, онъ часто даже совсѣмъ не въ тактъ разговору произносилъ вдругъ своимъ увѣреннымъ тономъ.

— Послушайте, а знаете что? Вѣдь въ Россіи черезъ десять лѣтъ будетъ конституція.

И возвращаясь къ болѣе широкимъ перспективамъ, онъ говорилъ Куприну.

— Знаете-ли, черезъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ.

— Какъ хороша будетъ жизнь черезъ триста лѣтъ!

Но думая всегда о будущемъ, онъ отлично понималъ и то, что нужно на землѣ сейчасъ, не медля ни минуты. Тутъ передъ нами былъ не фантазеръ, а человѣкъ, прекрасно понимавшій нужды дня.

Особенно часто и много говорилъ онъ о нуждахъ сельской интеллигенціи и учителей.

Онъ мечталъ устроить имъ прекрасную санаторію для отдыха. Мечталъ о хорошемъ и свободномъ учителѣ для деревни.

„Учитель долженъ быть артистъ, художникъ, горячо влюбленный въ свое дѣло, а у насъ это чернорабочій, плохо образованный человѣкъ. Онъ голоденъ, забитъ, запуганъ.. Нужно, что бы онъ былъ первымъ человѣкомъ въ деревнѣ, чтобы мужики признавали въ немъ силу, достойную вниманія и уваженія, чтобы никто не смѣлъ орать на него... унижать его личность, какъ у насъ это дѣлаютъ всѣ: урядникъ, богатый лавочникъ, попъ, становой, попечитель школы, старшина.... и тотъ чиновникъ, который носитъ званіе инспектора школъ, но заботится не о лучшей постановки образованія, а только о тщательномъ исполненіи циркуляровъ округа .. Нашъ учитель восемь девять мѣсяцевъ въ году живетъ какъ отшельникъ, ему не съ кѣмъ сказать слова, онъ тупѣетъ въ одиночествѣ, безъ книгъ и развлеченій... а созоветъ онъ къ себѣ товарищей—его обвинятъ въ неблаго-

надежности... глупое слово, которымъ хитрые люди пугаютъ дураковъ!..

Трудно представить себѣ—по воспоминаніямъ друзей Чехова—болѣе симпатичнаго, умнаго и дѣльнаго человѣка. Это былъ джентельменъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ значеніи слова. Тонкая, мягкая, чуткая художественная натура. Человѣкъ весь слившійся съ созданными имъ образами. Есть что то общее у Чехова съ Тургеневымъ: то же изящество мягкой меланхоліи, тотъ же трагизмъ жизни.

Весна возвращается каждый годъ, а счастье никогда.

Невозвратимость прошлаго и ужасъ одиночества—вотъ тѣ двѣ неумолимыя вещи, которыя дѣлаютъ Чехова не только поэтомъ русскаго быта, но и поэтомъ-философомъ изъ плеяды великихъ пессимистовъ міра

Чеховъ ненавидѣлъ пошлость жизни вообще, и эта пошлость отомстила ему, помѣстивъ останки великаго писателя въ вагонъ для устрицъ.

Но среди устрицъ оставался хладный трупъ. Душа художника слилась съ скорбями человѣчества и живетъ въ немъ

Чеховъ былъ поэтъ сумеречнаго времени, но въ міръ пришелъ онъ, что бы пѣть солнце.

ГЛАВА II.

Чеховъ, какъ драматургъ.

Чеховъ всю жизнь скорбѣлъ о томъ, что ему не удалось создать ни одного крупнаго романа, подобно Тургеневу и другимъ корифеямъ русской литературы.

Если взять, однако, всѣ разсказы Чехова и сдѣлать надъ ними общій заголовокъ „Русская Жизнь“,—то мы получимъ, несомнѣнно, прекраснѣйшій романъ и при томъ въ той именно формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ новымъ условіямъ творчества.

Когда писалъ Тургеневъ, были еще возможны пластическіе образы Рудина, Базарова, Елены, Маріанны,—въ наши дни жизнь распылилась, измельчала, люди посѣрѣли, обезцвѣтились и потому и существованіе ихъ сводится къ мелочи, къ эпизоду, анекдоту, легко передаваемому въ двухъ трехъ страницахъ печатнаго текста.

Сложите эти анекдоты въ одинъ томъ подъ общимъ заглавіемъ и мы получимъ романъ сѣрой будничной жизни современнаго русскаго общества.

Сожалѣнія Чехова совершенно неосновательны. Его разсказики займутъ мѣсто рядомъ съ романами Тургенева, Гончарова и Достоевскаго.

Но если уже говорить о крупномъ вкладѣ въ художественное творчество, въ его обычныхъ формахъ, то нужно отмѣтить громадныя заслуги Чехова въ области преобразованія драмы.

Здѣсь Чеховъ явился громаднымъ геніальнымъ преобразователемъ сцены. Онъ создалъ драму, которой отвергъ всѣ теоріи драматическаго искусства, онъ вернулъ театру его прежнее значеніе, объединивъ зрительный залъ и сцену единствомъ настроеній. Онъ понялъ, въ какихъ формахъ должно проявляться *трагическое* на современной сценѣ и въ чемъ его истинная сущность. Онъ доказалъ, что для искусства нѣтъ обязательныхъ формъ, и что старыя эстетическія теоріи не всегда совмѣстимы съ новыми художественными запросами и новыми эстетическими цѣнностями, созданными вѣяніями жизни.

То, что онъ создалъ въ области драмы, геніально, такъ какъ является крупнымъ вкладомъ и въ сущность и въ форму сценическаго искусства.

Чтобы понять значеніе преобразованій Чехова, которыя ставятъ его имя въ почетномъ спискѣ міровыхъ драматурговъ, на ряду съ именами Софокла, Шекспира, Метерлинка,—необходимо предпослать нѣсколько историческихъ и теоретическихъ соображеній о сущности трагизма и формахъ его проявленія въ драмѣ.

Идея трагизма существованія присуща человѣчеству во всѣ времена его жизни, но основанія этого трагизма, его внутреннее содержаніе въ разныя эпохи не одинаково. То общее, что мы замѣчаемъ въ трагедіи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ—это чувство. вызываемое зрѣлищемъ неизбѣжной гибели. Когда этой гибели обречены честные, благородные люди, когда въ ней проявляется неумолимая сила зла, смерти, несправедливости, въ зрителѣ возникаетъ горькое сознаніе своего несовершенства, слабости, безсилія, раздвоенности, и неизбѣжности конца. Въ основѣ трагическаго настроенія лежитъ пессимизмъ, въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ. Гибель далеко не всегда оправдывается соображеніями высшаго порядка, нравственной необходимостью. Поклонники пасторской теоріи поэтической справедливости едва-ли могутъ оправдать свои взгляды въ цѣломъ рядѣ примѣровъ незаслуженной трагической гибели. На каждомъ шагу обнаруживается міропорядокъ, неблагопріятный для могучей личности, на каждомъ шагу мы видимъ несоразмѣрность вины и наказанія. Безсмыслица царитъ въ жизни, зло и тьма уничтожаютъ свѣтъ правды. Страданія Отелло и Дездемоны потрясаютъ насъ глубиною своей несправедливости. Также жестока судьба и жизнь къ Ромео и Жульетѣ, вся вина которыхъ за-

ключается въ бракѣ безъ позволенія родителей [1]), Несчастія, свалившіяся на голову царя Эдипа поражаютъ насъ своей неожиданностью, несоразмѣрностью. Вѣдь вся вина Эдипа въ томъ, что онъ мудръ, что онъ разрѣшилъ знаменитую загадку Сфинкса. *Но ужъ самая мудрость*, по выраженію Ницше, преступленіе противъ природы и боговъ. Высшія силы карають и Эдипа и Прометея за „бунтъ“ противъ природы во имя свѣта разума. Человѣкъ—жалкое ничтожное существо. Онъ долженъ смириться и не дерзать своимъ ничтожнымъ умомъ раскрыть и примирить внутреннія противорѣчія, обнаружившіяся въ міросозданіи. Свѣтъ и тьма, добро и зло въ вѣчной борьбѣ. Въ первобытныхъ религіяхъ зло считается даже болѣе могучимъ началомъ чѣмъ добро, и его божествамъ поклоняются. Въ религіи персовъ—вѣчная борьба, полная трагизма.—Ормузда и Аримана, но персъ вѣрилъ, что чистое и свѣтлое начало добра побѣдитъ. Стоицизмъ и христіанство временно подорвали трагическое настроеніе, вѣрой въ окончательное торжество и могущество бога любви и свѣта и во второе пришествіе. Эта вѣра въ торжество нравственнаго начала заставляла и критиковъ стать на точку зрѣнія моралистовъ въ оцѣнкѣ причинъ трагической гибели героя. Трагическая вина погибнувшаго героя, морализировали они, въ нарушеніи требованій нравственнаго порядка. Макбетъ—преступникъ и гибнетъ, какъ жертва собственныхъ злодѣяній. „Когтистый звѣрь“—совѣсть, терзаетъ душу преступника и ведетъ его къ трагической гибели, которая тѣмъ значительнѣе и величественнѣе потрясаетъ насъ, чѣмъ сильнѣе и мощнѣе натура преступника.

Если эта точка зрѣнія была умѣстна въ устахъ англійскихъ моралистовъ, которые, подобно Шафтсбери, пытались замѣнить страхъ загробнаго наказанія, плохо поддерживаемый падавшимъ авторитетомъ оффиціальной религіи, теоріей гармонически и эстетически развитой личности, то достаточно было пройти еще одному столѣтію, что-бы на смѣну деизму, а за нимъ матеріализму съ его оптимистической вѣрой въ могущество науки вновь пришелъ исконный міровой пессимизмъ въ произведеніяхъ представителей нѣмецкой философской мысли. Этотъ пессимизмъ возвратилъ насъ къ трагическимъ настроеніямъ греческихъ классиковъ. Недаромъ Шопенгауеръ выбралъ эпиграфомъ для одного изъ своихъ произведеній слова хора изъ трагедіи Софокла „Эдипъ въ Колонѣ“.

„Величайшее первое благо—совсѣмъ
Не рождаться, второе—родившись
Умереть поскорѣе, а едва прилетитъ
Неразумная легкая юность—

---

[1]) Объ этомъ чит Th Lips, Der Streit uber die Tragödie, l. Uolkelt' Aestetik des Tragichen Л. А Саккети Почему трагическое нравится „Природа и жизнь“. 1903 г.

То ужъ кончено,—мукамъ не будетъ конца.
Зависть, гнѣвъ, возмущенья, убійства.
И предѣлъ всему послѣдній
Одинокая, больная,
Злая немощная старость
Ненавистная, проклятье
Изъ проклятій, мука изъ мукъ".

Среди роскошной природы, цвѣтущихъ рощъ и голубого безоблачнаго неба вылился этотъ страстный стонъ цѣлаго народа, баловня судьбы, предмета общей зависти и мірового преклоненія, который однако не видитъ въ жизни ничего, кромѣ страданія. И этотъ стонъ пронесся черезъ сотни и тысячи лѣтъ и долетѣлъ до насъ, вновь возбудивъ полный скорби вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Нѣсколько лѣтъ назадъ мы были свидѣтелями того сильнаго впечатлѣнія, которое произвели на петербургскую публику эти слова Софокла на первомъ представленіи „Эдипа въ Колонѣ" въ Александринскомъ театрѣ. Въ залѣ стало такъ тихо, какъ будто ангелъ смерти пролетѣлъ надъ публикой. Исчезъ шумъ жизни, стихли страсти и волненія дня и у замершей, затаившей дыханіе публики, этой пестрой свѣтской толпы,—словно одна душа была, скорбная, тоскующая, жалкая и больная. Откуда-то изъ тайниковъ души повѣяло глубокимъ недоумѣніемъ, затаеннымъ, невысказаннымъ, но всѣхъ насъ объединяющимъ въ порывѣ міровой скорби. Стѣна, отдѣляющая публику другъ отъ друга и отъ сцены, вдругъ исчезла; передъ нами была жалкая, сбившаяся въ кучу толпа несчастныхъ людей, окруженныхъ холодомъ и мракомъ жизни, прижимающихся другъ къ другу отъ волненія и скорби съ сердцами, взволнованными великимъ недоумѣніемъ міровой трагедіи. „Трагическій міѳъ возникъ у Грековъ въ ихъ лучшую сильнѣйшую и храбрѣйшую эпоху" (Ф. Ницше). Въ греческой трагедіи отразился пессимизмъ цвѣтущаго, геніальнаго народа въ пору юности и роста его физическихъ и духовныхъ силъ. Греческая трагедія цвѣла въ эпоху торжествующаго расцвѣта народности; несмотря на юношескую жизнерадостность грека, ужасъ жизни наполнялъ его сердце безъисходнымъ страданіемъ.

Однажды царь Мидасъ—такъ разсказываетъ греческій міѳъ,—долгое время преслѣдовалъ въ лѣсу стараго Силена, спутника Діониса; когда онъ попался ему наконецъ въ руки, царь спросилъ, что всего лучше и желательнѣе человѣку? Демонъ упорно молчалъ; наконецъ, вынужденный царемъ, онъ съ пронзительнымъ смѣхомъ разразился слѣдующими словами: жалкій эфемерный родъ, дитя случая и бѣдствій, зачѣмъ принуждаешь ты меня открыть то, что было бы лучше никогда не знать. Самое лучшее недостижимо для тебя: это *не родиться, не существовать,* быть ничѣмъ. Затѣмъ, второе наилучшее для тебя—это скорѣе умереть" [1]). Несмотря на стра-

[1]) Ф. Ницше. О происхожденіи трагедіи. стр. 34. М. 1903.

стную привязанность къ жизни, которая сказывается въ жалобахъ Антигоны, и рѣчахъ тѣни Ахилла, Грекъ искони чувствовалъ ужасъ существованія. Рокъ, царящій надъ людьми и богами, таинственный, неумолимый, безжалостный, повергшій Эдипа въ пучину бѣдствій, принудившій Ореста къ убійству матери, тяготѣвшій несправедливымъ проклятьемъ надъ всѣмъ родомъ Атридовъ, обрекшій на смерть чистое, жизнерадостное существо милую Антигону, этотъ рокъ своей неотвратимостью и полной неожиданностью своихъ велѣній повергалъ грека въ трагическій ужасъ передъ нелѣпостью жизни, въ которой человѣкъ являлся игралищемъ слѣпого случая, жертвой неисчислимыхъ страданій [1]).

И чѣмъ сильнѣе билось молодое чувство, чѣмъ ярче и необузданнѣе проявлялась жажда жизни и потребность въ правдѣ, тѣмъ трогательнѣе были стоны страдальца въ его возвышенныхъ трагедіяхъ:—зрѣлище бѣдствій героя наполняло душу грека спасительнымъ трепетомъ, мыслью о ничтожествѣ земного существованія; но самая картина трагической борьбы отражала и протесты могучаго духа противъ несправедливости мірового порядка. Такъ, въ темной клѣткѣ еще страстнѣе и ярче пѣсня узника соловья о свѣтѣ, свободѣ и любви ..

И такъ,—рокъ и столкновеніе съ его не предусматриваемыми велѣніями людей сильнаго характера—вотъ источникъ трагической скорби для грека. Впрочемъ „сильный характеръ“ выраженіе не вполнѣ точное; я замѣнилъ было эти два слова другими—герой миѳа, разсказа. Потому что „характеръ“ въ нашемъ значеніи этого слова не играетъ еще серьезной роли у грека. Важенъ не характеръ. Каковъ бы онъ ни былъ,—столкновеніе неизбѣжно и гибельно. Вотъ почему правъ геніальный Аристотель, когда говоритъ—„трагедія есть изображеніе не человѣка, но дѣйствія, жизни, счастья и несчастья. Цѣль трагедіи—дѣйствіе, а не качество человѣка. Въ трагедіи дѣйствуютъ не для того, чтобы изображать характеры, но черезъ посредство дѣйствій захватываетъ трагедія и характеры,—а цѣль всего важнѣе. Безъ дѣйствія невозможна трагедія, а *безъ характеровъ* возможна. Начало и, такъ сказать, душа трагедіи есть вымыселъ: второе же за нимъ мѣсто занимаютъ характеры.

Такимъ пониманіемъ смысла трагедіи объяснялся вполнѣ умѣстный въ ней эпическій,—повѣствовательный элементъ.

Вмѣстѣ съ ученіемъ стоиковъ и христіанства исчезли эти трагическія настроенія. На смѣну юношески страстнымъ протестамъ грека явились идеи примиренія съ юдолью скорби, печали и слезъ, во имя загробной жизни, идею рока смѣнила теорія свободной воли Сущность трагическаго настроенія измѣнилась. Когда въ эпоху возрожденія народовъ наступило

---

[1]) „Жизнь еще не есть высшее изъ благъ“ говоритъ Шиллеръ въ „Мессинской невѣстѣ“.

и возрожденіе трагедіи—она получила уже иное содержаніе, иные мотивы, иные источники трагическаго чувства. Новая трагедія перенесла центръ тяжести во внутрь человѣка, обуреваемаго страстями, ведущаго тягостную борьбу между высшими, идеальными и низменными стремленіями. Въ основѣ этой трагедіи—*сильный характеръ*, раздираемый страстями, противорѣчіями, сомнѣніями и неизбѣжно гибнущій. Карьеръ, одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ драмы въ своей книгѣ Dre Poesie, iehr wesen und formen указываетъ цѣлый рядъ мотивовъ трагической гибели; здѣсь и проступки противъ нравственнаго закона съ его искупленіемъ, страданья благороднаго, гибнущаго какъ жертва своей вѣрности долгу, здѣсь и мучительныя противорѣчія между двумя равно высокими, но взаимно исключающими другъ друга принципами и обязанностями (Гамлетъ), здѣсь и конфликтъ между свободно рвущейся впередъ индивидуальностью и косной толпой съ ея преклоненіемъ установившемуся порядку (Поза, Карлъ Мооръ, Штокманъ), здѣсь и трагизмъ гибнущаго мірозерцанія, на безнадежную защиту котораго отдаетъ свои силы энтузіастъ-романтикъ (Юліанъ Отступникъ), здѣсь и жертвы бурнаго порыва страсти.

Во всѣхъ такихъ конфликтахъ неизбѣжно выступаетъ *сильный* характеръ; вся красота новой трагедіи именно въ гибели сильныхъ духомъ и волею незаурядныхъ людей. Вотъ почему теоретики драмы правы, когда отрицали опредѣленіе трагедіи, данное Аристотелемъ, заявляя, что „въ драмѣ не должно быть недостатка ни въ характерахъ, ни въ событіяхъ; въ драмѣ начало всему—внутреннія свойства человѣка, его воля". Характеръ, воля, цѣль и дѣйствіе неизбѣжно необходимы въ трагедіи, возникшей въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ и вновь ярко вспыхнувшей въ эпоху геніальничанія поэтовъ Sturm und Drang періода нѣмецкой и французской литературы. Это и понятно. Всѣ средніе вѣка, вся эпоха рыцарства подготовляла развитіе сильной, здоровой индивидуальности.

Человѣкъ дышалъ полной грудью. Онъ умѣлъ и любить, и ненавидѣть; онъ умѣлъ постоять за правду, отважно жертвовать своею жизнью за честь, за свободу, за отчизну. Каждая эмоція завершала свой естественный кругъ, находила свой нормальный исходъ, не задерживаясь въ сердцѣ человѣка тяжелымъ осадкомъ сдержанныхъ и подавленныхъ желаній. Жизнь была ярка и свѣтла; порывы сердца опредѣленны. Нормальная связь между словомъ и дѣломъ, чувствомъ и его проявленіемъ не была еще нарушена; человѣческая природа не была связана цѣпями условности и мѣщанства; человѣкъ могъ дышать полной грудью; его организмъ функціонировалъ всѣми нервами и фибрами, всѣмъ своимъ многосложнымъ существомъ. Только при такихъ условіяхъ и могли создаваться сильные характеры, цѣльныя натуры, энергично и непосредственно реагирующія на горе и радость, прекрасныя во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, во всѣхъ своихъ порывахъ къ

добру и злу. Любилъ человѣкъ и, не разсуждая, лѣзъ въ окно къ своей Жульетѣ, ненавидѣлъ кого и ужъ въ рукахъ его блестѣло остріе шпаги. Реакція слѣдовала непосредственно за воспріятіемъ, и оттого на душѣ не оставалась тяжелаго осадка неудовлетворенности. Душа была всегда свѣтла, воля ненадломлена. Насъ поражаетъ мощь такихъ кованныхъ изъ стали и гранита „героевъ", какъ Отелло, Ричардъ III, Макбетъ; плѣняетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изумляетъ сила любви Ромео и Юли; мы ужъ не таковы...

Тиски жизни, культуры, стерли яркія и выпуклыя черты характера. Режимъ—казарменно бюрократическій и торгово-промышленный,—все сгладилъ, обшлифовалъ, дисциплинировалъ. Яркимъ проявленіямъ человѣческой личности теперь нѣтъ мѣста. Буря, клокочущая въ груди, должна быть подавлена, должна умереть внутри человѣка, разрушая его самого.— Отсюда слабоволіе, угнетенность духа, болѣзненность и нервность „нашего" вѣка. Всѣ стали въ одну шеренгу, посѣрѣли, выдохлись, внѣшне облагообразились, приняли одну униформу, подъ которой незамѣтно ни характера, ни темперамента. Дряблое поколѣніе „къ добру и злу позорно равнодушныхъ" явилось на смѣну рыцарственнымъ характерамъ. Современный Отелло, какъ и Шейлокъ умѣло затаятъ свое чувство подъ маской вѣжливой пріятной улыбки, и эта маска такъ въѣдается въ современнаго человѣка, такъ сживается съ нимъ, что постепенно становится самой его сущностью, стирая въ порошокъ черты индивидуальности. Измельчалъ человѣкъ, внутренно обезсилѣлъ и обезволился, занялъ свою скромную клѣточку въ „мастерской" жизни и только по временамъ тоскуетъ объ иной, радостной цѣлостной жизни, о солнцѣ и свѣтѣ, которые рѣдко заглядываютъ въ его тусклое закоптѣлое окно. Въ послѣднюю четверть XIX вѣка намѣтился протестъ этого господства сѣрости,—во имя правъ свободной цѣлостной личности. Въ политикѣ этотъ протестъ противъ засасывающаго личность общественнаго „порядка" выразился въ анархизмѣ; въ философіи заговорилъ о „сверхъ-человѣкѣ" и „жизнерадостности" Ницше, въ драмѣ на встрѣчу тому же освобожденію личности идетъ Ибсенъ, борясь съ „призраками" поработившими человѣка, убившими въ немъ живую душу. Всѣ эти протесты, конечно, важны, полезны, несомнѣнно поднимая значеніе человѣческой личности „священнѣйшее изъ званій"—человѣка, какъ говорили въ старину. Но отдѣльные протесты геніальныхъ писателей, какъ первое дуновеніе вѣтра, предвѣщающаго грозу,—еще не самая гроза, которая неизвѣстно когда еще прійдетъ и какъ очиститъ воздухъ. Жизнь течетъ все еще по тому же узкому руслу, созданному условіями труда и политическаго строя; въ массѣ все таже сѣрость, таже безличность дряблыхъ характеровъ, истертыхъ колесомъ жизни, приниженныхъ, изломанныхъ, лишенныхъ всякихъ опредѣленныхъ очертаній и силы. Современный человѣкъ увялъ, не расцвѣтая. Онъ по-

давилъ свои желанья, пережилъ свои мечты и тихо догораетъ, покорный неизбѣжному закону медленнаго увяданія и смерти.

II.

Психологія этого новаго, современнаго намъ человѣка, не могла не отразиться и на театрѣ и дѣйствительно—въ немъ все рѣже можно встрѣтить теперь актера съ яркимъ темпераментомъ и характеромъ. Амплуа трагическаго героя, перваго любовника, вакантно даже на такихъ богатыхъ сценахъ, какъ императорскіе театры. Александринскій и Малый (въ Москвѣ). Сильно трагическія пьесы идутъ на сценѣ все рѣже и рѣже. Про Шекспира довольно громко говорятъ, что онъ устарѣлъ. Гете и Шиллера тоже совсѣмъ не ставятъ.

Въ послѣдніе годы шли наименѣе яркія Шекспировскія пьесы „Антоній и Клеопатра“, „Буря“, „Юлій Цезарь“. Представленія „Шейлока“ въ Александринскомъ театрѣ не давали полныхъ сборовъ. Только пріѣздъ итальянскихъ трагиковъ, все еще сохранившихъ кипучій темпераментъ, заставляетъ насъ идти въ театръ на Шекспира. Мы смотримъ съ удивленіемъ „Отелло“, восхищаясь тѣмъ, чего у насъ нѣтъ. Всѣ эти сильныя чувства и страсти кажутся намъ чѣмъ то далекимъ, чуждымъ, точно дѣтская сказка. А ужъ современнымъ драматургамъ мы ни за что не простимъ попытки модернизировать эти страсти, перенеся ихъ въ нашъ вѣкъ. Начальникъ отдѣленія Ивановъ казался бы намъ смѣшнымъ въ роли Ромео или Гамлета. Командующій войсками, будь онъ самъ Суворовъ, казался бы нелѣпымъ человѣкомъ, если бы вздумалъ продѣлать сцену ревности во вкусѣ венеціанскаго Мавра.

Герой шекспировской трагедіи умеръ въ нашихъ сердцахъ и не скоро воскреснетъ вновь. Вмѣстѣ съ нимъ умерла и трагедія, съ ея трагизмомъ могучей личности, погибающей въ борьбѣ съ собственными страстями и требованіями долга или велѣніями принципа. Жизнь измѣнилась и театръ долженъ искать для нея новаго героя съ новымъ трагическимъ настроеніемъ.

И этотъ „герой“ найденъ, какъ найденъ и новый трагизмъ, не менѣе прежнихъ двухъ захватывающій насъ картинами неизбѣжной гибели. Его почувствовали художники слова и ищутъ новыхъ формъ для его сценическаго изображенія. У Ибсена есть полная глубокаго смысла сцена—въ концѣ третьяго акта пьесы: „Когда мы мертвые воскресаемъ“. Художникъ Рубекъ говоритъ о воскресеніи изъ мертвыхъ, онъ еще вѣритъ ему. Ирена—не вѣритъ. Рубекъ, пожертвовавшій радостями любви ради искусства былъ уже тогда мертвъ, когда равнодушно стоялъ передъ жаж-

давшей любви Ирены. Эта любовь, увѣряетъ Рубекъ, горитъ и пылаетъ въ немъ и теперь, какъ прежде. Ирена отвѣчаетъ ему, что земная любовь, которой полонъ міръ съ его великими тайнами, загадками, давно умерла для нихъ. Самое желанье жить умерло.

Рубекъ. О, какъ заблуждаешься ты! Жизнь въ насъ и вокругъ насъ кипитъ и брызжетъ черезъ край, какъ прежде!

Ирена. (покачивая головой и печально усмѣхаясь). Вся эта жизнь устлана мертвецами—*сама она лежитъ на смертномъ одрѣ*

И тщетно рвется Рубекъ и Ирена въ послѣднемъ порывѣ къ счастью все выше и выше, къ лучезарному солнцу, на обѣтованную гору къ вѣчно пламенѣющимъ высотамъ, чтобы тамъ испить до дна чашу наслажденій. Умирающая жизнь покроетъ и ихъ своимъ „мокрымъ, отвратительнымъ могильнымъ саваномъ“, о которомъ уже предупреждалъ ихъ Ульфгеймъ, спасавшійся съ Маей въ долинѣ. На ледяныхъ высотахъ индивидуализма Рубекъ и Ирена не найдутъ счастья; грозный горный обвалъ погребетъ ихъ въ своихъ снѣгахъ.

„Сама *жизнь*, лежащая въ саванѣ, на смертномъ одрѣ“— вотъ новый герой современной трагедіи и вмѣстѣ съ тѣмъ ея символъ. Не отдѣльныя лица, не Ивановъ, не Петровъ— вся жизнь, цѣлая группа живыхъ лицъ обречены на гибель, на медленное умираніе; сама жизнь видитъ уже свой могильный саванъ. И иначе не могло быть. Люди убили свои желанія, свою любовь, придавили свою природу требованіями долга, порядка, труда, дисциплины, ложныхъ идей, они сами убили себя, сами надѣли на себя могильный саванъ. Сѣрая, безцвѣтная, безвкусная жизнь, безрадостная и безцѣльная, задыхающаяся въ тискахъ, подъ гнетомъ непреодолимыхъ и часто неуловимыхъ, невидимыхъ и неосязаемыхъ условій духовнаго и матеріальнаго рабства,—вотъ кто обреченъ на трагическій конецъ, вотъ кто задыхается, стонетъ, томится и грезитъ о воскресеніи изъ мертвыхъ, о Москвѣ, о лучшей жизни черезъ двѣсти лѣтъ, о новомъ вишневомъ садѣ... въ то время, когда старый гибнетъ подъ ударами топора, и смерть подтачиваетъ существованіе медленно, но неизбѣжно, какъ болѣзнь, какъ ржа, точащая желѣзо, какъ пыль, засыпающая нѣжные цвѣты...

Понять и найти этого новаго героя трагедіи —великая заслуга художниковъ, дѣло—огромной чуткости.

Умирающая жизнь, какое казалось бы несоединимое сочетаніе, а между тѣмъ оно примѣнимо въ наше время къ цѣлымъ общественнымъ группамъ. Два года назадъ намъ пришлось видѣть въ Берлинѣ „Ткачей“,—четырехсотое представленіе знаменитои драмы Гауптмана. И, глядя на этихъ жалкихъ бѣдняковъ, прикованныхъ къ своему ткацкому станку, обреченныхъ на мучительную полуголодную жизнь въ борьбѣ за черствый кусокъ хлѣба, съ печатью безъисходной сверлящей мысли въ лицѣ, съ вѣчно согнутыми отъ постоян-

наго сидѣнія колѣнями, я думалъ — вотъ люди, трагически обреченные на медленное умираніе. Какая тоска, какой ужасъ—вся ихъ жизнь! Она цѣликомъ уйдетъ на борьбу съ голодомъ, на вѣчныя судороги за существованіе впроголодь, у тусклаго окна тѣсной избы, гдѣ ютятся въ одной кучѣ старики и дѣти, дѣвушки съ блѣдными восковыми лицами и молодые люди. Медленно, но вѣрно тяжелый непосильный трудъ подтачиваетъ здоровье современныхъ рабовъ; скоро исчезнетъ болѣзненный румянецъ, потухнетъ блескъ живыхъ дѣтскихъ глазокъ, ввалится чахоточная грудь, и кончится жизнь безъ радости и счастья, безъ надеждъ, безъ отдыха, безъ грезъ и утѣшеній.

Почти ни откуда просвѣта. Одна надежда на открытое сопротивленіе. И европейски воспитанный умъ не можетъ не указать этого просвѣта. Будущее все же впереди. Его завоюютъ себѣ рабочіе собственными руками. Тысячелѣтняя культура не можетъ упереться въ тупикъ, отказаться отъ соціальнаго творчества и признать свое безсиліе.

Жалкая покорность судьбѣ не поможетъ. Выходъ въ борьбѣ: шальная пуля, усмиряющихъ бунтъ солдатъ, не случайно убиваетъ именно того старика, который остался на жалкой работѣ и отказался идти за одно со всѣми. Трагизмъ положенія ткачей мы должны признать новымъ видомъ трагическаго, который мы позволяемъ себѣ назвать *трагизмомъ умирающей жизни*. Онъ захватываетъ цѣлыя группы людей и для нихъ только въ далекомъ будущемъ мерцаетъ какой-то просвѣтъ, а въ настоящемъ—медленная гибель вопреки справедливости и человѣколюбія.

Интересно отмѣтить любопытный фактъ: глядя на картину страданія и гибели ткачей, совсѣмъ забываешь объ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицахъ, забываешь игру актеровъ, словно страдаетъ, стонетъ, говоритъ, проклинаетъ вся группа лицъ на сценѣ, какъ одно лицо; отдѣльныя дѣйствующія лица сами по себѣ никому не нужны и ничего какъ будто бы не прибавляютъ къ общему впечатлѣнію. Тотъ же трагизмъ умирающей жизни хотя нѣсколько своеобразный, нельзя не видѣть въ драмѣ М. Горькаго „На днѣ“. Его „герои“— протестанты противъ „порядка“, то-же цѣлая группа больныхъ, безвольныхъ людей, озлобленныхъ, страдающихъ и изломанныхъ побѣдной колесницей современной культуры, сурово и безжалостно давящей побѣжденныхъ.

Словно огромная гранитная плита залегла надъ ними: хрустятъ человѣческія кости, течетъ кровь, слышны стоны и проклятія умирающихъ, душу надрывающіе крики неудачниковъ, безнадежно порывающихся къ спасенію, но обреченныхъ на медленную, мучительную, неизбѣжную смерть. И мимо этой плиты поверхъ ея проходятъ люди, довольные, уравновѣшенные, исполненные презрѣнія къ гибнущимъ,— люди „труда и порядка“. Вся пьеса М. Горькаго крикъ возмущенія, призывъ на помощь этимъ несчастнымъ, гибнущимъ

не только отъ своей неприспособленности къ жизни, но и вслѣдствіе черствости общества. Конечно, босяки Горькаго не герои, они не интересны, какъ характеры, страданія ихъ, ихъ позы сами по себѣ не цѣнны. Это бывшіе люди, лишніе люди; они не строители жизни, они безсознательные анархисты, роль которыхъ вполнѣ отрицательная,—вѣчно служить укоромъ обществу; они изнанка жизни, непоказная сторона наружно блещущей культуры. Но они все же люди, они страдаютъ, въ нихъ еще не угасъ человѣкъ и жутко и тяжело становится отъ безучастія къ ихъ судьбѣ, послѣдствіемъ котораго должна быть неизбѣжная гибель. Въ этой неизбѣжности гибели, на которую обречена цѣлая группа людей, глубокій трагизмъ пьесы.

Общество было съ ними жестоко, оно выкинуло ихъ „за бортъ", на дно, въ помойную яму, и забыло о нихъ. И вотъ они копошатся тамъ, задыхаясь отъ вони, грязи и мечтаютъ о цѣляхъ жизни, о лучшей жизни, о гордомъ человѣкѣ, заживо разлагаясь и физически и нравственно. Передъ ними, какъ передъ прокаженными Андреева, выросла стѣна, навсегда отдѣляющая ихъ отъ остального общества, и тщетно обогряютъ они эту стѣну своей и чужой кровью въ поискахъ лучшаго, въ поискахъ правды... Какъ Бѣдный Генрихъ у Гауптмана эти „прокаженные" не утеряли жажды жизни; они резонерствуютъ, мечтаютъ, богохульствуютъ, но наивная и вѣчно чистая Оттегеба, символъ любви и самопожертвованія не раскроетъ имъ своихъ объятій и не спасетъ отъ гибели.

Но въ „Днѣ" Горькаго трагическое чувство, вызываемое зрѣлищемъ гибнущихъ людей, ослабляется мыслью, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отбросами общества. Какъ бы ни было сильно въ насъ чувство жалости и состраданія, lumpenproletariat, все-же не можетъ пользоваться нашими симпатіями. Его гибель тяжела, пожалуй, ужасна, но понятна и почти неизбѣжна. Совсѣмъ иное чувство является у насъ, когда мы видимъ, какъ гибнутъ хорошіе люди, цѣлыя группы хорошихъ людей, которымъ только бы жить да радоваться, между тѣмъ какъ злая судьба обрекла и ихъ на неизбѣжную гибель. Зрѣлище такой гибели наполняетъ насъ истинно трагическимъ чувствомъ.

А. П. Чеховъ именно и далъ намъ картины такой гибели въ своей истинно *новой драмѣ*, рисующей *групповой трагизмъ*, трагизмъ медленнаго умиранія—тамъ, гдѣ жизнь должна была и могла бы цвѣсти. Чеховъ изображаетъ нашу бѣдную русскую провинцію,—хорошихъ, добрыхъ, честныхъ русскихъ людей, обреченныхъ на сѣрое существованіе, тоску и смерть. И картины этой жизни потрясаютъ насъ ужасомъ безпросвѣтности и безысходности. Уже въ „Ивановѣ" выступаетъ передъ нами эта сѣрая жизнь въ ея основныхъ чертахъ. Людей нѣтъ, солидарности нѣтъ, общихъ интересовъ нѣтъ. „Живешь, какъ въ Австраліи", говоритъ Косыхъ. Общее неустройство, бѣдность, отсутствіе живыхъ и добрыхъ людей, свѣта, матеріальныхъ средствъ, дѣлаютъ борьбу со зломъ совершенно невоз-

можной для немногихъ честныхъ борцовъ. Типичнымъ русскимъ неудачникомъ является Ивановъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что надорвался отъ непосильныхъ задачъ, еще въ молодости. „Въ двадцать лѣтъ мы всѣ герои, за все беремся, все можемъ, къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся". Еще такъ недавно онъ любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ, работалъ и надѣялся за десятерыхъ, бился лбомъ объ стѣны, не соразмѣривъ силъ, не зная жизни, былъ бодръ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло, зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ, вѣровалъ въ будущее, какъ въ „глаза родной матери".

И вотъ прошло какихъ нибудь 10—15 лѣтъ, утомленный ни во что не вѣрящій, въ бездѣльѣ проводитъ онъ свои дни, всюду внося скуку, не умѣя отдаться ни яркому сильному чувству, ни работѣ, ни вдохновенію. Да что же случилось съ этимъ хорошимъ человѣкомъ. Раньше времени надорвался—дѣла всюду много, а людей совсѣмъ нѣтъ. У насъ есть чисто русское слово и чисто русское выраженіе, которыми, какъ они ни избиты, какъ ни опошлены, выражается глубочайшая сущность всей русской жизни „среда заѣла"[1]). Тупая, лѣнивая, бездѣятельная среда людей, потерявшихъ вѣру въ лучшее, лѣниво доживающихъ свой вѣкъ среди тьмы, грязи, нравственной нечистоплотности, среди невылазной безысходной тины русскаго болота, на которомъ кое-какъ держится лишь тотъ, кто лежитъ недвижно, а всякое сильное движеніе, всякій рѣзкій энергическій порывъ только ускоряютъ процессъ опусканія на дно. Страна безъ культурныхъ устоевъ, безъ свѣта, безъ дисциплины труда и знанія, безъ привычки къ самодѣятельности, подъ вѣчной опекой, съ вѣчными голодовками, съ населеніемъ явно вырождающимся отъ дурныхъ болѣзней, отъ жизни впроголодь, отъ полнаго невѣжества,—такая страна не даетъ мѣста яркой жизни, энергіи. Она и сильныхъ людей засасываетъ въ свою сѣрую тину, обрекая талантъ, добрую волю, благородныя сердца на безрадостное существованіе.

Оттого и трудъ не веселитъ, оттого эта вѣчная усталость русскихъ людей. Учитель, врачъ, телеграфистъ, помѣщикъ не знаютъ другихъ словъ, какъ „усталъ", „съ ногъ сбился", „мочи нѣтъ", „замучился". Если послушать здѣшняго интеллигента, штатскаго или военнаго, то съ женой онъ замучился, съ домомъ замучился, съ лошадьми замучился (говоритъ Вершининъ въ „Трехъ сестрахъ"). Между тѣмъ нѣмецъ, французъ послѣ 10 часоваго дневнаго труда весело вылетаетъ на велосипедѣ съ фабрики, изъ конторы, чтобы провести часы досуга въ бодрящемъ беззаботномъ весельѣ, или чтобы отдаться потоку общественныхъ и иныхъ интересовъ. Но въ „Ивановѣ" передъ нами еще старая индивидуальная драма. Ива-

[1]) Мы затруднились бы передать это выраженіе на иностранныхъ языкахъ. Кажется, ни у одного народа не существуетъ подобнаго выраженія.

новъ, хотя и неврастеникъ, но все-же герой. Это не заурядная личность. Когда-то онъ боролся, какъ богатырь, и теперь, среди ничтожныхъ людишекъ провинціи, онъ гордо поднимаетъ свою голову, какъ дубъ, хотя и надломленный бурями, но все еще могучій и величавый

У Иванова не совсѣмъ еще угасла энергія; у него хватаетъ воли кончить свое существованіе, энергично и сразу. Самоубійство Иванова—предпослѣдній трагическій выстрѣлъ въ пьесахъ Чехова. Уже въ „Дядѣ Ванѣ“ онъ имѣетъ комическій характеръ

Въ связи съ героическимъ тономъ Иванова и структура пьесы старая. Только кое-гдѣ прозвучали новые мотивы драмы настроенія.

Ивановъ—жертва среды, выше которой онъ во всѣхъ отношеніяхъ. Его не способны понять не только ничтожные люди дворянской среды. Его не умѣютъ оцѣнить и радикальные элементы общества со своей прямолинейной, деревянной честностью и полнымъ отсутствіемъ психологіи.

Докторъ Львовъ воплощеніе такой тупой честности, отъ которой его такъ и распираетъ

Когда онъ съ тупымъ сознаніемъ исполненнаго гражданскаго долга громогласно возвѣщаетъ:

— Г. Ивановъ, объявляю во всеуслышаніе, что вы подлецъ! Вы чувствуете, что этотъ безжалостный и глупый судья захлопываетъ надъ Ивановымъ крышку гроба.

Это первая и послѣдняя драма Чехова, написанная въ старыхъ тонахъ. Неудивительно, что это была первая и послѣдняя пьеса, которую поняли и съумѣли сыграть артисты Александринской сцены и единственная пьеса, которую не съумѣли сыграть артисты московскаго художественнаго кружка. Уже въ „Чайкѣ“ Чеховъ выражаетъ полную неудовлетворенность старыми формами драмы.

Ложный пафосъ игры и настроенія старыхъ пьесъ коробилъ чуткую душу Чехова. Онъ говорилъ Куприну: „драма должна выродиться совсѣмъ, или принять совсѣмъ новыя, невиданныя формы. Мы себѣ и представить не можемъ, чѣмъ будетъ театръ черезъ сто лѣтъ“.

„Современный театръ, говоритъ Треплевъ въ „Чайкѣ“—это рутина, предразсудокъ Когда поднимается занавѣсъ и при вечернемъ освѣщеніи въ комнатѣ съ тремя стѣнами эти великіе таланты, жрецы святого искусства изображаютъ, какъ люди ѣдятъ, пьютъ, любятъ, ходятъ, носятъ свои пиджаки; когда изъ пошлыхъ картинъ и фразъ стараются выудить мораль,—мораль маленькую, удобопонятную, полезную въ домашнемъ обиходѣ, когда въ тысячѣ варіацій мнѣ подносятъ все одно и то же, все одно и то же, одно и то же, то я бѣгу, какъ Мопасанъ бѣжалъ отъ Эйфелевой башни, которая давила ему мозгъ своей пошлостью“.

И нѣсколько ниже повторяетъ: „нужны новыя формы. Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то ничего не нужно“.

Въ монологѣ Нины мы находимъ уже и намеки, хотя и неясные, на коллективную душу и коллективное страданіе. „Общая міровая душа—это я... ты... Во мнѣ душа Александра Великаго и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона и послѣдней пьявки...“

Въ „Дядѣ Ванѣ“ символизирована уже вся провинція, возложившая всѣ свои упованія на профессора Серебрякова, который оказался ученой воблой и ничтожествомъ и только жирѣлъ на счетъ провинціи, самодовольно убѣжденный, что онъ духовный вождь ея, краса и упованіе, единственное основаніе лучшаго будущаго. Ни дядя Ваня, ни Астровъ, ни Соня уже не герои, а простые заурядные люди.

Въ „Дядѣ Ванѣ“—та-же картина унылаго однообразія сѣренькихъ будней, неозаренныхъ серьезной общественной и умственной работой, та-жа засасывающая тина, тѣ-же люди, милые, добрые, но не умѣющіе устроить свое счастье и способные только мечтать о немъ. Еще болѣе широкое полотно развернуто передъ нами въ мастерской картинѣ провинціальнаго города, гдѣ живутъ „Три сестры“. Здѣсь проникновеніе художника въ самую „гущу“ русской жизни, въ ея глубочайшій трагическій смыслъ достигаетъ необыкновенной выразительности, можно сказать геніальнаго прозрѣнія. Передъ нами почти вся провинціальная Русь, со всѣми ея прекрасными порывами, красивой полной элегіи природой, страстной юношеской жаждой жизни, новаго счастья, возрожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ общей безтолочью и тоской.

Красиво, поэтично поднимаются всходы молодой жизни, полной трепетомъ ожиданій, подчувствіемъ чего-то высокаго, прекраснаго. Нельзя безъ волненія читать первыя сцены этой пьесы—день именинъ Ирины.

Молодая дѣвушка по утру вспомнила о своихъ именинахъ, объ ушедшемъ дѣтствѣ, и чудныя мысли заволновали ея милую головку, и радость молодости охватила ее всю. „Точно я на парусахъ, надо мной широкое, глубокое небо и носятся большія бѣлыя птицы“. „Для меня все ясно на этомъ свѣтѣ, и я знаю, какъ надо жить... человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица... и въ этомъ смыслъ и цѣль жизни, ея счастье, ея восторги“. Такъ мечтаетъ молодость въ 20 лѣтъ. Поручикъ Тузенбахъ тоже тоскуетъ по работѣ. Онъ броситъ службу, чтобы завести кирпичный заводъ („довольно словъ, пора взяться за дѣло“.), онъ предчувствуетъ что то хорошее, свѣтлое впереди. „Надвигается буря, она уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку“.

Поручикъ Соленый—воплощеніе русской безсмыслицы и нелѣпаго случая—разбиваетъ эти мечты шальнымъ выстрѣломъ на дуэли съ Тузенбахомъ. Такъ же разбиваются жизнью мечты Андрея Прозорова о карьерѣ профессора. Сначала онъ увлекается земской дѣятельностью; денежныя затрудненія задерживаютъ его въ провинціи, но земская работа безсодержа-

тельная, съуженная до утраты внутренней связи съ цѣлымъ, надоѣдаетъ ему до такой степени, что ему лѣнь подписать бумаги, и сторожъ Ферапонтъ по цѣлымъ днямъ ждетъ исполненія этой формальности. Бумаги вѣдь, по его убѣжденію, для того и существуютъ, чтобы ихъ подписывать! Андрей успѣлъ расплыться, женился на полумѣщанкѣ, его жена—сама пошлость. Точно дымъ или чадъ, расползаясь по всѣмъ комнатамъ, овладѣваетъ она всѣмъ домомъ, отовсюду вытѣсняя сестеръ мужа, подъ видомъ заботъ о дѣтяхъ, она же побуждаетъ мужа продать принадлежащій ему только отчасти домъ и умѣло развлекается пошленькимъ адюльтеромъ съ предсѣдателемъ Протопоповымъ. Тщетно силится Андрей осмыслить свое существованіе, увѣряетъ себя, что земская служба не хуже научной дѣтельности; онъ спускается все ниже и ниже. Все засосалъ, загрязнилъ провинціальный городъ. „Гдѣ оно, куда ушло мое прошлое, восклицаетъ Андрей, когда я былъ молодъ, веселъ, уменъ, когда я мечталъ и мыслилъ, когда настоящее и будущее озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, неинтересны, лѣнивы, равнодушны, безполезны, несчастны? Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей и ни *одного, который не былъ бы похожъ на другихъ*, ни одного подвижника, ни въ прошломъ ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ бы зависть или *страстное желаніе подражать ему*. Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... Родятся другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ и, чтобы не отупѣть отъ скуки—разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, а жены обманываютъ мужей, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей, и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери“..

Такую характеристику „нашего“ города даетъ А П. Чеховъ устами Андрея Прозорова. Быть можетъ краски нѣсколько сгущены, но въ общемъ картина соннаго царства—вѣрна. Въ средѣ этихъ людей, какъ въ пустынѣ должно зачахнуть все живое, свѣтлое и какъ въ пустынѣ, истомленные жаждой путники, упиваются миражами, такъ и „герои“ Чехова живутъ мечтами.

„Настоящее, говоритъ Андрей, противно, но за то, когда я подумаю о будущемъ, то какъ хорошо. Становится такъ легко и просторно; и вдали забрезжетъ свѣтъ, я вижу свободу...“

Командиръ батареи Вершининъ тоже живетъ будущимъ. „Черезъ двѣсти-триста лѣтъ настанетъ новая счастливая жизнь... Мы для нее живемъ теперь, работаемъ, страдаемъ, мы творимъ ее“... „Черезъ 200 лѣтъ все нынѣшнее будетъ

казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и страннымъ . Вотъ такихъ (какъ три сестры) въ городѣ теперь три, послѣ явится шесть, двѣнадцать, и такъ далѣе.—Какая это будетъ жизнь, какая жизнь."

Но философствуя о лучшей жизни, Вершининъ, какъ и всѣ остальные персонажи Чехова, не умѣетъ устроить свою собственную жизнь. Дома у него нужда, бѣдность, полусъумасшедшая жена. Ему 43 года, онъ любитъ Машу, жену классика Кулыгина, учителя гимназіи, но его батарею переводятъ куда то далеко, и ему не хватаетъ ни силы воли, ни смѣлости, ни средствъ (и прежде всего независимыхъ денежныхъ средствъ), чтобы увезти съ собой ту, которую онъ любитъ, которая будетъ безконечно страдать безъ него съ пошлымъ представителемъ классической педагогіи, единственнымъ довольнымъ человѣкомъ во всемъ городѣ.

Жизнь трехъ сестеръ разбита, потому прежде всего, что она не находится ни въ какой связи съ жизнью другихъ. Сестры не нужны „городу". Одна изъ сестеръ знаетъ три языка. Но три языка—чистѣйшая роскошь тамъ, гдѣ и на одномъ читать нечего. Ирина съ ужасомъ говоритъ, что она начинаетъ забывать языки, не знаетъ, какъ по итальянски окно. Докторъ Чебутыкинъ давно забылъ всю медицину: какая тамъ медицина въ казенномъ солдатскомъ лазаретѣ, гдѣ еще со временъ гоголевскаго Гибнера больше лѣчатъ натурой. Какъ вышелъ изъ университета Чебутыкинъ, такъ и не ударилъ пальцемъ о палецъ, ни одной книжки не прочиталъ, а только газеты „Знаю по газетамъ, что былъ положимъ Добролюбовъ, а что онъ тамъ писалъ—не знаю... Богъ его знаетъ."..

И въ городѣ, гдѣ всякаго, кто не думаетъ, что міръ стоитъ на трехъ китахъ, считаютъ уже интеллигентнымъ человѣкомъ, Чубутыкину не трудно прослыть образованнымъ человѣкомъ, оставаясь круглымъ невѣждой... Ему вѣдь приходится сравнивать себя развѣ только съ полуглухимъ Ферапонтомъ, которому швейцаръ казенной палаты сказывалъ, будто въ Петербургѣ было двѣсти градусовъ морозу...

Всѣ три сестры, какъ и ихъ братъ, мечтаютъ о Москвѣ. Москва, какъ нѣчто мистическое, ворвется въ ихъ жизнь спасительнымъ свѣтомъ. Но мечты не осуществляются. Дѣйствительность безрадостна. Въ жизни сестеръ все тѣ-же сумерки, Ирина по прежнему устанетъ на работѣ. Она бросила телеграфъ, и служитъ въ управѣ; но она ненавидитъ все, что даютъ ей дѣлать. Мозгъ ея высохъ, она похудѣла, подурнѣла, постарѣла; трудъ безъ цѣли, безъ поэзіи не даетъ никакого удовлетворенія. И мало интересный трудъ можно цѣнить, какъ заработокъ, когда онъ по крайней мѣрѣ даетъ возможность въ свободное время удовлетворять влеченіямъ сердца, стремленіямъ общественнымъ, художественнымъ, умственнымъ. Но въ „городѣ" нѣтъ мѣста этимъ влеченіямъ. Остается зарабатывать деньги, что бы жить и жить, чтобы

зарабатывать, медленно день за днемъ растеривая свои мечты и надежды. Ирина мечтала, что тамъ въ Москвѣ ее ждетъ настоящая любовь, теперь она пошла бы даже за старика, потому что „любовь это долгъ“..

Старшая сестра Ольга задыхается въ атмосферѣ педагогическаго формализма. Средняя, Маша, давно забросила рояль. Не для кого играть, и не къ чему. Еще неизвѣстно, какъ посмотрѣлъ бы директоръ гимназіи на то, что жена подчиненнаго ему учителя участвуетъ въ концертахъ Все забилось по угламъ, притаилось, притихло, живетъ трепетной робкой жизнью, которая есть собственно говоря не жизнь, а медленное умираніе.

Одна старушка Анфиса искренне счастлива: на старости лѣтъ у нея есть наконецъ теплый уголъ, что бы спокойно умереть. Предѣлъ мечтаній Анфисы, всю жизнь спавшей на сундукахъ, гдѣ попало,—какъ подобаетъ вѣрной рабѣ,—отдѣльная комнатка. И вотъ въ казенной квартирѣ Ольги у нея свой уголокъ. „Квартира большая, казенная, и мнѣ цѣльная комнатка и кроватка. Все казенное. Проснусь ночью и—о Господи, Матерь Божья, счастливѣй меня человѣка нѣтъ».

Все казенное.—Вотъ въ чемъ горькое и убогое счастье русскаго человѣка...

И хочется воскликнуть вмѣстѣ съ поручикомъ Тузенбахомъ, который глядитъ въ послѣдній разъ передъ разлукой на прекрасный садъ Прозоровыхъ точно съ нѣкоторымъ изумленіемъ. „Я точно въ первый разъ вижу эти ели, клены, березы, и все смотритъ на меня съ любопытствомъ и ждетъ Какія красивыя деревья, и въ сущности, какая должна быть около нихъ красивая жизнь“.

Да, природа дала все, что бы была „красивая жизнь“. Богато одаренное населеніе, талантливая интеллигенція, вся пламенѣющая къ добру, чуткая, съ тонкой нѣжной организаціей, воспріимчивая. Полныя поэзіи и жажды подвига женщины, съ безграничнымъ стремленіемъ къ идеаламъ, съ мечтами о высокой и самоотверженной любви, съ дѣтски-свѣжимъ почти мистическимъ преклоненіемъ передъ радостями жизни—и все ни къ чему. Тоска и медленное увяданіе. Уйдетъ куда то въ Польшу или на далекую окраину артиллерійская бригада, и въ опустѣломъ городѣ водворится „тишина и скучища“... Какъ на кладбищѣ.

Безъ борьбы, безъ сопротивленія, безъ яркихъ событій и катастрофы, какъ-то незамѣтно, безшумно идетъ этотъ роковой процессъ увяданія, получая трагическій характеръ своей безъисходностью и ужаснымъ прóтиворѣчіемъ между тѣмъ, чѣмъ люди хотѣли бы быть, могли бы быть и чѣмъ стали, благодаря тяжелымъ условіямъ жизни провинціи, безъ свѣта, безъ свободы, безъ бодрости духа, и гдѣ самымъ отраднымъ спасительнымъ въ концѣ концовъ является...—все казенное! И такъ умираетъ цѣлая страна...

IV.

Нигдѣ такъ поэтично, такъ изящно не вылилось міровоззрѣніе Чехова, какъ въ его послѣдней пьесѣ „Вишневый садъ“. Въ этой прелестной во всѣхъ отношеніяхъ и глубокосимволической драмѣ тонко сплетены чисто бытовыя черты русскаго „трагизма среды“ съ міровой скорбью.

Пессимизмъ Чехова, особый русскій, онъ проникнутъ мягкой нѣжной меланхоліей, какой то свѣтлой прозрачной печалью, щемящей тоской о жизни, уходящей вдаль, скорбью объ испытанныхъ разочарованіяхъ, о безнадежности и безцѣльности существованія, въ которомъ только и было прекраснаго и свѣтлаго, что годы юности, когда все полно мечтами, когда въ трепетномъ сознаніи наростающихъ силъ душа раскрывается отъ радости предчувствій и чаемаго счастья. Прекрасная пора, весна жизни, она цвѣтетъ какъ вишневый садъ, нѣжнымъ благоуханнымъ цвѣтомъ, а молодая жизнь, словно невѣста подъ фатой такъ чиста, ароматна, такъ привлекательна своей вѣрой въ будущее.

„Вишневый садъ“ Чехова это чудная элегія, посвященная скорби о невозвратномъ, о неизбѣжности смерти. Это прелюдія Шопена, исполненная художникомъ съ нѣжной и чуткой душой, доступная только нѣжнымъ и чуткимъ душамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это все тотъ-же трагическій разсказъ о неизбѣжной и несправедливой гибели цѣлой группы хорошихъ людей.

Нѣкоторые видѣли въ пьесѣ Чехова простую повѣсть о дворянскомъ разореніи. „Вишневый садъ“—нѣчто болѣе важное и безконечно-печальное.

„О, мой милый, мой нѣжный, мой прекрасный садъ,—говоритъ Любовь Андреевна Раневская, навсегда покидая родной уголъ—моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай, прощай“. Безжалостная дѣйствительность не пощадитъ сада, онъ будетъ срубленъ... И чувствуется, что у каждаго изъ насъ былъ свой вишневый садъ, свое счастье, свое щемящее тоской прошлое, котораго не пощадила жизнь, суровая, безсмысленная,—безсмысленная уже потому, что кончается она еще большей безсмыслицей—смертью.. Гдѣ-то далеко, въ неизвѣданныхъ глубинахъ нашей души залегла она—эта великая скорбь человѣчества, объединяя души людей бездонно печальнымъ сознаніемъ невозможности раскрыть загадку жизни, примирить ея вопіющія противорѣчія...

Студентъ Трофимовъ хочетъ вѣрить, что съ нашей смертью умираютъ только пять нашихъ органовъ воспріятія и можетъ быть начинаютъ жизнь девяносто пять другихъ, болѣе тонкихъ. Но намъ какъ-то ближе и понятнѣе реплика помѣщика Гаева: „все равно умереть“... и невольно воспоминаются при этомъ слова Софокла: „величайшее благо-вовсе не родиться“.

Такъ какъ Чеховскіе герои прежде всего русскіе люди, то поэтому черты бытового русскаго трагизма выступаютъ и въ „Вишневомъ саду“ на первый планъ. Картина, нарисованная Чеховымъ, поражаетъ насъ своимъ размахомъ. „Въ вишневомъ саду“ не одни ужъ неудачники изъ бывшихъ баръ; здѣсь и купцы, и крестьяне, и на всѣхъ на нихъ лежитъ налетъ Чеховской тоски, во всѣхъ чувствуется какой то надрывъ, какое то недомоганіе, ослабленіе чувства бытія—всѣ, они жертвы среды,—„обреченные“.

Это милые и добрые люди, подъ-часъ наивные, какъ дѣти, мечтатели, склонные къ поэзіи и душевному порыву, но не закаленные для борьбы, не умѣющіе жить,—какіе то растерянные „недотепы“. Это не хищники, не волки, въ богатомъ породами человѣческомъ стадѣ, это люди съ тонкой душевной организаціей, но не приспособленной для скучныхъ пѣсенъ земли, для жизни труда и прозы. И вы чувствуете, что эти люди должны умереть, какъ умираютъ растенія въ несвойственномъ имъ климатѣ, какъ гибнутъ нѣкоторыя породы прекрасныхъ и добрыхъ животныхъ въ жестокой свалкѣ за существованіе, если обстоятельства не измѣнятся въ болѣе благопріятномъ для нихъ направленіи. Всѣ дѣйствующія лица Чехова—въ противоположность босякамъ—симпатичны по существу. Это все люди совѣстливые и мучающіеся. Они жаждутъ настоящаго дѣла, но, увы, обречены только говорить хорошія слова о человѣчествѣ, всеобщемъ благѣ и идеалахъ. Имъ самимъ давно надоѣла „фраза“. Противъ „словъ“ вооружается и студентъ Трофимовъ, удивительно тонко, безпристрастно обрисованный Чеховымъ,—безъ прикрасъ, но и безъ осужденія, настоящій русскій студентъ,—хорошій студентъ. Но и отъ этого представителя молодого поколѣнія не многаго дождаться. Онъ тоже только мечтаетъ хорошими словами, а самъ въ 26 лѣтъ еще не кончилъ университета. Его уже два раза исключали оттуда, жизнь уже успѣла его изрядно поломать и хотя онъ и убѣжденъ, что идетъ въ первыхъ рядахъ человѣчества, едва-ли сдѣлаетъ что нибудь утѣшительное. По мѣткому выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ это „облѣзлый баринъ“. Преждевременно отцвѣтшій. Онъ хочетъ быть „выше любви“, потому только, что не знаетъ любви и не умѣетъ любить. У него и борода то перестала расти и выглядитъ какъ то смѣшно и некрасиво, словно пухъ, а не борода. Это какой то ссохшійся юноша. „Чистюлька, чудакъ, уродъ“,— возмущается имъ наиболѣе энергичная изъ женщинъ. Хотя и сильно помятая судьбой,—Раневская, совѣтуя ему влюблятся, любить и сочувствовать тѣмъ, кто влюбляется. Въ стойкой борьбѣ за свои идеалы Трофимовъ не пригоденъ и, конечно, новаго вишневаго сада не насадитъ. Непригодность къ жизни обнаруживаетъ даже горничная Дуняша,—у нея тоже руки бѣлыя, какъ у барышни и „сама“ она стала тревожной и безпокойной. Совершенно не пригоденъ къ дѣлу и конторщикъ Епиходовъ, изъ крестьянъ,

какая-то несуразная оглобля деревенская, „двадцать два несчастья“, какъ его называютъ. Все у него валится изъ рукъ, ничто ему не дается. Онъ уже начитался книгъ, даже Бокля одолѣлъ, но кромѣ сумбура и безсмыслицы чтеніе ничего не внесло въ его жизнь. Это тоже неудачникъ, убѣжденный, что судьба относится къ нему безъ сожалѣнія, онъ никакъ не можетъ понять, какое ему себѣ выбрать „направленіе“ „и потому завсегда носитъ при себѣ „ливольвертъ“...

Въ новомъ освѣщеніи является у Чехова и купецъ Лопахинъ. Это чеховскій купецъ. Его дѣдъ и отецъ были еще крѣпостные. Онъ самъ считаетъ себя „хамомъ“—чувствуя недостаточность своего образованія. Но безсердечности и кулачества хищничества у него нѣтъ. Правда, онъ срубитъ вишневый садъ, но не онъ виноватъ, если владѣльцы по своему дѣтскому легкомыслію не слушали его совѣтовъ. Онъ какой то совѣстливый кулакъ. Онъ срубитъ садъ, что бы вернуть деньги, и остаться въ глазахъ другихъ дѣловымъ человѣкомъ; онъ даже намѣренно кичится,—въ полупьяномъ состояніи, тѣмъ, что купилъ все у своихъ бывшихъ господъ, но тоска грызетъ и его душу, что то тянетъ его къ милымъ разорившимся помѣщикамъ-дѣтямъ. „Пусть я хамъ, говоритъ онъ Любови Андреевнѣ,—главное, чтобы вѣрили мнѣ и чтобы глаза ваши глядѣли на меня, какъ прежде“. И какъ хотѣлъ бы онъ, чтобы „измѣнилась наша нескладная несчастливая жизнь“. Въ трудѣ и вѣчныхъ хлопотахъ ищетъ онъ забвенія отъ проклятыхъ вопросовъ. Обнаруживая таланты и дѣльца онъ, однако-же, не можетъ устроить свое личное счастье. Въ немъ проглядываетъ невысказанное затаенное чувство къ Раневской. Лопахинъ словно заразился отъ дворянъ какимъ-то недомоганіемъ духа; и надъ его головой вѣетъ скорбью и смертью. Этотъ новый купецъ, склонный къ искусству, поэзіи, утерялъ цѣльность первобытныхъ стяжателей—хищниковъ; и онъ разбитъ русской жизнью и онъ неудовлетворенъ, и ему нѣтъ простора, чтобы приложить свои крупныя силы къ дѣлу болѣе соотвѣтствующему запросамъ личности, чѣмъ одно накопленіе богатствъ. Разбитость, надорванность, безцѣльность жизни—вотъ черты, общія всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ новой пьесы Чехова.

Это-ли не высоко трагическая картина лежащей на смертномъ одрѣ жизни. И когда во второмъ актѣ „Вишневаго сада“ всѣ дѣйствующія лица сидятъ въ полѣ на травѣ, наслаждаясь чуднымъ ароматнымъ вечеромъ и дивнымъ пейзажемъ, невольно вспоминается раньше уже выраженная въ „трехъ сестрахъ“ о нашей природѣ мысль:—Лопахинъ говоритъ: „иной разъ, когда не спится, я думаю“,—Господи, ты далъ намъ громадные лѣса, необъятныя поля, мы сами должны бы по настоящему быть великанами.

„Вишневый садъ“ наиболѣе полная картина современной драмы русской жизни,—самое нѣжное и поэтическое изъ всѣхъ произведеній Чехова. Эта пьеса болѣе всѣхъ другихъ

требовала новыхъ формъ сценическаго воспроизведенія, новой игры, новой читки, новой техники, новой mise en scène'ы. новыхъ символическихъ пріемовъ исполненія и обстановки (не натуралистической) Но это уже заслуга не Чехова, а его геніальнаго товарища по искусству — Станиславскаго, который нашелъ тона для Чеховской драмы, съумѣлъ найти новые техническіе пріемы для выявленія невидимыхъ слезъ, горя, нашелъ экспрессію для не выразительнаго, не экспрессивнаго трагизма жизни, лежащей на смертномъ одрѣ,—и тѣмъ создалъ новую эру въ театральномъ дѣлѣ [1])

„Вишневымъ садомъ" на высотѣ расцвѣта закончилась литературная дѣятельность Чехова. Въ воздухѣ замерли звуки музыкальной элегіи, но долго еще будетъ звучать скорбная гармонія ихъ въ русской душѣ. Оглядываясь назадъ, чувствуешь, какую громадную роль сыгралъ Чеховъ въ предреволюціонной Россіи. Пѣвецъ сумерекъ, тоски и увяданія, онъ непрерывно взывалъ къ жизни и свободѣ...

И невольно рисуется намъ иной образъ... изъ Метерлинка... Прологъ къ „Пеллеасу и Мелиссандѣ". Большія ворота на запорѣ. Огромный желѣзный замокъ У входа стражъ, и семь молодыхъ дѣвушекъ (символы искусства) настойчиво требуютъ у стража: откройте двери, откройте двери!

Сторожъ увѣряетъ, что еще рано. Но дѣвушки не вѣрятъ ему, и еще громче раздаются ихъ голоса—откройте двери! Тамъ море плещетъ, тамъ солнца восходъ. Откройте двери!

И кажется, что къ этой огромной двери, наглухо запертой, принесли гробъ съ спящей царевной,—изъ русской сказки—этимъ символомъ русской жизни, лежащей въ гробу. На стражѣ—рутина, старый режимъ. И слышится нѣжный, кроткій голосъ Чехова—откройте двери! пока еще не поздно, откройте двери!

Чеховская поэзія предчувствовала и предсказывала пробужденіе и восходъ солнца надъ свободнымъ и безбрежнымъ моремъ .

---

[1]) Объ заслугахъ театра чит К И. Арабажинъ. Московскій художественный театръ и новая драма, «Театръ и искусство» 1908 года 14 Ноября, и «Искапія новыхъ путей въ театрѣ». Иллюстр двухнедѣльникъ прилож. «Правдѣ жизни» № 1 за 1909 г.

Максимъ Горькій.

Въ то время, когда Чеховъ былъ еще полонъ своихъ унылыхъ настроеній, появился писатель съ бодрымъ, радостнымъ призывомъ къ борьбѣ, съ оригинальнымъ темпераментомъ, своеобразными взглядами, и очень быстро приковалъ къ себѣ, на много лѣтъ, общественное вниманіе.

Это былъ Максимъ Горькій. Мастеровой малярнаго цеха.

Біографія М. Горькаго общеизвѣстна. Ея оригинальность, ея необычайный романтизмъ не мало содѣйствовали успѣху первыхъ разсказовъ Горькаго, вышедшихъ въ 1891-1892 году.

Начало 90-хъ годовъ ознаменовалось рядомъ событій, которыя пробудили общество отъ позорной спячки и привели къ подъему общественнаго самосознанія.

Первымъ ударомъ реакціи 80-хъ годовъ явился страшный голодъ, постигшій десятки русскихъ губерній. Правда, его повелѣвали называть недородомъ. Но общество видѣло передъ собою страшное народное бѣдствіе, въ которомъ нельзя было не винить весь общественный и административный укладъ нашей жизни. Сознательно удерживаемое въ невѣжествѣ и тьмѣ крестьянство, при малоземельѣ не могло создать интенстивнаго и культурнаго хозяйства. Безправность, отсутствіе свободы, забитость личности—стояли на пути всякому разумному усилію въ борьбѣ съ нищетой и хозяйственнымъ разореніемъ. По вѣрному замѣчанію Л. Н. Толстого крестьянство впало въ апатію, опустило руки и не искало выхода изъ своего положенія.

Огромное количество свободныхъ рукъ не находило себѣ приложенія въ деревнѣ. Приходилось искать заработка въ городѣ. На почвѣ дешеваго труда росла фабричная промышленность, усиленно протежируемая и правительствомъ.

Вышнеградскій, а впослѣдствіи Витте искусственно вздували ростъ этой промышленности невѣроятными по высотѣ цѣнъ заказами, благопріятными тарифами и соотвѣтственными пошлинами на заграничные товары.

Промышленность росла невѣроятно быстро, а съ нею росло и фабричное населеніе. Возникъ, какъ замѣтная и крупная соціальная сила—рабочій классъ, въ немъ пробудилось уже пролетарское сознаніе своихъ интересовъ. Въ борьбѣ за свои права съ капиталомъ, эксплуатирующимъ ихъ, рабочіе все болѣе объединялись и проникались чувствомъ солидарности. Громадная фабричная крыша, подъ которой работали тысячи

рабочихъ, объединяла ихъ, создавала единство настроеній. Вскорѣ выяснилось, что на пути къ стройной и систематической борьбѣ за свои интересы передъ рабочими каменной стѣной стояли старые порядки,—бюрократическій режимъ, покровитель богатыхъ, врагъ всякихъ попытокъ труда къ организованному отпору эксплуатаціи. Подъ вліяніемъ неотразимыхъ доводовъ жизненнаго опыта росло политическое сознаніе рабочихъ; съ полной очевидностью открывалась для нихъ необходимость гражданскихъ правъ, — политической свободы!...

Возникаетъ соціалъ-демократическая партія [1]).

Всѣ эти факты не могли не отразиться на настроеніи русской интеллигенціи. Началась оживленная теоретическая работа — осмысленія происходящихъ событій. Разгорѣлся споръ между народничествомъ и марксизмомъ. Старое народническое міросозерцаніе подверглось жестокой критикѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія и во всѣхъ отношеніяхъ.

Прежде всего выяснилась несостоятельность того основного утвержденія народниковъ, что Россія идетъ своимъ особеннымъ путемъ развитія, что поэтому она избѣжитъ европейскаго капитализма, спасется отъ него при помощи русской общины, изъ которой, какъ изъ зерна, выростетъ впослѣдствіи соціалистическій строй [2]). Эта полуславянофильская идея о самобытномъ развитіи нашла свое опроверженіе въ фактахъ дѣйствительности. Капитализмъ росъ воочію, дѣлая каждый день все новыя и новыя завоеванія, а община разлагалась. Эти факты были подмѣчены еще раньше, въ замѣчательной книгѣ Г. Плеханова „Наши разногласія“ вышедшей въ 1884 году, но не получившей значительнаго распространенія въ свое время. Въ 1894 и 1895 году споръ на тему о судьбахъ капитализма въ Россіи и о значеніи общины разгорѣлся съ новой силой и получилъ теоретическія обоснованія въ цѣломъ рядѣ трудовъ Т. Барановскаго [3]), П. Струве [4]) и Бельтова [5]). Впервые передъ русскимъ обществомъ были систематически изложены принципы діалектическаго или иначе экономическаго матеріализма.

Это ученіе, при всей его спорности въ собственно философскихъ обоснованіяхъ матеріалистическаго монизма, поразило и увлекло русскую интеллигенцію стройностью своихъ соціологическихъ выводовъ, отбрасывающихъ яркій блескъ мысли и на прошлое и будущее Россіи. Экономической матеріализмъ, въ связи съ теоріей классовой борьбы какъ строго научный методъ, далъ объясненія, почему не удалось боевое народническое движеніе конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ

---

[1]) А. Егоровъ. Обществ Движеніе въ Россіи въ началѣ XX в. стр. 375—398.

[2]) В. В. Судьбы капитализма въ Россіи СПБ. 1882.

[3]) Т. Барановскій. Промышленной кризисъ въ Англіи.

[4]) П. Струве. Критическія замѣтки.

[5]) Г Бельтовъ. Къ вопросу о монистическомъ пониманіи исторіи.

и пролилъ утѣшенія относительно будущаго. Въ прошломъ выяснилась ошибка, которая неизбѣжно вела къ пораженію, въ будущемъ предрекалась побѣда, достиженію которой съ объективной необходимостью должна была содѣйствовать сама жизнь съ ея хозяйственными процессами, неизбѣжно ведшими къ торжеству капитализма и новой группировкѣ классовъ.

Эта вѣра въ объективную необходимость побѣды указывала интеллигенціи и ея мѣсто въ цѣпи совершающихся процессовъ экономической жизни страны Всѣмъ стало ясно, что въ этой цѣпи событій роль интеллигенціи—роль пособника, акушера, но не творца жизни. Она должна считаться съ неумолимымъ ходомъ событій и пользоваться ростомъ капитализма для того, что бы всѣ свои силы направить на просвѣтленіе классоваго сознанія новой общественной силы—пролетаріата. Тамъ, гдѣ раньше открывалась для интеллигенціи пустота или стояли стѣны на пути къ свободѣ (невѣжество, тупость крестьянъ, противодѣйствіе правительства),—тамъ теперь выросла, какъ казалось многимъ, новая общественная сила, способная на борьбу и жертвы во имя разумно понятыхъ классовыхъ интересовъ.

Для чеховскихъ нытиковъ, для хмурыхъ людей вдругъ открылись радостные просвѣты въ будущее. Оно уже не было укутано безнадежнымъ туманомъ безъидейнаго отчаянія. Впереди было все ясно. Новая теорія прогресса размѣстила все по полочкамъ, по категоріямъ, установила перспективы и, казалось, вполнѣ гарантировала свѣтлое будущее.

Радостное возбужденіе охватило молодую интеллигенцію; на сторону новыхъ оптимистическихъ взглядовъ переходили и старые борцы народничества. Въ поэзіи зазвучали здоровые и бодрые звуки фанфары:

Не старымъ, унылымъ, уставшимъ бойцамъ,
Усталымъ отъ долгихъ потерь,
Хочу я отважнымъ и юнымъ сердцамъ
Пропѣть мою пѣсню теперь.

—

Пусть мертвые мертвымъ приносятъ любовь
И плачутъ у старыхъ могилъ,
Мы живы! кипитъ наша алая кровь
Огнемъ неисчерпанныхъ силъ.

—

Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы умѣемъ хранить,
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ-же алтарь возложить.

—

Кто выронилъ молотъ и острый рѣзецъ?
Мы жаждемъ работать взамѣнъ
И строить великій народный дворецъ
Изъ камня разобранныхъ стѣнъ.

—

Несись моя пѣсня, взносись до небесъ!
Какъ соколъ свободный отъ путъ
Да здравствуетъ геній всемірныхъ чудесъ
Великій и творческій трудъ

Такъ восторженно привѣтствовалъ новое міровоззрѣніе и новыхъ людей не задолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ ссылки Танъ. Жизнь лежала еще подъ снѣжнымъ саваномъ, но подъ нимъ уже текли весенніе ручьи,—и скоро смѣнитъ стужу весеннее солнце.

Весна молодая идетъ намъ во слѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ

И вотъ въ такую минуту радостныхъ предчувствій и ожиданій раздался бодрый и смѣлый голосъ Горькаго.

Настроенія совпали, хотя и исходили изъ разныхъ основаній.

„Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что въ ней только язвы да стоны, горе и слезы... Въ ней не только пошлое, но и героическое, не только грязное, но и свѣтлое, чарующее, красиво. Въ ней есть все, что захочетъ найти человѣкъ, въ немъ есть сила создать то, чего въ ней нѣтъ. Этой силы мало сегодня—она разовьется завтра! Жизнь прекрасна, жизнь—величественное неукротимое движеніе ко всеобщему счастью и радости! Я вѣрю,—говоритъ Шебуевъ („Мужикъ“) въ это, я не могу не вѣрить въ это! Я прошелъ тяжелый путь... никто изъ васъ и даже всѣ вы вмѣстѣ не знали столько горя, страданій и униженій, какъ я зналъ! О, да, я—зналъ!. но—жизнь прекрасна!“

Слова Шебуева, конечно, могутъ быть всецѣло отнесены къ самому Горькому. Его настроеніе было явно оптимистическимъ.

Но не слѣдуетъ однако думать, что оно вытекало изъ новыхъ марксистскихъ идей. Онѣ не были еще извѣстны Горькому. Одинъ изъ лучшихъ разсказовъ его „Челкашъ“ появился на страницахъ „Русскаго Богатства“ (1898) и даже позже, когда Горькаго потянуло въ среду марксистовъ, онъ высказываетъ взгляды, которые роднятъ его съ сторонниками „субъективнаго метода“ и яркими индивидуалистами.

Въ разсказѣ „Читатель“ Горькій возстаетъ противъ людей, которые изъ фактовъ, созданныхъ ими, дѣлаютъ выводъ и говорятъ себѣ: „вотъ непреложный законъ“ [1]). Онъ вѣритъ въ творческую силу идеаловъ, въ личное усиліе воли, въ мощь человѣческаго слова:

— Для человѣка, имѣющаго счастье владѣть словомъ, стыдно и позорно сознаваться въ своемъ безсиліи передъ жизнью и въ томъ, что не можетъ онъ стать выше ея.

— Важно стремленіе, важно желаніе души найти Бога,

---

[1]) М. Горькій „Разсказы“. т. III 239.

и если въ жизни будутъ души, охваченныя стремленіемъ къ Богу, онъ будетъ съ ними

Человѣкъ долженъ быть царемъ, а не рабомъ жизни. Отъ писателя мы должны требовать призывовъ къ творчеству жизни, бодрыхъ словъ, укрѣпляющихъ душу.

Изъ приведенныхъ цитатъ совершенно очевидно, что Горькій вовсе не былъ захваченъ новыми теоріями экономическаго и діалектическаго матеріализма. Напротивъ, въ немъ ярко пробивался духъ крайнаго индивидуализма, окрашеннаго, отчасти, ницшеанскимъ презрѣніемъ къ мѣщанству жизни и преклоненіемъ передъ силой.

Сильный человѣкъ—все; онъ все можетъ; для него ни что не преступно,—нѣтъ непреложныхъ законовъ, нѣтъ обязательной морали. Сильный человѣкъ — господинъ жизни, остальные—жалкіе рабы, которыхъ не стоитъ и жалѣть.

Еще въ Макарѣ Чудрѣ (1892) Горькій съ восхищеніемъ рисуетъ романтическія фигуры цыгана Зобара и цыганки Радды Они любили, но гордые и дикіе не хотѣли уступить другъ другу и подчиниться. Радда требовала отъ любимаго человѣка, чтобы онъ поклонился ей въ ноги передъ цѣлымъ таборомъ. Зобаръ требовалъ подчиненія себѣ. И погибли гордые и дикіе люди, не уступивъ другъ другу ни пяди своей независимости и „море распѣвало мрачный и торжественный гимнъ гордой парѣ красавцевъ цыганъ“ и въ тонѣ автора чувствуется восхищеніе передъ доблестью героевъ.

Такой же гордый, независимый, сильный и Ларра (старуха Изергиль 1895 г.). Также вѣритъ въ правоту силы и грузинъ Шакро-птадзе (Мой спутникъ, 1896). „Кто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ“.

Силой восхищается Горькій и въ Варенькѣ Олесовой и въ превосходномъ разсказѣ „На плотахъ“. Прекрасна картина плотовъ, скользящихъ по рѣкѣ, и въ предразсвѣтной тьмѣ; красиво вырисовывается могучая фигура старика Силаныча и Марьки, жены его сына. Когда Силанычъ кричалъ: „Эй вы! Деймоны сонные! Гляди въ оба“,—гордо гремѣлъ и катился по рѣкѣ его голосъ, и въ силѣ звука чувствовалось, что кричитъ здоровый, энергичный, довольный собой человѣкъ съ большой и ясно сознанной радостью. Душа была полна этой радостью. Что то сильное здоровое просилось на волю, на просторъ. И не стѣсняясь близостью сына, управлявшаго другимъ плотомъ, Силанычъ обнималъ его жену, гордый своимъ счастьемъ и не зная раскаянія.

— Пускай всѣ видятъ! Плюю на всѣхъ. Грѣхъ дѣлаю,— точно. Знаю. Нука что-жъ? Подержу отвѣтъ передъ Господомъ... Все знаю! Все преступилъ. Потому стóить! Одинъ разъ на свѣтѣ то живутъ, и кажинный день умереть можно.

И глубокимъ презрѣніемъ проникается Силанычъ къ своему чахлому слабосильному сыну, и темныя мысли бродятъ и зрѣютъ въ головѣ старика, преступныя мысли...

Были въ первыхъ произведеніяхъ Горькаго нѣкоторыя

черты, которыми онъ могъ нравиться и марксистамъ, давая нѣкоторыя иллюстраціи ихъ теоретическимъ положеніямъ. Такъ въ разсказѣ „Челкашъ“ идеализируется босякъ—контрабандистъ и съ глубокимъ презрѣніемъ изображенъ крестьянинъ, съ его скаредной скупостью, жаждой земли и узостью интересовъ. Для Челкаша крестьянинъ—что то жалкое гнусное, трусливое, неспособное на широкій размахъ, на преступленіе.

— Гнусъ, говоритъ онъ, Гаврилѣ, и блудить не умѣешь! и заставляетъ Гаврилу взять награбленныя деньги, послѣ того, какъ Гаврила чуть не убилъ его въ припадкѣ дикой жадности.

II.

Въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Горькій является пѣвцомъ и бытописателемъ босяковъ. Правда, много раньше Горькаго этимъ классомъ городскихъ отбросовъ заинтересовался Максимъ Бѣлинскій и, кажется, впервые ввелъ самое слово босякъ въ русскую литературу въ своихъ „Кіевскихъ очеркахъ“. Но очерки эти прошли незамѣтно, и заслуга открытія босяковъ принадлежитъ Горькому. Ихъ онъ рисуетъ съ большой любовью и даже симпатіей.

Босяки для Горькаго лишніе люди, потому что они не примирились съ узкой тѣсной жизнью. Они протестанты противъ мѣщанства жизни во имя свободы и сильной личности. Они умны, часто талантливы, одарены отъ природы, способны на благородные порывы. „Бывшіе люди“ это лишніе люди конца XIX вѣка. Они не примирились съ тисками культуры и пали жертвой своего протеста.

По странному недоразумѣнію въ босякахъ Горькаго хотѣли отчасти видѣть новыхъ людей, пожалуй даже рабочихъ.

„Съ внѣшней стороны, пишетъ Горькій, Коноваловъ казался мнѣ типичнѣйшимъ золоторотцемъ, но, увы! Чѣмъ больше я присматривался къ нему, тѣмъ больше убѣждался, что имѣю дѣло съ разновидностью, нарушавшей мое представленіе о людяхъ, которыхъ давно пора считать за классъ, и которые вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые.

Коноваловъ восхищается исторіей Стеньки Разина и громко плачетъ, почти воетъ, когда узнаетъ, что Стеньку поймали. Коноваловъ мечтаетъ о томъ, какъ бы построить жизнь такъ, что-бы въ ней было просторно и никто никому не мѣшалъ. Онъ жаждетъ узнать, какъ жить. Какіе поступки вредные, а какіе „ничего себѣ“.

Идеализируя Коновалова, Горькій высказывается и самъ. Онъ прямо заявляетъ, что въ деревнѣ такъ-же невыносимо тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи. Съ глубокимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о культурномъ обществѣ, объ

атмосферѣ „тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, болѣзненныхъ самолюбій идейнаго сектантства и всяческой неискренности". Горькій откровенно сознается, что „родился и воспитывался внѣ этого общества и по сей пріятной (для него) причинѣ не можетъ принимать его культуры большими дозами..."

Горькаго тянетъ на просторъ полей, южнорусскихъ степей, бушующаго моря. „Люди настроили городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга". Босяцкій анархизмъ кажется Горькому болѣе привлекательнымъ. И хотѣлось бы ему яркой жизни, хотя бы и не долгой, но ослѣпительно яркой, красочной.

Недолго жить, но видѣть небо—вотъ счастье жизни! И Горькій изображаетъ намъ дерзновеннаго Сокола, который не хотѣлъ мириться съ жалкой жизнью въ долинѣ, въ темныхъ и душныхъ ущельяхъ. Нѣтъ выше счастья битвы, нѣтъ большей радости, какъ видѣть солнце. Пусть соколъ погибъ за свою дерзость, разбился о скалы, но само море пѣло ему хвалебный гимнъ:

„Пускай ты умеръ!.. но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!"

Мы опускаемъ рядъ прекрасныхъ и художественныхъ разсказовъ перваго періода дѣятельности Горькаго.

„Мальва", „Однажды осенью", „Зазубрина" навсегда сохранятся въ русской литературѣ, какъ перлы художественнаго творчества; мы переходимъ теперь къ первому крупному произведенію Горькаго, въ которомъ явно уже замѣтимъ вліянія новыхъ идей и которое при всемъ томъ является превосходной бытовой картиной изъ жизни нашего Поволжья. Мы говоримъ о романѣ „Ѳома Гордѣевъ".

III.

Намъ кажется, что этотъ романъ и до сихъ еще не оцѣненъ по достоинству русской критикой и читающей публикой. А между тѣмъ въ „Ѳомѣ Гордѣевѣ" нарисована умно и вдумчиво цѣлая полоса русской жизни, послѣ Островскаго только въ легкомысленныхъ и поверхностныхъ романахъ Боборыкина, получившая нѣкоторое, далеко не полное освѣщеніе. Живя въ Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ городахъ Поволжья Горькій могъ наблюдать очень интересныя явленія купеческой жизни и дать ей совершенно новое освѣщеніе.

Героемъ своего романа Горькій избралъ молодого купца Ѳому Гордѣева, немного босяка, немного гамлета на нижегородскій ладъ, а въ общемъ лишняго человѣка, которому тѣсно въ рамкахъ купечества и некуда преклонить свою буй-

ную голову, и не на кого опереться въ поискахъ правды и смысла жизни.

Сынъ богатаго купца и старообрядки, въ душѣ которой сохранились какіе-то неясные порывы къ добру, какія-то искания мистическихъ тайнъ и правды, Ѳома—протестантъ противъ узости жизни во имя крайне неопредѣленныхъ идеаловъ лучшаго будущаго. Сильный, здоровый, съ огромнымъ запасомъ неизрасходованныхъ силъ и жалкимъ образованіемъ, бродитъ Ѳома по городу, ищетъ людей, и не находитъ, пьетъ, скандалитъ и въ концѣ концовъ превращается въ „бывшаго человѣка".

Душа Ѳомы Гордѣева переполнена ненавистью къ купечеству, но она пуста положительнымъ содержаніемъ. Ѳома Гордѣевъ разочаровался въ любви и свѣтскомъ обществѣ, воплощенномъ для него въ лицѣ Медынской, не можетъ онъ питать почтенія и къ жалкому представителю мѣстной интеллигенціи Ежову; чужды ему въ концѣ-концовъ и рабочіе, съ которыми встрѣчается онъ у Ежова, и вотъ у него остается одна цѣль жизни,—выбрать удачный моментъ и сказать купечеству всю правду.

Вотъ приходитъ такой моментъ на торжествѣ открытія новаго дѣла, въ которомъ участвуетъ все приволжское купечество. И въ отвѣтъ на рѣчь своего родственника Маякина Ѳома разражается нелѣпой и ни для кого не убѣдительной бранью.

„О, сволочи, кричалъ Гордѣевъ, что вы сдѣлали? не жизнь вы сдѣлали, тюрьму... не порядокъ вы устроили—цѣпи на человѣка выковали... Душно, тѣсно, повернуться негдѣ живой душѣ... погибаетъ человѣкъ... Душегубы вы"... и не находя аргументовъ, что бы убѣдить купцовъ, что такъ, какъ они, жить нельзя, Ѳома и клянетъ, и бранитъ, и стращаетъ ихъ: — „Есть у васъ совѣсть? помните вы Бога? пятакъ — вотъ вашъ Богъ! А совѣсть вы прогнали... Кровопійцы!.. И въ аду вамъ, сволочамъ, мѣста нѣтъ по заслугамъ вашимъ... не въ огнѣ, а въ грязи кипящей васъ варить будутъ. Вѣками не избудете мученій."

Ѳомѣ вяжутъ руки, валятъ на землю, и чувствуетъ онъ, что сказалъ... и только себя опустошилъ. Никакого знака, говоритъ онъ, не осталось отъ моихъ рѣчей. Все цѣло!.. а во мнѣ—вспыхнуло... сгорѣло и—нѣтъ ничего больше.

Душа опустошена!.. У человѣка глубокаго и умнаго, сколько бы онъ ни говорилъ, душа останется полна. У Ѳомы нѣтъ внутренняго содержанія въ его протестѣ. Кипитъ негодованіемъ сердце, а умъ бездѣйствуетъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ волевое начало: оно толкаетъ къ дѣйствію и опустошаетъ и безъ того не переполненную душу.

Горькій, повидимому, сочувствуетъ Ѳомѣ Гордѣеву—натурѣ, безспорно, родственной нашему писателю; къ купцамъ Горькій относится съ громаднымъ презрѣніемъ; у него и въ „Бывшихъ людяхъ" самая антипатичная фигура купца Іуды

Пѣтунникова. Но, какъ художникъ, еще не испорченный тенденціей, Горькій даетъ глубоко типичныя фигуры купцовъ. Передъ нами два поколѣнія—молодое въ лицѣ Смолина и Тараса Маякина и старое въ лицѣ умнаго и прижимистаго купца Якова Тарасовича Маякина.

Смолинъ образованный комерсантъ, учился въ Англіи, человѣкъ интеллигентный, сторонникъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, техническихъ улучшеній, образцовыхъ фабрикъ. Человѣкъ сухой, черствый, но знаетъ чего хочетъ и добьется своего. Старикъ Маякинъ, хоть и косится на него, а въ концѣ концовъ соглашается съ нимъ и идетъ съ нимъ за одно.

За одно со Смолинымъ и молодой Маякинъ. Передъ нами человѣкъ съ опредѣленнымъ, трезвымъ міровоззрѣніемъ, не допускающимъ мистическаго тумана и лирики сердца. Типиченъ его разговоръ съ Ѳомою. Ѳома путаясь и сбиваясь говоритъ о неудовлетворенности жизнью, о томъ, что всюду обманъ, не дѣло, а такъ затычка... трудящіе—просто несчастныя лошади, а кто ничего не дѣлаетъ наслаждается жизнью.

Сомнѣнія Ѳомы не понятны Тарасу Маякину.

Неудовлетворенность жизнью—отъ неумѣнья трудиться. Несчастье людей отъ того, что они считаютъ себя способными на большее, чѣмъ могутъ. А между тѣмъ отъ человѣка требуется—не много: онъ долженъ избрать себѣ дѣло по силамъ и дѣлать его какъ можно лучше, какъ можно внимательнѣе... Даже стулъ, сдѣланный съ любовію, всегда будетъ хорошій, красивый и прочный стулъ. Такъ думаетъ Тарасъ Маякинъ и совѣтуетъ Ѳомѣ прочитать Смайльса, типичнаго представителя буржуазной морали и Леббока, „Радости Жизни“.

Но Ѳома не любитъ читать...

Смолинъ и молодой Маякинъ люди съ опредѣленными міропониманіемъ. Быть можетъ взгляды ихъ и цѣли односторонни: но имъ нельзя отказать въ извѣстной культурности и логикѣ. Передъ нами новые люди созидатели новой культурной силы—капитализма. Для Смолина и Тараса Маякина всѣ вопросы разрѣшены и не оставляютъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Это типичные представители общественнаго мѣщанства на почвѣ культурной дѣловитости. Человѣческая личность въ ихъ міровоззрѣніи только одинъ изъ винтиковъ огромной общественной машины. Характерно отмѣтить, что между молодежью и старшимъ поколѣніемъ нѣтъ никакой разницы по существу. Старикъ Маякинъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и молодежь. Его взгляды на жизнь исходятъ изъ тѣхъ же основаній—твердой увѣренности въ великой культурной роли купечества. Передъ нами законченный типъ убѣжденнаго „конституціоналиста“ въ духѣ партіи 17-го октября; но только съ большей опредѣленностью и устойчивостью взглядовъ. Въ этомъ смыслѣ Горькій обнаружилъ огромное художественное прозрѣніе.

Купецъ Маякинъ уже вполнѣ опредѣленно недоволенъ старымъ общественнымъ строемъ. Жизнь строили господа чиновники да дворяне, они и испортили ее и засорили. Они не хотѣли уважить купца, этой настоящей силы въ государствѣ,—потому что съ ней милліоны. И вотъ теперь, когда они, господа, расплодили всякую гниль, пусть сами съ ней и попробуютъ сладить. А купецъ пусть стоитъ въ сторонкѣ и ждетъ. Не сладить имъ... средствъ у нихъ не хватитъ; вотъ тогда то они и обратятся къ купечеству съ просьбой: помогите! А мы имъ: „позвольте намъ простору! Включите насъ въ строители оной самой жизни! “

Вполнѣ опредѣленная программа!

Но старикъ Маякинъ обнаруживаетъ еще большую проницательность. Онъ предвидитъ короткій переходный періодъ, промежуточный между старымъ строемъ и тѣмъ, который наступитъ послѣ включенія купечества въ строители жизни. Съ большой откровенностью Маякинъ излагаетъ свой планъ.

„Ужъ коли настало такое время, что всякій шибздикъ полагаетъ про себя, будто онъ—все можетъ и сотворенъ для полнаго распоряженія жизнью—дать ему стервецу свободу! На, сукинъ сынъ, живи!.. Тогда воспослѣдуетъ такая комедія: почуявъ, что узда съ него снята, зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ полетитъ и туда и сюда. Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ тогда свой духъ испускать. А духа этого самаго, строительнаго совсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день другой—потопорщится во всѣ стороны и—въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! Сердцевина гнилая въ немъ... хе-хе-хе! Тутъ его,—хе-хе-хе! Голубчика и поймаютъ настоящіе достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ... дѣйствительными штатскими хозяевами жизни—быть... которые будутъ жизнью' править не палкой, не перомъ, а пальцемъ, да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящаго то угару? Та-акъ-съ.. Ну такъ теперь вы такіе сякіе—молчать и не пищать! А то, какъ червей съ дерева, стряхнемъ васъ съ земли! Цыцъ! Голубчики! Хе-хе-хе! ну и тогда вотъ тѣ, которые верхъ въ сумятицѣ возьмутъ,—жизнь на свой ладъ по умному и устроятъ... не шаля валя пойдетъ оно, а какъ по нотамъ!“.

Этой замѣчательной тирадѣ нельзя отказать въ пророческомъ характерѣ. Талантливый художникъ далъ въ этомъ отрывкѣ, быть можетъ больше, чѣмъ самъ объ этомъ подозрѣвалъ!...

Въ лицѣ Маякина вырисовывается типичная фигура строителя жизни изъ класса купеческой промышленной буржуазіи. Горькому противны мѣщанскіе идеалы этого класса, и онъ ищетъ спасеніе отъ его господства въ другой средѣ. Фельетонистъ Ежовъ, представитель русской интеллигенціи ничего хорошаго не видитъ въ грядущемъ торжествѣ купечества. До сихъ поръ, говоритъ онъ, купецъ былъ стѣсненъ,

и свой избытокъ силъ онъ обращалъ на дебошъ. Это былъ бунтъ, плѣннаго звѣря... но... когда этотъ звѣрь прикопитъ немножко ума и дисциплинируетъ ее (т. е. свою энергію)— онъ и тогда не перестанетъ производить скандалы, но это будутъ уже историческія событія. Избави насъ Боже, отъ такихъ событій! Ибо они проистекутъ изъ стремленія купца къ власти, ихъ цѣлью будетъ всемогущество одного сословія, и не постѣснится купецъ въ средствахъ ради этой цѣли.

Самъ Ежовъ, а съ нимъ и Горькій, не вѣрилъ въ силы интеллигенціи, въ свои собственныя силы Интеллигенція не умѣла сохранить себя цѣльной для жизни. Мы слишкомъ мало себя цѣнили и ради будущихъ благъ за гроши продаемъ свое настоящее.

— „Отъ недостатка самооцѣнки гибнетъ больше людей, чѣмъ отъ чахотки, и вотъ почему вожди массъ, быть можетъ, служатъ въ околоточныхъ надзирателяхъ.

— Люди жалки, потому что стремятся къ сытости.

— Нужно жить всегда влюбленнымъ во что нибудь недоступное тебѣ. Человѣкъ становится выше ростомъ отъ-того, что тянется къ верху."

Но интеллигенція не съумѣла быть тѣмъ, чѣмъ могла, и измученному жизнію и неудачами, развинченному и больному Ежову „хочется плюнуть въ рожу интеллигенціи".

На кого-же остается надежда? только на рабочихъ; и къ нимъ обращается Ежовъ со свое горячей и искренней рѣчью!

Товарищи! Труженики!.. Я счастливъ съ вами! Мнѣ хорошо среди васъ... Это потому, что вы—люди труда, люди, чье право на счастье не подлежитъ сомнѣнію, хотя и не признается.. Въ здоровой облагораживающей душу средѣ вашей, честные люди, такъ хорошо, свободно дышится одинокому, отравленному жизнью человѣку. . . . . .

. . . . . .

Я не одинъ... насъ много такихъ загнанныхъ судьбой, разбитыхъ и больныхъ людей.. Мы – несчастнѣе васъ, потому что слабѣе и тѣломъ и духомъ, но мы сильнѣе васъ, ибо вооружены знаніемъ, которое намъ некуда приложить... Безъ васъ мы безъ почвы, вы безъ насъ безъ свѣта!.. Товарищи! Мы судьбою самою созданы для того, чтобы дополнить другъ друга!

. . . . . .

Будущее ваше, друзья! Великая работа предстоитъ вамъ!.. Это вы должны создать новую культуру... все свободное, живое и яркое...

IV.

„Ѳома Гордѣевъ" написанъ еще въ переходные годы умственнаго развитія Горькаго, но общее направленіе общая линія движенія уже опредѣлилась. Пока еще Горькій стоитъ на почвѣ глубокаго отвращенія ко всякому мѣщанству. Тѣмъ

же духомъ проникнута и повѣсть „Трое“, написанная въ 1900 г. вслѣдъ за „Ѳомой Гордѣевымъ“. Илья Луневъ, герой этой повѣсти, не можетъ примириться съ размѣренной мѣщанской жизнью лавочника. Но за то, что онъ проявляетъ свою личность, мѣщанская среда начинаетъ его ненавидѣть и преслѣдовать. Въ концѣ концовъ Илья Луневъ, какъ и Ѳома, начинаетъ скандалить и кончаетъ самоубійствомъ. Другого выхода для него не было. Мѣщанство заѣло его и погубило.

Съ 1901 года общественныя настроенія Горькаго опредѣляются все болѣе и болѣе въ сторону марксизма. Въ связи съ этимъ измѣняется взглядъ Горькаго на индивидуализмъ. Чрезмѣрное восхваленіе личности постепенно замѣняется защитой коллективнаго соборнаго начала въ жизни

Уже въ „Мѣщанахъ“ Горькій весьма отрицательно относится къ молодому Безсѣменову, Петру, удаленному изъ университета, и проводящему время въ тупой бездѣятельности у своего отца. Петръ Безсѣменовъ увѣряетъ, что онъ не хочетъ подчиняться обществу. „Я не обязанъ подчиняться требованіямъ общества! Я личность! Личность свободна!“

Въ дѣйствительности студентъ Петръ Безсѣменовъ такой-же мѣщанинъ, какъ и его отецъ. Тетеревъ правъ, когда успокаиваетъ старика на счетъ сына.

— Онъ не уйдетъ далеко отъ тебя! Онъ это временно наверхъ поднялся, его туда втащили... Но онъ сойдетъ... Умрешь ты,—онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ, переставитъ въ немъ мебель и будетъ жить,—какъ ты,—спокойно, разумно и уютно...

— Онъ, вѣдь, такой-же, какъ и ты!.. Совсѣмъ такой... трусливъ и глупъ.

Индивидуализмъ развѣнчанъ; онъ родной братъ мѣщанства. Симпатія Горькаго на сторонѣ потомственнаго алкоголика Тетерева, любителя птицъ и птицелова Перчихина и, главнымъ образомъ, рабочаго Нила. Этого послѣдняго Горькій рисуетъ съ особенной любовью и нѣжностью. Сильный, здоровый, цѣльный, непосредственный, Нилъ знаетъ чего хочетъ и не боится жизни. Онъ хочетъ вмѣшаться въ самую „гущу жизни“, онъ не боится борьбы: „права не даютъ, права берутъ!“ Нилъ хочетъ заставить жизнь отвѣтить на всѣ вопросы такъ, какъ онъ самъ того хочетъ.

Жить даже, не будучи влюбленнымъ — славное занятіе. Есть прелесть даже въ томъ, чтобы мчаться въ ненастную погоду на скверномъ паровозѣ.

Горькій всячески идеализируетъ своего Нила, надѣляя его всѣми добродѣтелями здороваго, сильнаго и цѣльнаго человѣка. Но какъ то не вѣрится, что Нилъ такъ прекрасенъ. Не вѣрится и въ его талантъ—бороться всю жизнь со зломъ. Налетъ мѣщанства сильно чувствуется на немъ. Женится Нилъ на своей Полѣ, обзаведется домикомъ, дѣтьми, и все пойдетъ какъ и у другихъ. Нилъ скорѣе склоненъ къ

простому мѣщанскому счастью, чѣмъ къ роли борца за пролетарскую правду.

Съ самодовольной фигуры Нила начинается у Горькаго передвиженіе его таланта въ сторону тенденціознаго изображенія жизни и рабочаго класса. Міровоззрѣніе Горькаго претерпѣваетъ явныя измѣненія. Прежде всего Горькій отказывается отъ проповѣди того, что сила—моральна (онъ вычеркнулъ во второмъ изданіи своихъ сочиненій соотвѣтствующее мѣсто въ разсказѣ „Ошибка"). Онъ начинаетъ признавать, что и слабые имѣютъ право на жизнь. Въ драмѣ „На Днѣ", (1902) онъ проводитъ ту мысль, что и ложь хороша, если она служитъ во спасеніе слабому человѣку. Что такое правда, говоритъ съ пренебреженіемъ Сатинъ: „человѣкъ выше правды", и вотъ во имя этого довода оправдывается постоянная ложь Луки, который поддерживаетъ Анну увѣреніемъ, что она скоро выздоровѣетъ, актера — разсказомъ о великолѣпной лечебницѣ для алькоголиковъ, Настю—тѣмъ, что съ довѣріемъ слушаетъ разсказы ея о лаковыхъ сапожкахъ несуществующаго Гастона. Лука примирилъ съ жизнью и Клеща. „Человѣкъ выше правды"—вотъ девизъ этой драмы. Но принять этотъ девизъ приходится съ большими недоумѣніями. Совершенно справедливо отмѣтилъ Ивановъ-Разумникъ [1]), что великолѣпная тирада Сатина:—человѣкъ—это звучитъ гордо, вовсе не является отраженіемъ старыхъ индивидуалистическихъ идеи Горькаго. Скорѣе наоборотъ Изъ монолога Сатина видно, что для него человѣкъ не цѣль, а средство: „человѣкъ—вотъ правда! Что такое человѣкъ?... Это не ты, не я, не они... нѣтъ! Это ты, я, они, старикъ, Наполеонъ, Магометъ... въ одномъ! Понимаешь? Это—огромно! Въ этомъ—всѣ начала и концы.. Все—въ человѣкѣ, все—для человѣка и таже мысль высказана и въ алегоріи „Человѣкъ" (1903), гдѣ человѣкъ пишется уже съ большой буквы. Индивидуалистическій по формѣ монологъ Сатина приходится сильно заподозрить именно со стороны его индивидуализма.

Пьесой „На днѣ" Горькій поднялся до апогея своей литературной и сценической славы. Пьеса имѣла успѣхъ и у насъ, и на Западѣ. Въ Берлинѣ она шла около 1000 разъ, и вдумчивые нѣмцы съ особеннымъ вниманіемъ вслушивались въ монологи Сатина, рѣчи Луки и другихъ дѣйствующихъ лицъ. „Дно"—кульминаціонный пунктъ славы Горькаго,—дальше начинается ея закатъ. Нужно надѣяться, что временный, но пока безспорный.

Горькій все болѣе и болѣе переходитъ на партійную точку зрѣнія и силится по мѣрѣ разумѣнія провести ее и въ своихъ произведеніяхъ. Онъ старается забыть, что онъ соколъ буревѣстникъ и не можетъ отрѣшиться отъ своей натуры. Волевое начало всегда проявляется у Горькаго сильнѣе всего, какъ и у его героевъ. Ѳома, Сашка,—гулящая дѣвушка хотятъ

[1]) Ив. Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. II.

сказать все и боятся, что если скажутъ, душа ихъ опустошится. Но сказать всю правду, выплюнуть ее въ лицо жизни— хочется. Такъ и Илья въ повѣсти „Трое“ торопится раскрыть всё, что знаетъ, и дѣлаетъ въ обществѣ скандальныя разоблаченія о своей любовницѣ. Ежовъ хотѣлъ бы „плюнуть въ рожу всей интеллигенціи“.

Горькій тоже давно уже подбирался къ интеллигенціи. Онъ и раньше никогда не любилъ ее. Теперь подошелъ моментъ,—быть можетъ и съ узко понятой „марксистской“ точки зрѣнія обрушиться на русскую интеллигенцію, какъ quantité negligeable. Горькій продѣлываетъ эту аттаку со всей свойственной его натурѣ стремительной страстностью въ „Дачникахъ“ (1904). Проникшись вѣрой въ соціализмъ, какъ ученіе, всесторонне разрѣшающее всѣ проблемы жизни, и признавъ, что пролетаріатъ является носителемъ и выразителемъ идеаловъ соціализма, Горькій почувствовалъ возможность сдѣлать выпадъ противъ интеллигенціи, объявивъ ее ненужнымъ соромъ жизни. Это—„дачники“,— пришли, насорили, насмѣтили, а за ними простой народъ долженъ подметать. Свое отношеніе къ „Дачникамъ“ Горькій выражаетъ устами Власа, молодого человѣка, выгнаннаго изъ многихъ учебныхъ заведеній, не мирящагося съ мѣщанствомъ жизни и людей и потому непрерывно будирующаго. Интеллигентовъ Власъ высмѣиваетъ въ своемъ стихотвореніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „маленькія нудныя людишки ходятъ по землѣ моей отчизны, ходятъ и уныло ищутъ мѣста, гдѣ бы можно спрятаться отъ жизни. Все хотятъ дешевенькаго счастья, сытости, удобствъ и тишины, ходятъ и—все жалуются, стонутъ, сѣренькіе, трусы и лгуны. Маленькія, краденыя мысли... Модныя, красивыя словечки... Ползаютъ тихонько съ краю жизни, тусклые, какъ тѣни, человѣчки“.

Маленькіе, нудные людишки! Ищутъ мѣста, гдѣ бы можно спрятаться отъ жизни,—такъ характеризуется огуломъ вся русская интеллигенція. Правда, въ той же пьесѣ выставлено и нѣсколько симпатичныхъ интеллигентовъ, ведущихъ видимо партійную работу. Горькій имъ сочувствуетъ. Весьма возможно, что они обрисованы слишкомъ эскизно только по цензурнымъ соображеніямъ,—и все таки общее впечатлѣніе отъ пьесы таково, что нападки Горькаго относятся ко всей интеллигенціи. Ея роль въ русской жизни совершенно непонята Горькимъ и низведена на нѣтъ.

„Маленькіе людишки“,—мозгъ и совѣсть страны. Заслуги ихъ передъ родиной громадны. Хотя и трудно дать точное опредѣленіе того, что такое интеллигенція, нельзя точно выяснить, въ какой мѣрѣ она носила въ каждую данную эпоху черты классовой психологіи, однако для насъ всѣхъ ясно, что Радищевъ и Новиковъ это представители русской интеллигенціи, декабристы—интеллигенція, Бѣлинскій, Тургеневъ, Толстой, Чернышевскій, Михайловскій, Плехановъ, Леонидъ Андреевъ—интеллигенція; наши борцы и мученики за свободу

никогда „уныло не искали мѣста, гдѣ бы можно было спрятаться отъ жизни“,—наоборотъ, ихъ упрятывали отъ жизни такъ далеко, что часто не было уже и возврата къ жизни...

Образъ Бѣлинскаго — это живое воплощеніе великихъ исканій русской души, этотъ факелъ свѣтозарный въ потемкахъ долгой николаевской ночи, благородный печальникъ о русской жизни, быстро сгорѣвшій отъ великаго пламени любви,—защититъ русскую интеллигенцію отъ несправедливыхъ и непродуманныхъ нападокъ. Споръ объ интеллигенціи и ея роли еще не конченъ. Но большинство вдумчивыхъ и тонкихъ умовъ признаютъ эту роль во всякомъ случаѣ не конченной и достаточно значительной. Горькій смѣшалъ интеллигенцію съ культурными дикарями. Не всякій господинъ, получившій дипломъ высшаго учебнаго заведенія и надѣвшій сюртукъ можетъ быть названъ интеллигентомъ. Инженеры, врачи, юристы, педагоги могутъ хорошо вести свое профессіональное дѣло и вовсе не быть интеллигентами. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы Горькаго, Варвара Михайловна справедливо говоритъ „Дачникамъ“: „интеллигенція—это не мы“.

Но и тѣ, кого Горькій готовъ признать интеллигенціей, едва-ли заслуживаютъ этого имени. Въ пьесѣ „Дачники“ — наиболѣе симпатичное Горькому лицо — Власъ, пописывающій стишки и презирающій всѣхъ окружающихъ его дачниковъ. Что собственно говоря представляетъ онъ собою?—недоучку, малограмотнаго и малосознательнаго человѣка. Его общественные идеалы неясны. У него, какъ и у большинства горьковскихъ героевъ, есть зудъ воевать, но во имя чего воевать—совсѣмъ не видно. По крайней мѣрѣ конецъ пьесы совсѣмъ не содѣйствуетъ выясненію идеи пьесы. Является богатый сибирякъ—Двоеточіе, сильный человѣкъ, большой любитель женскаго пола и увлекаетъ за собою Власа и его сестру. Власъ будетъ помогать Двоеточію строить гимназію въ какомъ-то провинціальномъ городѣ. Если-бы не знать личныхъ симпатій автора, то можно бы подумать, что онъ сторонникъ „малыхъ дѣлъ“—до того неожиданно и странно заканчивается пьеса.

Вообще положительные типы произведеній Горькаго—полная загадка; это не живые люди, а раскрашенныя этикетки. Имъ нужно вѣрить на честное слово автора. Ими можно увлекаться по довѣрію къ тѣмъ соціалистическимъ взглядамъ, которымъ они служили, и которые, повидимому, составляли внутреннее содержаніе ихъ личности. Вмѣсто живыхъ людей передъ нами выступаютъ аллегоріи,—деревянные неколебимо безупречные въ своей неподвижности манекены.

По мѣрѣ того, какъ Горькій отходитъ все дальше и дальше отъ обычной сферы своихъ наблюденій,—творчество его дѣлалось все болѣе и болѣе разсудочнымъ, тенденціознымъ, не художественнымъ.

„Дѣти солнца“ уже ничего не вносятъ въ литературную

характеристику писателя. Мало по малу интересы дня и публицистика, совершенно несвойственная автору, овладѣваютъ имъ. Волевое начало опять даетъ себя знать Горькому хочется дѣйственной жизни, поступковъ, борьбы, ему соблазнительна роль „вождя“, сокрушителя гнилыхъ стѣнъ абсолютизма. Роль, для которой онъ не былъ достаточно подготовленъ: ему не хватало теоретическаго образованія, систематическихъ знаній На эту роль невольно увлекаютъ его событія русской жизни, толкаютъ его новые друзья.

Въ Гапоновскіе дни Горькій участвуетъ въ депутаціи писателей къ министру внутреннихъ дѣлъ. Общественная популярность Горькаго росла съ каждымъ днемъ, кружила голову... Казались возможными сказки жизни. Соколы готовы были повѣрить, что скоро само небо можно будетъ свести на землю

Горькій уѣзжаетъ за-границу. Начинается періодъ памфлетовъ и публицистики. Нельзя не сознаться, что это самый слабый жанръ въ творчествѣ Горькаго. Для публицистики у него тоже нѣтъ соотвѣтствующей подготовки, начитанности, дисциплины мысли.

Политическій юморъ Горькаго тяжелъ, неуклюжъ, грубъ и въ общемъ не производитъ хорошаго впечатлѣнія. Всѣ эти саркастическія интервью, американскія сценки, картины города „желтаго дьявола“ лубочны и недостигаютъ намѣченной цѣли.

Это не жанръ Горькаго.

Къ тому же въ нѣкоторыхъ случаяхъ Горькій дѣлаетъ прямо непростительные промахи и съ точки зрѣнія тѣхъ политическихъ теорій, сторонникомъ которыхъ онъ считаетъ себя. Особенно тягостное впечатлѣніе произвелъ выпадъ противъ „прекрасной Франціи“, которой Горькій хочетъ плюнуть въ лицо за то, что она даетъ деньги русскому правительству на борьбу съ освободительнымъ движеніемъ.

На этотъ разъ страсть М. Горькаго къ плевкамъ сыграла съ нимъ скверную шутку. Писатель съ марксисткими симпатіями долженъ былъ бы твердо помнить, что выносить за одну скобку населеніе всей страны невозможно, что въ ней, какъ и всюду существуютъ классы съ интересами иногда почти противуположными. Франція золотыхъ мѣшковъ ничего общаго не имѣетъ съ Франціей Жореса, Геда, Лафарга. Французскіе рабочіе, конечно, не были заинтересованы въ тѣхъ займахъ, которые. совершались въ финансовыхъ кругахъ Парижа. Давно не подлежитъ спору, что капиталъ космополитиченъ и не связанъ этическими соображеніями. Деньги не пахнутъ. „Плевокъ“ Франціи лучшее свидѣтельство, что Горькій не созданъ для публицистики, и дѣятельность его въ этомъ направленій не вплела лавровъ въ его литературный вѣнокъ. Не много содѣйствовали славѣ М. Горькаго и его новыя литературныя произведенія.

Тянувшійся въ теченіе всего 1906 года романъ „Мать“, несмотря на нѣсколько блестящихъ страницъ—въ общемъ сла-

бое и тенденціозное произведеніе. Оно преслѣдуетъ скорѣе дидактическо-пропагаторскія цѣли. И не достигаетъ результатовъ. Длинный, тягучій романъ, написанный не подъ живыми впечатлѣніями личныхъ наблюденій, а такъ, отъ ума, апріорно,—съ трудомъ дочитывается до конца.

Горькій пробуетъ дать намъ образцово-пролетарскій романъ, и получается что то въ родѣ „Записокъ крестьянина“ Эркмана-Шатріана. Горькій не знаетъ рабочей среды. На фабрикѣ онъ никогда не работалъ и не жилъ. Писатель зналъ рабочихъ типа Коновалова, но это совсѣмъ другіе, не фабричные рабочіе. Потому такъ и трудно остаться ему въ атмосферѣ фабричнаго быта. Его рабочіе, будучи распрогандированы, быстро покидаютъ фабричную среду и превращаются въ профессіональныхъ революціонеровъ. Таковъ Павелъ, (развитіе типа Нилъ-Власъ—Горькій) который дѣлается агитаторомъ, сближается съ партійнымъ кружкомъ интеллигентовъ, сливаясь съ интересами революціи. О фабрикѣ, о жизни рабочихъ, психологіи разнообразныхъ слоевъ рабочей среды, о своеобразныхъ условіяхъ пролетарскаго быта Горькій почти ничего не говоритъ, и вскорѣ вовсе о нихъ забываетъ.

Необыкновенной метаморфозѣ подвергаетъ авторъ мать Павла, простую, забитую неграмотную женщину, которую усердно колотилъ покойный пьяница мужъ, тоже рабочій, и которая какъ то сразу преображается въ интеллигентную женщину подъ вліяніемъ проповѣди соціализма. Чрезвычайно быстро учится она грамотѣ, еще быстрѣе пользуется грамотой для самообразованія, а во второй части романа мать Павла напоминаетъ уже опытныхъ революціонерокъ—идейную подвижницу, въ родѣ извѣстной „бабушки“. Она очень удачно распространяетъ прокламаціи и всякій другой матеріалъ, всегда при этомъ ловко успѣваетъ уйти отъ преслѣдованія... Мать Павла,—такая же сантиментальная выдумка, какъ мать „Бѣдной Лизы“ Карамзина, напоминающая старушку чиновницу на пенсіи, а не крестьянку.

Все содержаніе романа даетъ крайне одностороннюю и едва ли близкую къ дѣйствительности картину рабочаго движенія. Нѣтъ тутъ мѣста ни профессіональному движенію, ни разнымъ экономическимъ теченіямъ въ средѣ рабочихъ, ни отношеніямъ къ нимъ фабричной администраціи и владѣльцевъ фабрики. Если вѣрить Горькому, то можно подумать, что все соціалистическое движеніе сводится къ революціонной агитаціи вообще и въ особенности среди крестьянъ, на которыхъ обращены съ упованіемъ взоры дѣйствующихъ лицъ „Матери“. Для всѣхъ, увѣровавшихъ въ соціализмъ, впереди одна дорога—въ тюрьму.

— Для всѣхъ насъ впереди — тюрьма, говоритъ Павелъ матери: ты ужъ такъ и знай.

Въ самомъ содержаніи романа чувствуется какой то умильно-сладостный тонъ. Соціалистическая пропаганда дѣйствуетъ на всѣхъ, какъ волшебный напитокъ. Она сразу перерождаетъ

людей, Горькій переноситъ въ нашу сѣрую дѣйствительность мечты, связанныя съ эпохой грядущаго торжества соціализма. Автору „Матери“ кажется, что стоитъ только усвоить новое ученіе, какъ оно сразу же озаритъ жизнь, словно откровеніе, новымъ свѣтомъ, новою любовью, преображенной психологіей.

Одинъ изъ героевъ—хохолъ, такъ изображаетъ свои настроенія послѣ обращенія въ соціализмъ.

— Новое сердце въ жизни растетъ... всѣ сердца здоровыми своими кусками слагаются въ одно огромное сердце, сильное, глубокое, чуткое, въ серебряный колоколъ .. котораго (который?) еще не было отлито! Вотъ онъ благовѣститъ намъ... и т. д „Я все снесу, все вытерплю... потому что есть во мнѣ радость, которой никто, ничто, никогда не убьетъ“.

По Горькому соціализмъ — не только опредѣленная соціально-экономическая система, проведеніе которой въ будущемъ дастъ справедливую обстановку для труда и такимъ путемъ оздоровитъ жизнь въ ея корняхъ,—общественныхъ и моральныхъ—нѣтъ, соціализмъ откровенное ученіе, подобно христіанству: кто въ него увѣровалъ, сейчасъ уже можетъ быть счастливъ и нравственно переродиться.

Такой взглядъ на соціализмъ конечно крайне наивенъ и лишенъ всякой научности.

Желательное не слѣдуетъ смѣшивать съ существующимъ и отъ будущаго неправильно проектировать къ настоящему. Люди остаются людьми; они продуктъ условій, *дѣйствующихъ* въ жизни, а не тѣхъ, которыя когда нибудь явятся въ отдаленномъ будущемъ. Правильная теорія, или хотя бы только признаваемая таковой соціальная теорія, конечно, можетъ вліять на настроеніе человѣка, но преобразить его до неузнаваемости, до полнаго перерожденія,—это значило бы отрицать вліяніе среды на человѣка.

Нельзя отрицать, что романъ Горькаго написанъ съ извѣстнымъ воодушевленіемъ, съ большимъ лирическимъ подъемомъ, которому нельзя отказать въ извѣстной искренности. Но эти достоинства не искупаютъ недостатковъ. Романъ остается все же агитаціоннымъ панегирикомъ, изображаетъ жизнь односторонне, не полно, а потому и тенденціозно. Въ самомъ языкѣ повѣсти чувствуется какая то ораторская приподнятость и искусственность. Это языкъ мелодраммы:

— Сердце ея одѣлось на секунду ѣдкимъ дымомъ страха и снова ярко вспыхнуло, разсѣявъ дымъ.

— Тѣло вздрагивало въ ожогахъ боли и т п.

Многія скажутъ ...tamen est laudanda voluntas! Романъ преисполненъ прекрасными намѣреніями, онъ дышетъ вѣрой въ лучшее будущее;—онъ будетъ полезенъ читающей публикѣ изъ рабочей среды паѳосомъ благородныхъ настроеній, любви и ненависти...

Мы не можемъ согласиться съ такой оцѣнкой и такимъ критеріемъ въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. Съ высоты утилитаризма ихъ судить не подобаетъ. Что плохо, то

плохо для всѣхъ: гдѣ нѣтъ художественной правды, нѣтъ и художественнаго наслажденія, нѣтъ и плодотворнаго вліянія на душу читателя. Конечно, для мало подготовленной публики и битва русскихъ съ кабардинцами, и громкая мелодрамма можетъ оказаться источникомъ высокихъ чувствъ и настроеній; но отъ этихъ настроеній быстро и отрѣшаются на слѣдующей-же ступени художественнаго и умственнаго развитія и разочарованіе можетъ быть *только* вреднымъ. Отъ большого художника,—а Горькій большой художникъ,—мы вправѣ требовать безупречно художественнаго матерьяла. Пусть авторъ ошибается, пусть погрѣшитъ и противъ той или другой научной или социальной теоріи, нужно только одно: что-бы онъ былъ *вѣренъ* самому себѣ, что-бы онъ былъ правъ передъ своей *художественной* совѣстью, что-бы онъ изображалъ то, что знаетъ, что видѣлъ, пережилъ, перечувствовалъ всѣми своими нервами, всѣмъ своимъ существомъ.

Нельзя творить по заказу, нельзя писать художественныя вещи съ опредѣленной дидактической цѣлью. Художникъ пишетъ,—что душа его поетъ; а пѣсня души подсказана всей жизнью человѣка, а не тѣми или другими партійными настроеніями. Какъ человѣкъ, какъ гражданинъ М. Горькій можетъ всецѣло сочувствовать рабочему движенію въ опредѣленныхъ ортодоксальныхъ и практическихъ формахъ марксизма, можетъ вѣрить въ программу и слѣдовать ей въ практической дѣятельности Какъ художникъ Горькій совсѣмъ другой человѣкъ, съ особо анархической индивидуальностью, со своеобразными волевыми порывами и въ высшей степени оригинальными, своими переживаніями. Горькій, изображающій босяковъ, лишнихъ людей, Силаныча на плотахъ—большой и искренній художникъ, мастеръ своего дѣла, творецъ новыхъ художественныхъ цѣнностей. Но когда Горькій переноситъ въ свое творчество опредѣленныя политическія цѣли и къ *нимъ* подгоняетъ свою душу и свое творчество, онъ только неудачный тенденціозный писатель. Какъ художникъ, какъ темпераментъ, Горькій никогда не былъ марксистомъ и не могъ имъ быть. Какъ марксистъ, онъ никогда не сможетъ быть художникомъ, самимъ собой въ своемъ творчествѣ. Пролетарскій писатель еще не родился.

Предоставимъ практической политикѣ марксизмъ, и свободному художнику свободное искусство. И если-бы художникъ Горькій въ своихъ художественныхъ вдохновеніяхъ далеко ушелъ отъ марксизма и сталъ проповѣдовать до конца дней своихъ болѣе свойственный ему анархическій индивидуализмъ, взирая сквозь призму его на самую жизнь—то мы обрѣли бы вновь *настоящаго* Горькаго и были бы избавлены отъ цѣлаго ряда произведеній, въ которыхъ мы не видимъ ни одного, достойнаго имени славнаго писателя, и которыя привели только къ разочарованію (думаемъ временному) въ писателѣ съ богатымъ и еще не израсходованнымъ запасомъ художественныхъ впечатлѣній и переживаній.

V.

Послѣдующія произведенія Горькаго только подтверждаютъ вышесказанное. Драма „Враги", изображающая столкновеніе двухъ міровъ: представителей труда и капитала написана слишкомъ эскизно, почти трафаретно и только въ отдѣльныхъ фигурахъ пьесы чувствуется прежнее мастерство художника и яркость красокъ, подсказанныхъ наблюденіемъ. Но герой разсказа рабочій обнаруживаетъ явно интеллигентскую психологію и соотвѣтственно-покровительственное отношеніе къ рабочимъ. Плехановъ хвалитъ это произведеніе за его близость къ доктринѣ [1]), но художественныя достоинства пьесы намъ кажутся незначительными. Совсѣмъ блѣдная пьеса „Варвары" на старую тему вторженія въ сонное царство патріархальнаго города новыхъ варваровъ—желѣзнодорожныхъ строителей инженеровъ.

Пьеса „Послѣдніе"—образецъ тенденціозности, мутящей взоръ художника. Герои этого произведенія полицейскіе. Сюжетъ для русской литературы не новый — со времени „Ревизора". Русскіе писатели съумѣли и въ этомъ несимпатичномъ мірѣ взяточниковъ и хищниковъ сохранить художественное чувство мѣры и чувство человѣчности. Горькій весь горитъ ненавистью Это чувство туманитъ его взоръ, наполняетъ жолчью, толкаетъ его перо въ область злобнаго памфлета. Онъ кидается съ обухомъ на комара. Всѣ полицейскіе у Горькаго нравственные и физическіе уроды. Одинъ сифилитикъ, другой паралитикъ, третій алькоголикъ. И дѣти ихъ такія-же жалкія созданія. Герой полиціймейстеръ опорачиваетъ невиннаго человѣка, утверждая, что это именно онъ покушался на его жизнь, хотя въ этомъ онъ и неувѣренъ. Это такой „истинно полицейскій" человѣкъ и „патріотъ", что даже у себя дома, прохаживаясь по комнатѣ изъ угла въ уголъ, онъ насвистываетъ не что нибудь иное, а „Боже, Царя храни"...

Такъ въ увлеченіи тенденціей Горькій забываетъ всякое чувство мѣры и элементарной правды.

Отсутствіемъ правды и знанія страдаетъ и длинная повѣсть „Жизнь ненужнаго человѣка", въ которой Горькій пытается заглянуть за высокія стѣны Департамента Полиціи и изобразить бытъ и нравы Охраннаго Отдѣленія.

Бытъ и нравы—тема очень интересная, но гдѣ-же Горькій изучалъ этотъ бытъ? О немъ онъ можетъ знать только по наслышкѣ, по догадкѣ и по немногимъ и отнюдь недобровольнымъ встрѣчамъ и столкновеніямъ.

Неудивительно, что Горькому приходится придумывать это произведеніе и вмѣсто фактовъ заполнять его разсужденіями и болѣе чѣмъ сомнительной психологіей „охранныхъ" душъ.

---

[1]) „Современ. міръ" 1907 V.

Герой „Жизни ненужнаго человѣка“—ненужный человѣкъ—Евсѣй Климковъ. Съ дѣтства уже мечталъ онъ о томъ, какъ бы жить такъ, что-бы его никто не видѣлъ, а онъ бы видѣлъ всѣхъ. Уже въ дѣтской душѣ зарождается по Горькому психологія будущаго охранника. И вотъ судьба или вѣрнѣе Горькій улыбнулись Климкову: его мечты осуществились, ему дано мѣсто филера и онъ приставленъ для наблюденій за писателемъ Мироновымъ. Дѣлаетъ онъ свое дѣло такъ глупо и безпокойно, что сразу-же обращаетъ на себя вниманіе писателя, и тотъ, разсерженный приставаніями Климкова, передаетъ черезъ него охранкѣ категорическую и очень лаконическую просьбу—уберите отъ меня этого болвана.

Самъ Климковъ чувствуетъ, что онъ плохой филеръ и мечтаетъ уйти въ монастырь,—не для Бога, а такъ, для душевнаго спокоиствія. Горькій усердно занимается психологіей своего скорбноголоваго сыщика, но и послѣ изряднаго количества печатныхъ листовъ мы ничего не знаемъ о Климковѣ другого, кромѣ того, что онъ просто болванъ. У этого болвана много товарищей по профессіи, и всѣ они по волѣ автора много и усердно заняты самоанализомъ и взаимными лирическими изліяніями. Всѣ эти сыщики, конечно, физически и морально грязны и жалки; но они не чужды и угрызеній совѣсти Одинъ изъ нихъ, Маклаковъ, баринъ, и оберъ-сыщикъ, но съ уязвленною душою. И какъ легко уязвилась его сыщицкая душа. Дѣлалъ Маклаковъ обыскъ у писателя Миронова и весь трясся въ припадкѣ неподдѣльной лихорадки. Писатель Мироновъ предложилъ больному порошокъ хинина. Проглотилъ это Маклаковъ хину: во ртѣ горько, а на душѣ стало еще горше. „Въ душѣ — бунтъ“. Отъ угрызеній совѣсти и стыда Маклаковъ бросаетъ службу, бѣжитъ въ Америку, а писателю Миронову пересылаетъ дневникъ своихъ воспоминаній. Одного порошка хины было достаточно, что-бы заправскій сыщикъ преобразился и исправился

Рядомъ съ Маклаковымъ и подъ его начальствомъ цѣлая группа сыщиковъ.

Вотъ Саша—сифилитикъ, бывшій студентъ, жестокій и кровожадный агентъ, мечтающій о томъ, что-бы сжечь на кострѣ всѣхъ либераловъ, генераловъ, революціонеровъ, распутныхъ бабъ. Онъ не чуждъ особаго охранно-зубатовскаго народничества и искренне мечтаетъ о томъ, что-бы устроить для мужиковъ сытую жизнь.

Маклакова онъ ненавидитъ, какъ барина. Онъ ненавидитъ всю барскую культуру и хочетъ на всѣхъ воздвигнуть казнь. Это въ изображеніи Горькаго какой то народный мститель, прозрѣвшій мужикъ, ничѣмъ не подкупленный и видящій своихъ враговъ даже въ шпіонахъ изъ господъ. По Горькому это только не сознательный демократъ, стоитъ ему выяснить истинныя пути и формы борьбы за мужика: и онъ, очевидно, не взирая на свой сифилисъ и проч. перейдетъ въ лагерь истинныхъ друзей народа.

Рядомъ съ Сашкой стоитъ другой охранникъ—Мельниковъ. Это—искатель правды. Угрюмый, молчаливый онъ внимательно прислушивается къ рѣчамъ сыщиковъ на ихъ... митингахъ Да, такіе митинги существуютъ! На нихъ, послѣ рескрипта, даннаго на имя министра Булыгина (18 февраля 1905) съ обѣщаніемъ „конституціонныхъ“ реформъ, сыщики обсуждаютъ положеніе вещей. выясняютъ свое отношеніе къ предстоящимъ измѣненіямъ въ общественно-правовой жизни и,—по увѣреніямъ Горькаго, проэктируютъ организацію черносотеннаго движенія.

Мельниковъ все молчитъ и только по временамъ ударяетъ изо всей мочи кулакомъ и рычитъ:

„Желаю знать—гдѣ правда“?

На рабочемъ собраніи, гдѣ Мельниковъ присутствуетъ по „долгу“ службы, онъ слышитъ однажды рѣчь рабочаго агитатора, излагающаго довольно обычныя въ то время истины:

— Только народъ—истинный и законный хозяинъ жизни! Ему вся земля и вся воля!

— Вѣрно! Рычитъ Мельниковъ.

— „Что-ты, что-ты, усовѣщиваетъ Мельникова товарищъ по „долгу“ службы, другой сыщикъ: вѣдь это соціалистъ говоритъ, поднадзорный...“

Но Мельникову это не важно

— Убирайся ты... Все равно, кто правду говоритъ...

Стоитъ только сыщику узнать, гдѣ правда, и онъ будетъ апплодировать соціалисту. Такъ думаетъ добродушный и на этотъ разъ благожелательный къ человѣку авторъ. И дѣйствительно, 18 октября 1905 года Мельниковъ идетъ съ краснымъ флагомъ во главѣ толпы манифестантовъ, торжествующихъ дни свободы. Впрочемъ, еще черезъ день Мельниковъ попадается на удочку черносотеннаго „народничества“ и уже во главѣ черносотенной манифестаціи оретъ:

— Не хотимъ обмана... Долой крамолу... Обманщиковъ долой.

Такъ Горькій изображаетъ охранное отдѣленіе. Если вѣрить ему, то тайная полиція имѣетъ свою особенную идеологію; среди ея сочленовъ—многочисленные приверженцы народа, правда, заблуждающіеся въ путяхъ и способахъ служенія народу, но все-же искренне убѣжденные люди, только по своей неосвѣдомленности и по недобросовѣстности руководителей творящіе зло и защищающіе организованное насиліе.

Не жизненность образовъ, наивная идеализація „отъ ума“ мало знакомой автору среды, придуманность, полное отсутствіе чувства мѣры, отсутствіе въ романѣ движенія, дѣйствія, интриги—дѣлаютъ изъ „Жизни ненужнаго человѣка“ скучнѣйшее изъ произведеній Горькаго.

А между тѣмъ, сколько сказочнаго и фантастическаго на самомъ дѣлѣ заключается въ нѣдрахъ нашихъ охранныхъ отдѣленій, и какія пикантныя тайны и потрясающія разоблаченія преподноситъ намъ дѣйствительность,—этотъ занима-

тельный и необычайный сказочникъ въ сравненіи съ которымъ часто меркнетъ самая пылкая фантазія поэтовъ.

VI.

Репутація М. Горькаго явно клонилась изъ года въ годъ къ полному упадку. Каждое новое произведеніе Горькаго вызывало новыя разочарованія. О немъ какъ то неохотно говорили. Его не читали. Лекціи о немъ привлекали гораздо меньше публики, чѣмъ о многихъ другихъ писателяхъ. Даже на сценѣ все рѣже и рѣже шли пьесы М. Горькаго.

Отъ полнаго забвенія, писателя спасло послѣднее его произведеніе — повѣсть „Исповѣдь"; она неизмѣримо выше предыдущихъ произведеній писателя, а главное - она пытается дать отвѣтъ на вопросы, которые стоятъ на очереди дня въ особенности теперь въ сезонѣ 1908—1909 года. Этотъ сезонъ безспорно прійдется признать періодомъ религіозно-философскихъ интересовъ,—именно интересовъ, а не исканій, потому что глубины и порыва въ области новыхъ поисковъ религіознаго сознанія нельзя признать. Мы имѣемъ дѣло съ несомнѣнно переходной и довольно кратковременной модой. Исчезли общественные интересы, образовалось пустое пространство,—нужно было чѣмъ нибудь его заполнить. Годъ назадъ увлекались вопросами пола и забрались въ порнографію; въ сезонѣ 1908—1909 года интересовались славянскимъ вопросомъ и вопросами „новаго религіознаго сознанія". Опять зашевелилось религіозно-философское общество; вновь сталъ вѣщать Д. О. Мережковскій, заговорили мистики. Луначарскій уже давно пробовалъ строить религію на соціалистической основѣ [1]); подъ видимымъ вліяніемъ книги этого послѣдняго написана и повѣсть М. Горькаго.

Въ ней Горькій пробуетъ поставить соціализмъ въ основу новой религіи и доказать, что коллективное творчество народа, проникшагося соціализмомъ, можетъ создать живого Бога и дать человѣку полноту міропониманія и міроощущенія Попытка не новая, но наряженная въ нѣсколько болѣе новыя формы и краски. На ней стоитъ остановиться.

Горькій создаетъ для своихъ исканій Бога очень оригинальную обстановку. Его герой—Матвѣй—незаконный сынъ, узаконенный лавочникомъ, сначала благочестивъ по старому, вѣренъ традиціямъ господствующей церкви, потомъ ради личнаго счастья начинаетъ творить за одно съ лавочникомъ всяческія кривды, потомъ все это бросаетъ, теряетъ любимую жену и идетъ скитаться, чтобы найти Бога и правду.

Въ этой повѣсти Горькій опять возвращается къ любимой своей средѣ—степямъ и лѣсамъ, къ старымъ своимъ любимцамъ—босякамъ. Но только новые босяки не совсѣмъ похожи на прежнихъ. Это какіе то чистенькіе, благообразные, умильные и кротко-благочестивые люди.

---

[1]) Чит. А Луначарскій Религія и соціализмъ.

Вотъ дьячокъ Ларіонъ съ тонкимъ голосомъ и женскимъ сердцемъ, до всѣхъ ласковымъ. Рядомъ съ нимъ Савелка Мигунъ, очень похожій на Ларіона, а еще больше на любителя птицъ Перчихина (изъ „Мѣщанъ“) Оба горькіе пьяницы. А напьются, поютъ умильно разные божественные канты и пѣсни. Хоть и пьяница онъ „заливной“, и даже въ острогѣ сидѣлъ, а по всему прочему рѣдкостный человѣкъ. Пѣсни и сказки такъ говорилъ, что невозможно вспомнить безъ удивленья. Хотѣли мужики убить Савелку за воровство, а онъ сталъ имъ пѣсни пѣть да такъ сладко и хорошо, что все ему простили мужики, легонько побили да и отпустили во свояси.

Все это разсказываетъ Горькій, чтобы показать, какіе въ сущности всѣ люди хорошіе.. Большой мастеръ Савелка на всякія прибаутки да пословицы, и много умныхъ и мѣткихъ замѣчаній высказываетъ онъ въ своихъ прибауткахъ. В. П. Кранихфельдъ тонко отмѣтилъ сходство съ Савелкой Мигуномъ въ этомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ Каратаева. И Савелка и дьячокъ Ларіонъ любятъ поговорить о божественномъ: о чертѣ, сатанѣ, о томъ, какая молитва угодна Господу Богу. Ларіонъ не вѣритъ въ чертей Савелка вѣритъ въ молитву мыслями, а не словами, онъ большой насмѣшникъ и не терпитъ лицемѣрія. Матвѣя онъ высмѣиваетъ за то, что тотъ читаетъ благочестивыя книги, а въ конторѣ обсчитываетъ мужиковъ. Таковы первые воспитатели Матвѣя на пути его религіозныхъ исканій. Затѣмъ воспитателями Матвѣя являются еще два странствующихъ духовныхъ лица, монахъ Серафимъ и отставной растрига попъ Іона. Словомъ, всѣ воспитатели будущаго адепта новаго религіознаго сознанія—„бывшіе люди“ или по просту босяки, но только утратившіе прежнюю анархическую дерзость и грубость, болѣе благообразные и шлифованные. Всѣ они какіе-то умиленные и умилившіеся люди. Если видѣть въ этихъ новыхъ краскахъ отраженіе новыхъ настроеній самого Горькаго, то прійдется, пожалуй, констатировать какую-то крупную перемѣну въ переживаніяхъ писателя прежняго Сокола, буревѣстника какъ не бывало. Передъ нами человѣкъ успокоившійся, нашедшій смыслъ жизни, познавшій ея радости, и безконечно счастливый той истиной, которую онъ обрѣлъ. Такое умиленіе жизнью едва-ли можно занести въ плюсъ писателю. Если это не временное увлеченіе, или,—что то-же возможно,—не манера письма, сознательно усвоенная авторомъ для опредѣленной художественно-публицистической цѣли, то это былъ бы зловѣщій признакъ наступающей старости, признакъ полнаго успокоенія и равновѣсія физическихъ и духовныхъ силъ; но вѣрится, что это не такъ, что передъ нами только одинъ изъ многихъ фазисовъ развитія богато одареннаго силами нашего писателя.

Въ новой повѣсти всѣ люди въ концѣ концовъ хороши. Даже грязный монахъ Миѳа, занимающійся противоестествен-

нымъ грѣхомъ; даже и въ немъ Горькій нашелъ черты человѣческаго. Онъ не хочетъ пользоваться милостью Матвѣя, который случайно подсмотрѣлъ развлеченія Михи, но не донесъ о нихъ игумену. Чувство независимости возстаетъ въ Михѣ противъ доброты и презрительнаго снисхожденія къ нему Матвѣя, и онъ бранитъ его послѣдними словами и кричитъ ему: „сгинь, гордецъ и еретикъ, да не введешь меня въ новый грѣхъ".

Такъ-же милы и всѣ мужики. Они ведутъ вора Савелку на казнь, но умиляются его пѣснями и отпускаютъ на свободу. Нечего и говорить, что заводскіе рабочіе, къ которымъ отправляется Матвѣй для обученія соціализму, оказываются чуть не сплошь прямо идеальными личностями... Въ новомъ свѣтѣ вырисовываются для Горькаго и брачныя отношенія. Прежнему стихійному влеченію уже нѣтъ мѣста. Страсть сама по себѣ уже не вполнѣ свята. Правда, Матвѣй, женившись, (въ началѣ повѣсти) сидитъ на постели обнявшись съ женой и плачетъ и смѣется вмѣстѣ съ супругой отъ нечаянной ими радости супружества. Но любовь освящается уже своей великой цѣлью—продолженія рода человѣческаго. Объ этомъ говоритъ сосланная въ монастырь красавица. У нея былъ незаконный сынъ, сына отняли, а ее заперли въ монастырь.. И вотъ эта красавица-монахиня говоритъ: „ребеночка хочу... какъ беременна буду, выгонятъ меня! Нужно мнѣ ребенка; если первый померъ,—другого хочу родить, и ужъ не позволю отнять его, ограбить душу мою. Милости и помощи прошу я, добрый человѣкъ: помоги силой твоей, вороти мнѣ отнятое у меня"...

Матвѣй соглашается выполнить обязанности самца; онъ проникается почтеніемъ къ женщинѣ: „забыли мы, что женщина Христа родила и на Голгофу покорно проводила его... и въ подлой жадности нашей потеряли цѣну женщинѣ, обращаемъ ее въ утѣху для себя, да въ домашнее животное для работы; оттого и не родитъ она больше спасителей міра" И Горькому кажется вполнѣ естественной другая просьба красавицы—инокини: „у меня здѣсь подружка, хорошая дѣвица, чистая, богатой семьи.. ой, какъ трудно ей, знаешь бы ты". Вотъ и ей бы тоже забеременѣть: когда ее выгонятъ за это—она бы къ матери крестной ушла. Матвѣй восклицаетъ:

— Господи, думаю я, вотъ несчастная...

Любовь сводится у Горькаго къ элементарнымъ обязанностямъ производителя рода.

Но не этотъ вопросъ является центральнымъ пунктомъ произведеній Горькаго. Половой вопросъ затронутъ мимоходомъ, какъ легкій откликъ на современныя темы. Главное—богоискательство. Горькій заставляетъ Матвѣя сначала увлечься церковной, традиціонной религіей,—православіемъ. Оно не удовлетворяетъ Матвѣя. Оно вѣдь не мѣшаетъ Матвѣю обворовывать, грабить и обманывать народъ. Въ церкви священные псалмы поются, а въ конторѣ ложные счета составляются. Когда у Матвѣя являются первыя сомнѣнія въ истинности

православія, консисторскій батюшка не находитъ иныхъ аргументовъ, кромѣ брани—„безумное животное, еретикъ, лжецъ, собака заблудшая“ и грозитъ въ полицію представить Матвѣя. Ясно, что „коли человѣкъ полицію зоветъ Бога своего поддержать, стало быть ни самъ онъ, ни Богъ его никакой силы не имѣютъ, а тѣмъ паче красоты “

„Славѣ Божіей, говоритъ Матвѣй, служатъ ангелы, а не полиція.“

Матвѣй ѣдетъ въ монастырь, но и тамъ, вмѣсто благочестія и исканія Бога, находитъ мерзость запустѣнія, развратъ, корысть, лицемѣріе, глупость и эпикурейство. Въ поискахъ за Богомъ ходитъ Матвѣй съ мѣста на мѣсто; во время своихъ странствованій онъ наталкивался на растригу-попа Іону, и тотъ посвящаетъ его въ тайну великую: Богъ живетъ не внѣ насъ, а внутри; онъ не отецъ, а сынъ духа нашего Истинные богостроители тѣ, которые тайно и усердно творятъ бога новаго—бога красоты, разума, справедливости и любви.

Кто-же эти богостроители?

„Это суть—народушко! неисчислимый міровой народъ! Великомученникъ велій, чѣмъ всѣ, церковью прославленные,“—тутъ Іона увлекается и прямо называетъ народъ богомъ: „сей бо еси Богъ, творяй чудеса! Народушко безсмертный, его-же духу вѣрую, его силу исповѣдую; онъ есть начало жизни единое и несомнѣнное; онъ отецъ всѣхъ боговъ, бывшихъ и будущихъ!“ „Народушко“ оказывается и отцомъ Боговъ и просто Богомъ.

Послѣ нѣкоторыхъ сомнѣній и колебаній Матвѣй окончательно увѣровалъ въ этого страннаго новаго бога и, окрыленный „величіемъ“ новаго ученія, начинаетъ молиться новому Богу по всѣмъ правиламъ церковнославянской молитвы:

— „Ты еси мой богъ и творецъ всѣхъ боговъ, соткавшій ихъ изъ красокъ духа своего въ трудѣ и мятежѣ исканій твоихъ!

Да не будутъ міру бози инїи развѣ тебе, ибо ты еси Богъ, творяй чудеса“.

Изъ какихъ элементовъ состоитъ этотъ богъ—народушко? Подъ народомъ у Горькаго разумѣются всѣ классы населенія, кромѣ людей бѣлой кости. „Народушко—весь рабочій народъ земли“, то есть онъ соединяетъ въ себѣ какъ рабочихъ въ тѣсномъ значеніи слова, такъ и мелкихъ собственниковъ, крестьянъ земельныхъ, малоземельныхъ и безземельныхъ.

Какимъ образомъ эти разнообразные элементы народа съ разной психологіей и разными интересами представляютъ изъ себя одного Бога живого съ одной, очевидно, психологіей правды, любви, разумности—это загадка, на которую Горькій не даетъ отвѣта, и не можетъ дать.

Когда то Гегель утверждалъ, что божественный разумъ проявляется въ исторіи человѣчества въ жизни каждаго народа; при чемъ каждый народъ въ разцвѣтѣ своей куль-

туры является новой все болѣе высокой ступенью проявленія разума въ жизни. Когда всѣ народы достигнутъ высшей ступени своего развитія,—человѣчество воспримет и проявитъ высшій разумъ въ высшей мѣрѣ. Развивая эту идею, наши славянофилы сначала пришли къ той мысли, что русскій народъ послѣдняя и самая совершенная ступень развитія человѣчества и отсюда постепенно перешли къ обожествленію русскаго народа Достоевскій считалъ русскій народъ богоносцемъ. Горькій пошелъ еще дальше: онъ призналъ свой „народушко“ просто Богомъ, началомъ жизни „единымъ и несомнѣннымъ“.

Это преклоненіе передъ народушкомъ, какъ передъ Богомъ, повидимому, объясняется какими то сбивчивыми представленіями *о религіи человѣчества*, религіи, которая черезъ Фейербаха, Конта и соціальныхъ мыслителей позитивной школы, явилась попыткой замѣнить традиціоннаго Бога церковной легенды. Боги по Фейербаху созданы по образу и подобію человѣка. Религія человѣчества, оставляя въ сторонѣ всякія мистическія и иныя толкованія, отказывается дать по существу отвѣтъ богоискателямъ. Она предлагаетъ человѣку удовлетвориться увѣренностью, что человѣчество обладаетъ достаточной дозой разума, что-бы въ концѣ концовъ создать здѣсь на землѣ соціальное счастье путемъ укрѣпленія на ней идей справедливости, добра, свободы, равенства.

Этой религіи человѣчества не чуждъ и соціализмъ. Съ точки зрѣнія научнаго соціализма пролетаріатъ явится носителемъ возможныхъ соціальныхъ правдъ,—добра и свободы. Его побѣда на землѣ явится побѣдой справедливости и любви. Пролетаріатъ создастъ новый общественный строй, въ которомъ не будетъ мѣста насилію, эксплуатаціи, угнетенію личности и всякой неправдѣ, злу, жестокости, неравенству. Но религія человѣчества, такъ понимаемая соціалистами, далека отъ обожествленія народа. На вопросъ о томъ, есть-ли Богъ или нѣтъ его, сторонникъ этой религіи отвѣчаетъ: „мнѣ до этого нѣтъ дѣла, но я увѣренъ, что человѣчество обладаетъ великимъ разумомъ и построитъ когда либо жизнь на самыхъ разумныхъ и гуманныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ соціальная религія человѣчества не отвѣчаетъ на многія чисто религіозныя исканія: какой смыслъ жизни? Почему существуетъ смерть? Кто былъ началомъ и первопричинной жизни? Безсмертенъ-ли человѣкъ? и т. д. все это проклятые вопросы, на которые тщетно ищетъ отвѣта современный человѣкъ въ философіи, въ мистическомъ опытѣ, въ религіи. Горьковскій Богъ—Народушко тоже не даетъ отвѣта на эти проклятые вопросы и потому никоимъ образомъ не можетъ быть названъ основой новой какой-то религіи.

Но Горькій упорно хочетъ создать новую религію. Бога уже онъ нашелъ, теперь необходимы догматы, чудо, и какое нибудь богооткровенное ученіе. О догматахъ Горькій поза-

былъ, но съ остальнымъ справился. Во время пребыванія въ Казанскомъ монастырѣ свершилось чудо: Богъ—Народъ обнаружилъ власть творить чудеса. Онъ заставилъ одну разслабленную дѣвицу, силою своего внушенія, встать на ноги и пойти. И душу Матвѣя (онъ-же Горькій) охватываетъ восторгъ.

— Великъ народъ русскій и неописуемо прекрасна жизнь!

Послѣ „чуда“, Матвѣй просидѣлъ цѣлую ночь въ лѣсу надъ озеромъ снова одинъ, но уже навсегда и неразрывно связанный душою съ народомъ, владыкой чудотворцемъ земли.

Конечно, и въ данномъ случаѣ Горькій только играетъ словами. Вѣритъ-ли онъ въ то, что нарушены были законы природы, что случилось то, что не могло бы случиться по законамъ природы. А вѣдь чудо только тогда и чудо, когда въ немъ вѣрующій видитъ нарушеніе законовъ природы, напримѣръ, воскресеніе изъ мертвыхъ. Намъ думается, что такому чуду Горькій не вѣритъ, что его „чудо“ просто живой и яркій примѣръ коллективной психологіи народа, примѣръ силы и мощи „соборнаго начала“. Въ этомъ смыслѣ народъ, охваченный единымъ настроеніемъ, безспорно великая и творческая сила, способная на многое. И если на людяхъ и смерть красна, то жизнь на людяхъ еще прекраснѣе. Но чуда въ мистическомъ смыслѣ слова все же еще нѣтъ въ случаѣ съ исцѣленіемъ разслабленной дѣвушки

Не особенно удачно и новое откровеніе, за которымъ Горькій направляетъ Матвѣя на Уральскіе заводы. Тамъ, среди заводскихъ рабочихъ, Матвѣй знакомится съ соціализмомъ. Но соціализмомъ не научнымъ, а какимъ-то фантастическимъ. Мы уже указывали по поводу повѣсти „Мать“, что соціализмъ Горькаго (въ данномъ случаѣ Михайлы, какъ въ „Матери“ Павла) носитъ черты религіозныя, онъ даетъ полное и обсолютное пониманіе истины. Это не ученіе о будущемъ коллективномъ строѣ и новой организаціи хозяйственныхъ отношеній въ связи съ опредѣленной теоріей катастрофы капиталистическаго строя (zusammenbruch xheovie), — для Горькаго соціализмъ великое откровеніе, перерождающее человѣка сейчасъ, немедля, при наличности современныхъ капиталистическихъ формъ жизни и внѣ всякой отъ нихъ зависимости. Очевидно, что этотъ соціализмъ—утопія, не имѣющая за собой никакихъ научныхъ основаній и реальныхъ корней въ жизни.

Но у Горькаго есть и еще одна болѣе чѣмъ странная ошибка, — какъ плодъ его религіозно соціалистическихъ увлеченій. Повѣривъ въ „Народъ“, въ коллективное начало, Горькій рѣшилъ, что это начало несовмѣстимо съ индивидуализмомъ, и категорически отвергъ его. Теперь онъ стоитъ на противуположномъ полюсѣ тѣмъ утвержденіямъ, которыя мы встрѣчали у Горькаго въ первый періодъ его литературной дѣятельности, теперь уже „гордый человѣкъ“ отвергнутъ окончательно и безповоротно. Человѣческое „я“ — жалкій ничтожный, презрѣнный комокъ мелкихъ желаній, злѣйшій врагъ человѣка. „Съ тѣхъ поръ, какъ первая человѣческая

личность оторвалась отъ чудотворной силы народа, отъ массы, матери своей и сжалась отъ страха передъ одиночествомъ и безсиліемъ своимъ въ этотъ жалкій комокъ" началась „дрянная и не достойная разума человѣческаго жизнь". И такъ,— нужно опять слиться съ коллективомъ и растопиться въ немъ.

Такое представленіе Горькаго объ исторіи развитія личности и ея будущемъ исчезновеній въ массѣ тоже не можетъ быть признано правильнымъ, возможнымъ и желательнымъ. Напротивъ, въ будущемъ личность должна еще болѣе разцвѣсти и вырости Именно новый коллективный строй создастъ для этого разцвѣта наиболѣе благопріятныя условія. Въ современномъ обществѣ личность подавлена и угнетена матеріальной, духовной и политической зависимостью отъ капитала. И люди физическаго труда и люди умственнаго труда боятся за завтрашній день, зависятъ отъ нанимателей и принуждены считаться съ ними. Страхъ потерять заработокъ, отстать отъ другихъ, не получить бо́льшихъ благъ и проч. не покидаетъ современнаго труженника. „Жена, дѣти"– обычный припѣвъ его. Да и богатые люди непрерывно зависятъ отъ рынка, кризисовъ, разныхъ случайностей, болѣе богатыхъ людей и т. д. При такой общей зависимости людей,—нѣтъ мѣста свободному развитію индивидуальныхъ чертъ. Только тогда, когда право на трудъ не будетъ покупаемо цѣною униженій, когда каждый честный работникъ всегда и обязательно найдетъ себѣ разумный заработокъ, дающій человѣку возможность вести разумную жизнь, только тогда откроется для человѣка возможность совершенствовать и развивать свои индивидуальныя дарованія. Личность не можетъ уже расплыться въ цѣломъ, она не потонетъ въ немъ, хотя и будетъ черпать въ немъ новые источники радости и наслажденія. Нельзя представить себѣ жизнь впереди иначе, какъ въ сочетаніи всѣхъ благъ коллективизма со всѣми благами свободнаго индивидуалистическаго развитія. Личность для человѣка—его „я"—само по себѣ великая цѣнность, сама цѣль, и безъ роста и автономій личности нельзя представить себѣ прогресса.

Попытка Горькаго создать новую религію должна быть признана въ высшей степени неудачной. Она можетъ только внести лишнюю путаницу понятій, но ничего не разъяснитъ и никого не удовлетворитъ. И Горькому и Луначарскому, автору книги о религіи, приходится сказать, какъ вѣрно указываетъ и Кранихфельдъ [1]), то, что Петръ Ягихъ сказалъ своему племяннику: „Ты, Мишка, нахватался церковныхъ мыслей, какъ огурцовъ съ чужого огорода наворовалъ, и смущаешь людей! Коли говоришь, что рабочій народъ вызванъ жизнь обновить—обновляй, а не подбирай то, что попами до дыръ заношено да и брошено".

Въ этомъ отношеніи всякая попытка подновить старыя религіи, влагая новое содержаніе въ старую форму и старую

[1]) „Соврем. Міръ" 1908 X.

терминологію, окажется безрезультатной. То, что до дыръ заношено, не годится для новаго творчества.

Причины оскудѣнія религіознаго творчества сложны. Религія зародилась въ колыбели человѣчества и вмѣстѣ съ нимъ переживала всѣ фазисы его развитія.

У первобытнаго человѣка пребывали въ сліянномъ, нераздѣльномъ видѣ и религія, и поэзія, и наука. Это объясняется тѣмъ, что въ первобытномъ человѣкѣ дѣйствовали слитно и умъ, и чувство, и фантазія,—при чемъ умъ находился въ стадіи младенчества и всецѣло подчинялся чувству и фантазіи. Когда человѣкъ видѣлъ на небѣ странное, непонятное и устрашающее его явленіе—молнію, сопровождаемую ударами грома, онъ испытывалъ сложное настроеніе, обусловленное дѣйствіемъ этого явленія и на его умъ, и еще въ большей степени на его чувство, и фантазію.

Но такъ какъ умъ былъ немощенъ и младенчески неопытенъ, то центръ тяжести переживаемаго человѣкомъ впечатлѣнія переходилъ въ область чувства и фантазіи. А чувство, какъ извѣстно, измѣняетъ размѣры предметовъ, увеличивая или уменьшая ихъ (у страха, напр, глаза велики, у спеси наоборотъ); фантазія, идя путемъ ассоціацій идей сходства, измѣняетъ предметъ до неузнаваемости, придаетъ ему новыя черты, одушевляетъ неодушевленное, превращаетъ гору въ человѣка, рѣку въ ребенка (у Гоголя Днѣпръ „нѣжится и прижимается къ берегамъ отъ ночного холода и засыпаетъ, какъ ребенокъ“, на лонѣ матери).

Когда первобытный человѣкъ видѣлъ на небѣ молнію, умъ его не въ силахъ былъ дать правильное объясненіе даннаго явленія и это объясненіе подсказывалось чувствомъ и фантазіей. Говоря, что по небу пролетѣлъ страшный огненный змій, человѣкъ удовлетворялъ и своей жаждѣ знанія (правда неудачно) и своему религіозному чувству (страхъ и благоговѣніе) и одновременно и поэтическому чувству. Наука, религія и поэзія тѣсно сплетались и сливались въ первобытномъ миѳѣ.

Страшный огненный змій, пронесшійся по небу и разбившій въ куски могучій дубъ или огненная стрѣла, выпущенная богомъ-охотникомъ изъ огромнаго лука,—это наивный отвѣтъ на пробуждающуюся пытливость человѣческаго ума, это и фактъ религіозный, это и продуктъ поэзіи, по скольку поэзія отвѣчаетъ на запросы фантазіи и ею создается. Вѣдь миѳъ объ богѣ-охотникѣ весь выросъ изъ сходства молніи со стрѣлою лука—по ассоціаціи сходства. Съ этой точки зрѣнія такой миѳъ—фактъ поэтическій. А по скольку онъ возбуждалъ чувство страха и благоговѣнія—онъ фактъ религіознаго сознанія. По скольку удовлетворяетъ жаждѣ знанія—научный фактъ. Древній миѳъ удовлетворялъ человѣка цѣликомъ, давалъ отвѣтъ на всѣ запросы его духа, его природы; импонировалъ человѣку, давалъ ему радостное ощущеніе цѣльнаго міровоззрѣнія, отвѣчающаго на всѣ запросы жизни...

Смыслъ жизни былъ ясенъ. Система миѳовъ не оставляла ничего неразгаданнаго или неяснаго. Она давала правила жизни, освящая обычаи, мораль, поведеніе, указывая цѣль, приподнимая завѣсу надъ тайнами смерти и загробной жизни, удовлетворяя своей поэтической красотой и фантастикой и требованіямъ нашего эстетическаго чувства. Въ этой цѣльности первобытнаго религіозно-поэтическаго воззрѣнія на природу, человѣка и жизнь,—вся его красота, вся его мощь и неотразимое обаяніе.

Первобытный человѣкъ могъ быть до извѣстной мѣры счастливъ и духовно спокоенъ. Противорѣчія жизни, ея страданія, ея зло, ея фатальныя возможности вызывали иногда взрывы пессимизма, но не повергали въ отчаяніе холоднаго безвѣрія Жизнь была наивно-красива, сказочна, пестра и привлекательна; несмотря на всѣ ужасы, она имѣла впереди заманчивыя и радостныя перспективы. Пока не была нарушена эта цѣльность міровоззрѣнія,—религія была властна надъ человѣкомъ. Но вотъ начинается процессъ дифференціи. Умъ постепенно эманципируется изъ подъ власти чувства и фантазіи; только поэзія и религія продолжаютъ пребывать въ дружномъ единеніи. Скоро однако и это единеніе должно нарушиться... Умъ все болѣе освобождается отъ предразсудковъ и, выясняя природу явленій путемъ научныхъ методовъ изслѣдованія, свободный отъ вліянія чувства и фантазіи, наноситъ непоправимые удары прежнему гармоническому сліянію всѣхъ духовныхъ силъ. Уже при Эврипидѣ миѳъ утратилъ свое религіозное обаяніе въ кружкахъ образованныхъ эллиновъ. Самъ Эврипидъ, напримѣръ, заставляетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Ифигеніи въ Авлидѣ“ разсказывать миѳъ о Ледѣ и прибавить къ этому весьма характерную фразу: такъ говоритъ миѳъ, если только можно вѣрить подобнымъ сказкамъ. Такой открытый скептицизмъ, повидимому, не возмущалъ толпы, наполнявшей театры, и не вызывалъ взрывовъ религіознаго негодованія. Миѳъ умиралъ въ своей религіозной сущности, оставался красивый символъ; оставался поэтическій образъ, которому поэты и философы придавали по желанію аллегорическій смыслъ.

Въ первоначальномъ христіанствѣ элементъ фантазіи игралъ сначала незначительную роль. На первомъ мѣстѣ стояло чувство, выдвигались этическія задачи. Только въ католицизмѣ въ эпоху его разцвѣта, въ средніе вѣка опять слились элементы фантазіи, чувства, и умъ вновь былъ подчиненъ имъ по принципу: философія—слуга теологіи. Богатая поэзія средневѣковья, причудливая фантастика языческихъ миѳологій сплеталась съ религіозно-христіанскими догматами, рыцарскимъ бытомъ, политическими планами папства и такъ создалось цѣльное средневѣковое міровоззрѣніе.

Въ тѣснинахъ этого міровоззрѣнія было слишкомъ тяжело человѣческому уму, давно уже начавшему свой путь эмансипаціи. Тщетно боролся католицизмъ съ наукой. Мы знаемъ

въ подробностяхъ исторію этого горячаго спорта науки и религіи, мы съ волненіемъ знакомились со всѣми перипетіями этого спора. Побѣды астрономіи и естествознанія завершились геніальными открытіями законовъ тяготѣнія (1684). Ньютонъ освободилъ разумъ отъ оковъ церковнаго невѣжества. Геоцентрическая точка зрѣнія была окончательно ниспровергнута; передъ изумленнымъ и восхищеннымъ человѣкомъ, раскрылись безпредѣльныя пространства, въ которыхъ катились громадныя свѣтила, подчиняясь законамъ тяготѣнія. Міръ былъ закованъ въ желѣзныя, незыблемыя формулы. Умъ побѣдилъ, пронизая безпредѣльную тьму пространства и времени, уничтожилъ суевѣрія, низвергъ старые авторитеты, вознесся на головокружительную высоту. Изъ служанки теологіи онъ самъ сталъ господиномъ, не знающимъ границъ своей власти.

Взволнованный великими побѣдами ума, человѣкъ отнынѣ не хотѣлъ признавать никакихъ авторитетовъ, кромѣ авторитета разума. Религія, народная поэзія, сказки объявлены были печальными остатками средневѣковаго или, какъ принято было тогда говорить „готическаго варварства". Цѣлью жизни сдѣлалось освобожденіе человѣка отъ всѣхъ предразсудковъ во имя торжества разума.

Одинъ изъ геніальныхъ современниковъ Ньютона астрономъ Галлей предпослалъ своему ученому изслѣдованію слѣдующее стихотвореніе въ честь разума:

„Передъ нами открываются самыя далекія глубины неба; передъ нами уже не скрывается сила, приводящая въ движеніе самые отдаленные круги; спокойно стоитъ солнце, повелѣвая всѣмъ мірамъ обращаться къ нему, потому что оно не можетъ никогда допустить, чтобы блуждающія звѣзды покинули свою правильную колею; оно опредѣляетъ ихъ бѣгъ, становясь въ серединѣ вселенной: передъ нами уже раскрываются грозящіе пути кометъ, мы не удивляемся больше появленію бродатаго созвѣздія; мы съ точностью знаемъ причину, почему серебряная Феба странствуетъ колеблющимися шагами, почему астрономія не обуздала ее прежде, почему возвращаются ея узлы, почему пополняется и ширится ея кругъ. Да, мы знаемъ, какой силой перемѣнчивая Феба гонитъ море назадъ, вырывая съ корнемъ морскую траву, и почему приливъ снова тѣснится къ берегу, показывая морякамъ грозящія опасностью мели. Это всегда занимало умы величайшихъ изслѣдователей. Теперь мы узнаемъ это.

Покрывало снято навсегда. Смертные, поспряньте и оставьте земныя заботы, изучайте и узнавайте силу вѣчнаго небеснаго духа; отдайте хвалу великому Ньютону, открывшему божественную истину, Ньютону, любимцу музъ, лучшему украшенію людей. Больше (этого) приблизиться къ богамъ не дано смертнымъ".

Весь XVIII вѣкъ исходитъ изъ великихъ освобождающихъ утвержденій Ньютона. Онъ по справедливости получилъ

названіе вѣка разума и борьбы съ религіозными суевѣріями.

Поклонникъ Ньютона, Вольтеръ, популяризовалъ на континентѣ теоріи Ньютона и наносилъ сокрушительные удары католической церковности.

Вѣра въ чудо почти совершенно исчезла. Она замѣнилась вѣрой въ разумное начало вселенной, въ незыблемое дѣйствіе вѣчныхъ законовъ разума, не подлежащихъ отмѣнѣ и не измѣняющихся въ своемъ дѣйствіи.

Во время великой французской революціи впервые были возглашены и узаконены принципы религіозной терпимости и даже возникли попытки создать новую религію—культъ разума. Но уже въ концѣ XVIII вѣка росла и реакція преувеличенному преклоненію передъ культомъ разума. Его власти положены были предѣлы „критикой чистаго разума“ Канта съ одной стороны и живыми потребностями чувства и фантазіи—съ другой.

Человѣкъ не можетъ жить только одними велѣніями холоднаго ума. Онъ живетъ и чувствомъ и фантазіей. И часто потребности чувства и фантазіи говорятъ властно и болѣе повелительно, чѣмъ выводы ума.

Пусть утверждаютъ астрономы, что солнце стоитъ, – для человѣка оно всегда восходитъ и заходитъ. Пусть разлагаются трупы—въ „странѣ воспоминаній“ вѣчно живы для насъ дорогіе образы.

Съ романтизма начинается возстановленіе права религіи, поэзіи. Философія вновь ищетъ единства міровоззрѣнія, которое установило было гармоническую связь между истиной, добромъ и красотой, между субъективной и объективной правдой, между этикой, эстетикой и философіей, Богомъ, человѣкомъ и природой Но въ этихъ исканіяхъ она наталкивается на непреодолимыя препятствія...

Порвалась цѣпь великая... Разорвалась связь между умомъ, чувствомъ и фантазіей. На пути къ достиженію гармоніи стоитъ утерянная вѣра въ чудо, которое не совмѣстимо съ неоспоримыми законами разума. Но исканія истины путемъ выводовъ и опытовъ строгаго научнаго анализа наталкиваются на непреодолимыя, трагическія препятствія: невозможность постичь сущность вещей,—на отрицательныя понятія, безконечность, вѣчность. Приходится искать истину какимъ то инымъ ирраціональнымъ путемъ сокровеннаго, *мистическаго опыта*.. Но этотъ мистическій опытъ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что онъ не обладаетъ свойствами общеубѣдительности. Онъ чрезвычайно индивидуаленъ. Если онъ даже и существуетъ на самомъ дѣлѣ, то онъ понятенъ и авторитетенъ только для лица, воспринявшаго истину этимъ мистическимъ опытомъ. Бѣда, однако, въ томъ, что, какъ признаютъ это всѣ искренніе мистики (напр. Шестовъ), мистическій опытъ трудно отличитъ отъ мистификацій, шарлатанства и въ лучшемъ случаѣ отъ ошибки. По увѣреніямъ мистиковъ,

мистическій опытъ нисходитъ на многихъ; но языкъ, которымъ раскрывается передъ людьми истина этого опыта, обманчивъ и ложивъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію мистиковъ, Моисей пользовался мистическими откровеніями, но то, что разсказано имъ въ библіи, можетъ быть, нисколько не передаетъ намъ даже тѣни истины, воспринятой мистическимъ путемъ.

Этимъ путемъ истина, если она и приходитъ, постигается только отдѣльными лицами. Она не объединяетъ массы въ единствѣ порыва, настроенія, исповѣданія.

Также индивидуальны и всѣ философскія исканія истины. Съ одинаковой послѣдовательностью можетъ быть развернута теорія матеріалистическаго монизма и спиритуалистическаго. Или же сведены матерія и духъ къ единому, но неизвѣстному еще первооснованію...

Наука оказалась во многихъ направленіяхъ безсильной, традиціонная религія съ ея вѣрой въ чудо не соотвѣтствуетъ требованіямъ разума; мистика слишкомъ индивидуальна.

Изъ многихъ сторонъ всеобъемлющаго религіознаго міровоззрѣнія осталась только одна сторона незыблемой,—та, которая коренится въ соціальныхъ инстинктахъ человѣка—это вѣра въ добро, въ необходимость этическаго начала въ жизни. Эта вѣра въ разумъ, какъ добро, объединяетъ великихъ философовъ и основателей религіи всего міра. Ее вполнѣ основательно ставитъ въ главѣ угла и Л. Н. Толстой въ своей религіозной системѣ. Вѣра въ добро, въ торжество справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ—единственный элементъ религіи, не потерявшій надъ нами власти. Эта вѣра можетъ быть присуща людямъ, стоящимъ очень далеко отъ религіознаго сознанія.

Еще Бѣлинскій въ свое время справедливо отмѣтилъ, что дѣятельность одного скептика Вольтера болѣе содѣйствовала торжеству христіанской правды на землѣ, чѣмъ дѣятельность всѣхъ священниковъ католической церкви, вмѣстѣ взятыхъ.

Изъ современныхъ защитниковъ религіознаго сознанія Д. С. Мережковскій тоже высказывалъ эту же мысль о безсознательной религіозности людей, служащихъ до самопожертвованія принципу добра на землѣ. Несомнѣно, они фактически болѣе религіозныя натуры, чѣмъ тѣ, у кого имя Бога на устахъ, но нѣтъ дѣятельной любви къ людямъ, нѣтъ жажды добра.

Разъ Богъ есть—онъ непремѣнно Богъ любви и добра. Тѣ, кто вѣрятъ въ любовь и добро, служатъ и поклоняются Богу. Любовь и добро это чисто соціальные инстинкты, и тѣ классы народа, въ которыхъ развиты эти инстинкты, по справедливости, могутъ быть названы носителями религіозной истины, если не цѣлой, полностью, то, по крайней мѣрѣ, въ ея лучшей и наиболѣе необходимой практической части. Съ этой точки зрѣнія Горькій былъ бы правъ, если бы усмотрѣлъ въ организованномъ рабочемъ движеніи трудящихся черты ре-

лигіозныхъ исканій. Безрелигіозному и даже матеріалистическому рабочему движенію присуще безсознательное религіозное чувство, дѣлающее рабочій классъ до извѣстной степени хранителемъ и носителемъ религіозной истины. Но отсюда еще слишкомъ далеко до обоготворенія народа и народопоклонства.

Какъ и во многихъ другихъ исканіяхъ и въ религіозно-философскомъ вопросѣ М. Горькій плохо разобрался....

Мы подошли къ концу нашей скромной задачи. Мы были нелицепріятны, но требовательны въ отношеніи къ большому писателю. Кому много дано, съ того много и взыщется. Горькій еще не сказалъ своего послѣдняго слова. Но оно не въ сферѣ пролетарскихъ его настроеній. Горькій не писатель для пролетаріата. Горькій въ душѣ свободный анархистъ художникъ, и какъ бы ни были симпатичны его политическіе взгляды, они не должны мѣшать его творчеству итти самостоятельнымъ путемъ. Яркихъ индивидуальныхъ дарованій очень мало: нельзя отдавать ихъ въ жертву тенденціи. Между Горькимъ художникомъ (по инстинктамъ натуры) и Горькимъ общественнымъ дѣятелемъ (по воспитанію и образованію)—громадная ни чѣмъ не заполненная пропасть—внутреннее противорѣчіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется намъ. И такъ какъ общественныхъ дѣятелей много и безъ Горькаго, а художникъ рѣдкое явленіе въ нашей сѣрой жизни, то пусть лучше померкнетъ дѣятель и разцвѣтетъ пышнымъ цвѣтеніемъ самобытный талантъ большого писателя. Куда онъ ни направится, къ какимъ бы невѣроятнымъ парадоксамъ онъ ни пришелъ, для искусства и для человѣчества художникъ сдѣлаетъ очень много—больше, чѣмъ можетъ сдѣлать Горькій въ неглавной своей роли общественнаго дѣятеля

Впереди у Горькаго еще много лѣтъ труда и возможныхъ успѣховъ.

Любовь и бракъ въ современной литературѣ.

Любовь и семья—міровой мотивъ поэзіи. Это узловой пунктъ, отъ котораго расходятся и къ которому ведутъ многочисленныя нити жизни.

Любовь стара какъ жизнь, ибо любовь и есть жизнь, и нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ любви. Любовь божественна—таково мнѣніе философовъ, поэтовъ, законодателей и жрецовъ. [1])

Физіологическія, психологическія, соціальныя и экономическія связи и побужденія группируются около того центра, который принято называть терминомъ семья. И эти разнообразныя нити и связи, группируясь и соединяясь въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ и отношеніяхъ, даютъ и семьѣ и семейнымъ отношеніямъ причудливо-разнообразныя формы въ зависимости отъ эпохи, общества, историческаго момента, хозяйственныхъ формъ быта, вліянія традицій, религіозныхъ воззрѣній, привычекъ и многоразличныхъ побужденій.

Трудно подслушать указанія и велѣнія природы въ вопросахъ любви и брачныхъ отношеній. Міръ животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ даетъ самыя разнообразныя и противорѣчивыя формы отношеній двухъ половъ. [2])

У пчелъ одна матка и множество трутней; у нѣкоторыхъ породъ муравьевъ самки крылаты и обнаруживаютъ инициативу въ любви. Наблюдаются примѣры прочной привязанности на всю жизнь у нѣкоторыхъ породъ птицъ и животныхъ. Супружеской вѣрностью отличаются попугаи и обезьяны—являясь представителями моногаміи въ мірѣ животныхъ; какъ извѣстно, у нихъ смерть самца или самки часто ведетъ за собою смерть и другого супруга; но рядомъ съ ними—иной строй отношеній въ средѣ лошадей, куръ, собакъ и многихъ другихъ животныхъ и птицъ.

Міръ животныхъ и насѣкомыхъ даетъ самыя разнообразныя формы половой жизни и, очевидно, тоже не можетъ дать человѣку опредѣленныхъ указаній и аналогій.

Наблюдается супружеская вѣрность у нѣкоторыхъ породъ человѣкоподобныхъ обезьянъ. Это даетъ основанія Вестермарку построить свою теорію о заимствованіи человѣкомъ брачныхъ формъ жизни, именно моногаміи—отъ обезьянъ.

---

[1]) Есть рядъ особыхъ причинъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, и по которымъ вопросы о любви выплыли на поверхность и особенная сила въ послѣдніе четыре года и получили явно порнографическую окраску.

[2]) Форель А. Половой вопросъ. Перев М. А. Энгельгарта подъ ред. В. А. Поссе Спб. 1907 г.

Но если мы обратимся къ другимъ изслѣдователямъ первоначальныхъ формъ брака, какъ, напримѣръ, Морганъ, Ковалевскій, Леббокъ, то ихъ изслѣдованія съ большей убѣдительностью устанавливаютъ иныя формы эволюціи брака: сначала промисквитетъ, затѣмъ матріархатъ, отголоски котораго мы находимъ и въ русскихъ былинахъ и затѣмъ ужъ патріархатъ, разцвѣтшій послѣ того какъ окончательно восторжествовалъ принципъ собственности.

Если отъ исторіи брака мы перейдемъ къ этнографіи и современному быту, то окажется, что у разныхъ народовъ не только въ разныя эпохи, но и одновременно существуютъ самыя разнообразныя формы брака.

У европейцевъ наблюдается больше почтенія къ моногаміи, но возможно и двоеженство. Такъ, напр., послѣ Вестфальскаго мира разрѣшались браки съ двумя женами въ цѣляхъ увеличенія населенія, сильно порѣдѣвшаго во время войнъ. Лютеръ разрѣшилъ Ландграфу Гессенскому взять вторую жену, причемъ первая жена дала на это согласіе съ однимъ только непремѣннымъ условіемъ, что-бы мужъ любилъ ее по прежнему и даже больше.

У турокъ, какъ извѣстно, разрѣшается многоженство,— такъ-же, какъ и у мормоновъ. Въ Тибетѣ царитъ поліандрія (многомужество). Правду говоря, царящее особенно въ Великороссіи снохачество является замаскированной поліандріей; а супружескія отношенія въ современномъ культурномъ обществѣ, особенно во Франціи, носятъ характеръ замаскированнаго внѣшнимъ приличіемъ и многомужества, и многоженства.

Если обратимся къ предсказаніямъ ученыхъ относительно будущаго брака, то здѣсь мы встрѣтимъ тоже большую разноголосицу. Спенсеръ предполагаетъ, что будущность принадлежитъ моногаміи; Леббокъ—полигаміи. Форель предполагаетъ, что конечная форма будетъ полигамія, но ей должны предшествовать временные, или какъ онъ выражается, пробные браки. Подъ таковыми онъ разумѣетъ браки, заключаемые съ условіемъ, что супруги могутъ развестись, если окажется, что они не подходятъ другъ другу и семейнаго счастья дать другъ другу не могутъ. Такимъ путемъ Форель стоитъ за регулировку брака путемъ развода. Онъ указываетъ на цѣлый рядъ обычаевъ у многихъ современныхъ народовъ, какъ бы предрѣшающихъ именно такое отношеніе къ браку. Такъ, напр., у мандрасовъ разрѣшается до 50 разъ мѣнять жену. У персовъ можно жениться на самый короткій и на самый длинный срокъ, отъ 1 дня до 99 лѣтъ. Тоже у японцевъ. Въ Египтѣ возможенъ бракъ на 1 мѣсяцъ. Такой-же временный (пробный) бракъ существуетъ въ Абиссиніи. Легкій разводъ даютъ Евреи. Въ Китаѣ достаточнымъ поводомъ для развода считается даже „болтливость“ женщины.

Современный походъ въ защиту легкаго развода та-же замаскированная идея временнаго или „пробнаго“ брака.

Невозможно придти къ опредѣленному рѣшенію и по во-

просу о возрастѣ вступленія въ бракъ. Такъ, напримѣръ, очень цѣнно заявленіе медицинскаго факультета Христіанійскаго университета относительно возможности полнаго воздержанія до зрѣлаго возраста.

Кромѣ брака, народы знаютъ много разнообразныхъ формъ внѣбрачной жизни: таковы нѣкоторые религіозные обычаи древняго Вавилона, таковы извращенныя формы отношеній, проституція съ ея соціальными причинами и нимфоманіей.

Въ послѣднее время много писалось о паталогическихъ явленіяхъ въ половой жизни. Причемъ отмѣчается серьезная перемѣна во взглядахъ законодателей. Прежнія кары за неестественныя отношенія между взрослыми людьми отмѣнены и сохраняютъ силу только преступленія противъ малолѣтнихъ.

Много шума вызвала въ послѣднее время книга Вейнингера, ставящая своей задачей,—до извѣстной степени,—объясненіе, если не оправданіе гомосексуализма. [1])

Эта странная и нѣсколько истерическая книга, написанная не безъ темперамента и увлеченія молодымъ писателемъ, покончившимъ жизнь самоубійствомъ на двадцать третьемъ году жизни, имѣла большой и шумный успѣхъ, вызвала массу споровъ и обошла страницы буквально всѣхъ періодическихъ изданій.

Трудно сказать, въ какой мѣрѣ такой успѣхъ объясняется ловко поставленной рекламой, а въ какой—онъ вызванъ извѣстнымъ совпаденіемъ съ преходящими интересами дня; но не подлежитъ сомнѣнію, что книга Вейнингера вошла въ литературу вопроса и не можетъ быть теперь обойдена

Сущность взглядовъ Вейнингера сводится къ утвержденію, что въ природѣ нѣтъ мужчины и женщины въ чистомъ видѣ. Мужчина и женщина представляютъ какъ бы двѣ субстанціи, которыя въ живыхъ индивидуумахъ всегда встрѣчаются въ смѣшанномъ видѣ, въ разныхъ долях. Въ природѣ нѣтъ ни мужчины ни женщины, а только элементъ мужского и женского. Каждое живое существо есть промежуточное явленіе между двумя полярно-противоположными началами, мужскимъ и женскимъ, которыя Вейнингеръ для краткости обозначаетъ въ своей книгѣ буквами М. и Ж.

Такимъ образомъ по Вейнингеру мужчина не есть цѣликомъ мужчина. Женщина—не женщина. Въ каждомъ живомъ существѣ при внимательномъ ихъ изученіи можно замѣтить и элементъ М, и элементъ Ж.

Въ мужчинѣ и женщинѣ можно найти черты и признаки другого пола. Эти признаки Вейнингеръ дѣлитъ на четыре группы: первичные (напр. дѣторождныя железы), вторичные (борода, усы, грудь), третичные и даже четверичные (напр.

---

[1]) Отто Вейнингеръ. Полъ и характеръ. 2-ое изд. вышло въ 1909 г. книгоизд. „Посѣвъ“.

куреніе женщинъ или склонность къ рукодѣлію мужчины.[1]) Предчувствіе этой двуполости сказывается еще въ китайскихъ легендахъ, выражено устами Аристофана въ знаменитомъ „Пирѣ“ Платона.

Впослѣдствіи этотъ мотивъ бисексуальности, двуполости человѣка повторяется въ искусствѣ итальянскаго Ренессанса.

Вейнингеръ, опираясь на изслѣдованія многихъ ученыхъ Сяпера Стенструпа, утверждаетъ, что каждая клѣтка организма характеризуется принадлежностью къ полу. Различіе половъ сказывается даже въ мозгу. Человѣкъ представляетъ собою сосудъ, переполненный атомами М. и Ж.

Отсюда всѣ капризы полового влеченія. Не каждый мужчина годенъ для каждой женщины и наоборотъ. Отсюда кажущееся „извращеніе“, или кажущееся однополое влеченье. Люди, страдающіе такимъ влеченіемъ, по утвержденію Вейнингера, вполнѣ нормальные люди. По мнѣнію Вейнингера, нѣтъ такой дружбы между мужчинами, которая была бы свободна отъ сего чувства.

Таковы воззрѣнія Вейнингера на полъ. Изъ основныхъ его положеній о полярности или противоположности двухъ началъ,—женскаго и мужскаго вытекаетъ у Вейнингера крайне фантастическая попытка охарактеризовать каждый полъ въ отдѣльности.

М—это полнота человѣческой духовности, все богатство разума, фантазіи и воли. М—начало геніальное, животворящее вселенную Это Духъ, ведущій человѣчество впередъ по пути духовнаго и нравственнаго совершенствованія.

Ж—низменное начало, сама чувственность, все грубое, пошлое, земное, что не имѣетъ души, не имѣетъ никакой личной цѣнности, можетъ быть интересно только, какъ проэкція мужского начала, и отраженіе мужского творчества—фантазіи.

Возненавидѣвъ Ж.. Вейнингеръ приписываетъ ему все худое.

Женщина лишена геніальности, она не имѣетъ стремленія къ безсмертію, не имѣетъ интереса къ наукѣ; отличается алогичностью, аморальностью, лживостью. Не думайте, что она мягка и добра: она легко ухаживаетъ за больными, потому что равнодушна къ страданію. Женщина безстыдна, легковѣсна: у нея нѣтъ собственнаго я. Абсолютная женщина не имѣетъ души. У женщины нѣтъ ни глубины, ни благородства, ни высокихъ побужденій. Женщина ближе къ природѣ, чѣмъ мужчина... Поэтому онѣ менѣе удалены и отъ животныхъ (миѳъ о Ледѣ—примѣръ и подтвержденіе этой мысли!).

Красива ли женщина? спрашиваетъ Вейнингеръ, и вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ отвѣчетъ:—низкорослая, узкоплечая, ши-

---

[1]) Очевидно, Гоголевскій вицегубернаторъ, вышивающій по тюлю согласно Вейнингеру, заключаетъ въ себѣ элементы Ж.

рокобедрая, коротконогая,—женщина сама по себѣ не красива: ея красота есть любовь мужчины. Но во всякой любви мужчина любитъ только самого себя.

Чистый мужчина есть подобіе Бога, чего-то абсолютнаго. Женщина, даже заключающаяся въ мужчинѣ, есть символъ ни чего. Женщина есть вина мужчины. Въ половомъ актѣ глубочайшее униженіе для женщины. Половой актъ безнравственененъ, какъ наслажденье низшей жизни. Женщина должна быть спасена абсолютнымъ цѣломудріемъ мужчины.

Разумъ вовсе не заинтересованъ въ томъ, что бы человѣчество существовало вѣчно...

Хула на женщину у Вейнингера превосходитъ все, что до него когда-либо было написано самыми злостными и закоренѣлыми мизогинами (женоненавистниками). Но какими-же научными методами устанавливаетъ Вейнингеръ свою удивительную характеристику половъ?

Онъ самъ признаетъ, что ни М. ни Ж. въ чистомъ видѣ въ природѣ не встрѣчаются. Всякое живое существо отъ рожденья заключаетъ въ себѣ атомы и одного и другого пола. Эти „смѣшанные“ жено-мужчины дѣйствуютъ всегда въ своей физической и духовной нераздѣльности. Какимъ-же путемъ удалось выяснить Вейнингеру, что одни свойства человѣка составляютъ принадлежность мужскихъ атомовъ, а другія—принадлежность женскаго начала?

Придумать такой опытъ, при которомъ и начало Ж. и начало М. проявлялись бы совершенно раздѣльно—невозможно. Очевидно, что вся гипотеза Вейнингера — фантасмагорія, плодъ больного и озлобленнаго ума

Нужно только удивляться, какъ подобный „научный“ бредъ могъ привлечь вниманіе такой массы лицъ. По истинѣ въ этомъ какое то знаменіе времени.

Для насъ теорія Вейнингера не представляетъ никакой ни научной, ни общественной цѣнности.

Пожалуй, характеренъ только окончательный выводъ, къ которому пришелъ Вейнингеръ—о полномъ половомъ воздержаніи.

II.

Предыдущее служитъ намъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ вопросѣ о любви и бракѣ природа, первобытная культура и этнографія не даютъ никакихъ опредѣленныхъ указаній для разрѣшенія сложной задачи „проблемы пола“.

Если мы обратимся къ художественной литературѣ, то должны будемъ убѣдиться, что міровая литература даетъ намъ безконечное разнообразіе образовъ самаго противоположнаго характера, изображаетъ любовь съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, вскрываетъ и ея трагизмъ и комическую сторону, и высокое и пошлое.

Любовь—центральный пунктъ міровой поэзіи. Нѣтъ силъ охватить въ нѣсколькихъ страницахъ могучее обиліе художе-

ственныхъ произведеній, посвященныхъ любви, дать сколько нибудь правильное представленіе о пониманіи человѣкомъ этого чувства въ его психологическихъ и религіозно-философскихъ основахъ

„Пѣсня пѣсней“ воспѣваетъ чувственную любовь и сладострастіе. Древне греческая поэзія рисуетъ намъ образъ вѣрныхъ супругъ Пенелопы, Андромахи и легкомысленной Елены и коварной Клитемнестры.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи греческая литература остановилась и на проблемѣ полной дѣвственности. Ничто не ново подъ луной. Идеи Л. Н Толстого нашли себѣ выраженіе въ удивительномъ произведеніи „Ипполитъ“—лучшемъ изъ всего, что когда либо написано было греческимъ геніемъ (наряду съ Прометеемъ и Антигоной).

Эта драма такъ интересна, и какъ все классическое такъ мало современной публикѣ извѣстна, что на ней слѣдуетъ остановиться.

Эврипидъ изображаетъ два полюса любви, два ея начала: чувственное въ лицѣ страстной Афродиты и цѣломудренное въ лицѣ Артемиды и ея идеальнаго поклонника Ипполита.

Ипполитъ „сердцемъ чистъ и цѣломудренъ“; Киприду можетъ чтить онъ только издалека; Афродиту онъ считаетъ злѣйшей изъ богинь, а самъ „любви чуждается и женщинъ презираетъ“.

Въ задуманномъ, такимъ образомъ, столкновеніи двухъ богинь, Эврипидъ развертываетъ передъ нами во всей сложности недоумѣній великую проблему дѣвства, неоднократно выдвигаемую лучшими умами человѣчества, до сихъ поръ не разрѣшенную и съ новой силой и глубиной поставленную передъ нами въ произведеніяхъ могучаго русскаго ума, нашей гордости—Л. Н. Толстого.

Брачная жизнь не удовлетворяетъ Эврипида. Устами Ипполита онъ называетъ жену, которую мы беремъ себѣ въ домъ, „язвой“. Она разоритъ весь домъ нарядами. Если она знатна и богата, то мужъ долженъ молча терпѣть, какъ рабъ, „строптивый нравъ жены“; а съ кроткой и нищей, онъ обреченъ всю жизнь въ несчастьяхъ блаженнымъ притворяться. И лишь тотъ всѣхъ лучше—у кого „неумная жена“...

Осудивъ женъ вмѣстѣ съ Эврипидомъ, Ипполитъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что Зевсъ произвелъ на свѣтъ „женщинъ губительное племя“.

„О, еслибъ ты устроилъ такъ,
Чтобъ смертные рождались не отъ женщинъ,
Чтобъ люди въ даръ тебѣ желѣзо, мѣдь,
Иль золото во храмы приносили,
А ты дѣтей давалъ-бы всѣмъ по мѣрѣ
Того, что въ жертву каждый принесетъ;
И жили-бы въ домахъ свободныхъ люди,
Не зная женъ“...

Самъ Ипполитъ чтитъ боговъ и любитъ только такихъ

друзей, „которые боятся даже словомъ сердечную нарушить чистоту“. Онъ „сохранилъ до нынѣ чистымъ тѣло отъ женскихъ ласкъ и только иногда слыхалъ о нихъ и видѣлъ на картинахъ Но не любилъ ни слушать ни смотрѣть, имѣя душу дѣвственную“.

Образъ идеальной чистоты почти непонятный для насъ, но полный обаянія, и рѣдкой душевной свѣжести. Это очень сложный типъ мечтателя, далекаго отъ всѣхъ соблазновъ міра. Онъ не хочетъ власти, которая лишь „развративъ сердца людей, становится желанной“. Миръ сердечный и трудъ святой ему милѣе власти. Въ общественныхъ дѣлахъ онъ готовъ оставаться на второмъ планѣ, весь уходя въ міръ искусства, въ область поэтическихъ вымысловъ. Онъ хочетъ первенствовать.

„На эллинскихъ свободныхъ состязаньяхъ“.

Съ первыхъ-же словъ Ипполита, по вѣрному замѣчанію знатока греческой трагедіи И. Ѳ. Анненскаго, вы видите, что передъ вами не жизнерадостный атлетъ, не страстный охотникъ, и не мальчикъ, влекомый голосомъ Артемиды. Сквозь обличье наивной непосредственности вы различаете адепта, если не создателя новой вѣры. Лугъ, на которомъ онъ рветъ цвѣты, не только заповѣдный лугъ храма, это—священный лугъ мистовъ: даже изъ нимфъ ни одна не смѣетъ литься своей серебристой волной между его травъ; одна стыдливость поитъ его цвѣты, и только тѣ, у кого цѣломудріе лежитъ въ самой природѣ, кого еще не коснулись страсти, кому не надо прикрывать внѣшнимъ приличіемъ потемненной страстью души. можетъ рвать на этомъ лугу его священные цвѣты“.

Въ довершеніе характеристики Ипполита остается только прибавить, что онъ вегетарьянецъ, такъ какъ довольствуется „растительной безкровной пищей“, а его любовь къ Артемидѣ носитъ всѣ черты платоническаго обожанія. Онъ говоритъ:

„Межъ смертными одинъ я удостоенъ
Съ богинею бесѣдовать, какъ другъ,
Ея лица не видя, слышать голосъ.
О, если-бы у ногъ твоихъ любя
Окончить могъ я жизнь мою, какъ началъ!

Лелѣя въ душѣ высокіе нравственные идеалы, Ипполитъ съ юношескою страстностью и даже жестокостью относится къ такимъ человѣческимъ страстямъ, которыя кажутся ему непонятными и постыдными.

Поэтому къ Федрѣ онъ питаетъ презрѣніе и ея постыдную страсть онъ бичуетъ неумолимо и жестоко.

Федра, воплощеніе женскаго начала, раба плотскаго инстинкта, глубоко залегшаго въ природѣ человѣческой, властнаго и неумолимаго въ своихъ требованіяхъ.

Федра чувствуетъ на себѣ его власть, стыдится своихъ чувственныхъ порывовъ, но не можетъ съ ними справиться. Женская природа повелительно заговорила въ ней и влечетъ

ее къ преступленію. По натурѣ стыдливая и разсудительная, Федра испытываетъ всѣ средства, чтобы обуздать свою любовь, но Киприда сильна, она уже погубила такою-же страстью мать Федры—Пасифаю и сестру Аріадну. Въ любовной страсти Федры что то роковое, стихійное..

Отверженная и глубоко оскорбленная Ипполитомъ, Федра чувствуетъ потребность умереть,—отъ стыда и горя. Но она должна отомстить, она не можетъ умереть оклеветанной, опозоривъ не только себя, но о своихъ дѣтей. Она нанесетъ Ипполиту ударъ, равный по силѣ тому, который получила отъ жестокаго праведника въ отвѣтъ на свое признаніе. Она погубитъ своимъ посмертнымъ заявленіемъ, которому придастъ всю силу достовѣрности великое свидѣтельствованіе—смерть Федры... Ипполитъ будетъ отомщенъ; ея честь и честь ея дѣтей, ихъ будущее—спасены..

Психологія Федры начертана въ немногихъ словахъ; она, представлена такъ сказать, въ очень сгущенныхъ краскахъ и только очень внимательный анализъ ея немногочисленныхъ рѣчей раскрываетъ передъ нами всѣ глубины ея измученной страстью души.

Но на психологіи Федры и Ипполита далеко не исчерпывается весь интересъ въ трагедіи Эврипида. Федра и Ипполитъ—герои, люди незаурядные. Но жизнь ихъ проходитъ на фонѣ обыкновенной сѣренькой толпы, а ея обычной морально, ея сѣренькими привычками, сѣренькими мыслями. Хоръ—воплощеніе этой сѣрой будничной жизни. Женщины, составляющія этотъ хоръ и окружающія Федру, думаютъ и говорятъ такъ, какъ всегда думали и говорили обыденные люди,—не только въ древней Греціи, но и въ наше время. Во главѣ ихъ стоитъ кормилица Федры, живое лицо, хотя ея устами подъ часъ говоритъ и самъ Эврипидъ. Кормилица сторонница простого взгляда на вещи; она за адюльтеръ,—за пользованіе жизнью.

„ ..Если есть что-то выше, чѣмъ жизнь,
Отъ людей оно скрыто навѣки,
И мы любимъ нашъ міръ, потому, что нельзя
Намъ постигнуть загробнаго міра,
Лишь баюкаютъ лживыя сказки о немъ,
Но душѣ не даютъ утоленья!“

Любовь—„сладчайшая изъ радостей земныхъ и самое великое страданье“, но нужно, по мнѣнію кормилицы, спокойно и въ мѣру любить, не безпредѣльно, не всею душею“.

Добившись искусною рѣчью признанія Федры, кормилица испугана, но быстро овладѣваетъ собой и краснорѣчиво убѣждаетъ Федру отдаться любви. И боги, вѣдь, увлекались, а они живутъ на небѣ. „Многіе мужья измѣну видятъ невѣрныхъ женъ, а все-таки молчатъ“. Вся задача лишь въ томъ, чтобы умѣть скрыть порокъ. Никто не ходитъ правымъ путемъ: „и кровли на домахъ не дѣлаютъ прямыми по отвѣсу“.

Мудрыя житейскія соображенія!—Кажется, что они высказаны вчера, или даже сегодня. И когда въ своей поспѣшности кормилица наталкивается на неожиданную неудачу, встрѣтивъ въ Ипполитѣ сопротивленіе ея планамъ,—а Федра укоряетъ ее за то, что она такъ спѣшила содѣйствовать безчестному дѣлу;—у кормилицы уже готовъ отвѣтъ, подсказанный житейскою-же мудростью:

„Теперь я виновата,
Но, если-бы мой замыселъ удался,
Разумною меня сочли бы всѣ,
Затѣмъ, что умъ успѣхомъ люди мѣрятъ“.

Финалъ трагедіи не менѣе трогателенъ и интересенъ, чѣмъ и ея подробности. Ипполитъ умираетъ, но въ предсмертныхъ мукахъ передъ нимъ носится образъ любимой богини. Отъ ея благоуханныхъ устъ несутся примиряющія состраданіемъ слова любви и участья.

„О, милый мой, для мукъ ты былъ рожденъ,
И жить съ людьми не могъ, затѣмъ, что слишкомъ
Была для нихъ душа твоя чиста“.

Клевета разъяснилась, и Ипполитъ умираетъ, противъ всѣхъ виновныхъ и болѣе всего жалѣя о несчастномъ отцѣ, обрекшемъ его на смерть.

„Тебя сильнѣй, чѣмъ самого себя
За все, за все, родимый мой, жалѣю“.

Говоритъ онъ Тезею, обреченному на горькія муки тоски, раскаянья, сожалѣнія...

Трагедія кончена. Сложныя настроенія вѣютъ въ воздухѣ. И скорбь, и примиреніе, и тихая грусть, и предчувствіе какихъ-то новыхъ горизонтовъ, новой жизни, чуждой низменныхъ страстей, обвѣянной иными, высшими радостями и скорбями... Таково могучее, полное обаянія впечатлѣніе отъ трагедій Эврипида.

Изъ краткаго изложенія ея содержанія уже видно, какъ содержательна, глубока пьеса Эврипида, какъ современна она. Двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ какъ-бы не бывало. Мощный геній поэта провидѣлъ то, что вѣчно будетъ интересовать человѣка, и создалъ безсмертное произведеніе.

III.

Въ средніе вѣка подъ вліяніемъ новыхъ идей христіанства любовь и женщина освящены ореоломъ страданія. Любимая женщина—мадонна. Ей создается особенный культъ до гроба (Данте). Рыцарская любовь полна идеализаціи женщины. Любимой и обожаемой женщиной не можетъ быть собственная супруга: супружескія отношенія не имѣютъ ничего общаго съ любовью къ дамѣ сердца.

Вѣкъ возрожденія вноситъ своеобразныя поправки въ идеалъ женщины и любви. Это было время слиянія языческихъ идеаловъ съ христіанскими. Отсюда и любовь получаетъ двой-

ственный характеръ: она одновременно и божественная и земная; она манитъ душу въ иной міръ, а тѣло влечетъ къ страстнымъ объятьямъ.

Одновременно вырастаетъ идеалъ вѣчной любви, поражающей человѣка, какъ молнія любви, единственной, загорающейся разъ въ жизни и навсегда.

Такова любовь Ромео и Джульеты.

Такую любовь воспѣваютъ поэты въ стихахъ и прозѣ въ теченіе двухъ вѣковъ, пока не пришелъ 19-й вѣкъ со своимъ холоднымъ анализомъ, со своими сомнѣніями и скептицизмомъ и точными выводами естествознанія. Мистическая и поэтическая сторона любви была забыта Она уступила мѣсто точнымъ научнымъ наблюденіямъ. Страшный ударъ нанесенъ былъ идеализаціи любви теоріей Дарвина о половомъ подборѣ, согласно которой инстинктъ пола толкаетъ человѣка на поиски своего полового соотвѣтствія въ цѣляхъ продолженія рода и улучшенія породы. Принципъ *подбора* устраняетъ идею вѣчности любви, ея единственности и молніеносности, а создаетъ право исканія и перемѣны. Пессимистическая философія идетъ на встрѣчу этой дарвиновской теоріи. Шопенгауэръ пишетъ свою метафизику любви. Вслѣдъ за нимъ идутъ Гартманъ, Ренанъ и другіе философы.

Въ поддержку имъ выступаетъ и міровая лирика съ Байрономъ во главѣ. Она ставитъ на очередь сомнѣнія въ вѣчности любви и несетъ разочарованія въ этомъ чувствѣ. Она вся проникнута Лермонтовскимъ недоумѣніемъ:

Любить? но кого?
На время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Вся натуралистическая литература, начиная отъ madame Бовари и кончая Крейцеровой Сонатой—это сплошное обличеніе любви: ея лживости, мимолетности, случайности, грубости.

Разочарованіе въ бракѣ приводитъ къ анализу брака и критикѣ его нерастворимости Любовь свободна—вотъ лозунгъ, данный Жоржъ-Зандъ и повторяемый всѣми романистами запада. Начинается походъ противъ брака во имя права любви и развода.

Лучшій писатель конца XIX вѣка, такой могучій умъ, какъ Генрихъ Ибсенъ, примыкаетъ къ этому движенію противъ брака и даетъ намъ безпощадную характеристику призрачности этого института въ драмѣ „Призраки.“ Здѣсь передъ нами вырастаетъ до размѣровъ истиннаго бѣдствія, до трагизма ужасная картина семейнаго лицемѣрія со всѣми его послѣдствіями: неизлѣчимыми болѣзнями, условностью, общимъ страданіемъ и вырожденіемъ человѣка.

Въ противуположность окаменѣвшимъ формамъ законнаго брака, который легко совмѣщается со всѣми ужасами разврата, Ибсенъ выставляетъ идею свободной любви, о которой говоритъ несчастный сынъ Фру Альвингъ и о которой

толкуютъ и книги, читаемыя почтенною Фру Альвингъ на старости лѣтъ и такъ возмущающія пастора.

Старый семейный укладъ признанъ вредной иллюзіей,—больше,—недопустимымъ съ точки зрѣнія правъ личности рабствомъ.

Пусть стихійная любовь дѣйствуетъ въ интересахъ продолженія рода. Никто не можетъ быть чьимъ нибудь; никто не можетъ принадлежать никому ни по враждѣ, ни по любви. Намъ цѣли природы чужды. У человѣка есть свои индивидуальныя цѣли—освобожденія. Выше этой цѣли нѣтъ ничего.

Нора не хочетъ уже быть только куклой въ буржуазной семьѣ, не хочетъ быть даже матерью. Ее не связываютъ даже материнскія обязанности. есть только одно могучее чувство, чувство любви къ самому себѣ, жажда быть самимъ собой, сохранить и развить свою индивидуальность.

Когда мужъ Норы указываетъ ей на мирно спящихъ въ кроваткѣ дѣтей и призываетъ ее къ исполненію своихъ материнскихъ обязанностей,—Нора отвѣчаетъ, что выше всякихъ другихъ обязанностей—обязанность къ самому себѣ и уходитъ изъ дому, что-бы подумать о самой себѣ, о своемъ умственномъ развитіи, о своей душѣ, о пробудившихся стремленіяхъ къ свободѣ и духовной независимости.

Проснулась въ женщинѣ личность; рвется на просторъ, и тѣсно ей въ прежней, хотя бы и золотой клѣткѣ.

Въ драмѣ „Женщина съ моря“ Ибсенъ возвращается къ идеѣ свободы любви, какъ стихійному влеченію, какъ потребности Духа Святого, какъ великому огню, котораго не загасить холоднымъ разсчетомъ будней. Эллида жила у бурнаго океана; тамъ встрѣтила она Скитальца, который разсказывалъ ей о морскихъ буряхъ, о крикѣ чаекъ въ ненастные дни, о полной тяжелыхъ подвиговъ жизни моряка. И Эллида полюбила Скитальца. Они обручились, связали свои кольца и далеко забросили въ пучину морскую. Но вотъ Скиталецъ уѣхалъ и исчезъ безслѣдно. Эллида, потерявъ родителей, осталась безъ средствъ. Слѣдуя голосу разсудка, выходитъ замужъ безъ любви,—за „хорошаго“ человѣка. Но тяжко жить ей съ Врангелемъ въ уютной квартиркѣ на берегу маленькаго фіорда, и старыя воспоминанія о безбрежномъ морѣ и сильной страсти туманятъ ея воображеніе, волнуютъ и влекутъ изъ семьи.

Въ послѣднюю минуту Эллида, получивъ полную свободу отъ мужа поступать, какъ захочетъ, отказывается итти за Скитальцемъ и остается съ нелюбимымъ мужемъ, что бы всецѣло отдаться заботамъ о его взрослыхъ дѣтяхъ отъ перваго брака.

Въ этой нерѣшимости Эллиды—ея смерть, ея наказаніе за высшее преступленіе, которое не знаетъ прощенія,—единственное преступленіе, котораго ничѣмъ нельзя искупить.

Нѣтъ выше грѣха, какъ грѣхъ противъ Духа Святого.

Эллида убила въ себѣ свою душу. Она вышла замужъ не

любя, и она навсегда утратила свою свободу; священный огонь личности угасъ навсегда. Эллида напоминаетъ теперь насѣдку, которую выпустили съ насѣста на свободу, но она ужъ не въ силахъ ею пользоваться, слишкомъ ожирѣла и отяжелѣла.

Похлопавъ крыльями, она возвратится на прежнее мѣсто.

Нельзя безнаказанно убивать въ себѣ душу живу, подавить въ себѣ великія влеченія свободнаго чувства.

Но рядомъ съ этою проповѣдью *свободы любви*, въ которой Ибсенъ примыкаетъ къ Жоржъ-Зандъ и ея послѣдователямъ, у великаго норвежскаго писателя возникаетъ и болѣе смѣлая мысль—*свобода отъ любви*, мысль оригинальная, самобытная и характерная для конца XIX вѣка.

Въ „Комедіи любви“ Ибсенъ возвѣщаетъ, что любовь умерла въ наши дни, или во всякомъ случаѣ настолько не вѣчна, что несетъ только одни разочарованія въ супружеской жизни.

Фалькъ не хочетъ этой любви съ ея мѣщанствомъ, прозаическими заботами о кускѣ хлѣба и дѣтяхъ. Самая романтическая любовь оканчивается мѣщанскими сѣрыми буднями. Примѣръ на лицо—въ семьѣ пастора.

И Фалькъ предлагаетъ остановить солнце любви на зенитѣ.

Пусть оно никогда не склонится къ закату. Пусть оно свѣтитъ всю жизнь—въ воспоминаніяхъ. Неосуществленная любовь единственно вѣчная любовь. То, чѣмъ мы не обладали, остается всегда съ нами, не блекнетъ и не тускнѣетъ въ воспоминаніяхъ. Таковъ выходъ: разстаться съ любимой дѣвушкой навсегда, раньше, чѣмъ на великое чувство опустится сѣрая пыль дѣлового дня... уйти отъ любви во имя любви, во имя немеркнущихъ идеаловъ чистаго увлеченья.

Не нужно чувственной любви, горящей только въ пылкой крови юнаго организма. Да сіяетъ вѣчная и нетлѣнная любовь души.

Таковъ идеализмъ юноши Ибсена въ одномъ изъ его раннихъ произведеній. Но въ предзакатной его драмѣ „Когда мы мертвые воскресаемъ“—звучитъ уже другой мотивъ—сожалѣнія о безслѣдно прожитой безъ любви жизни, о призракахъ идейнаго служенія искусству, о гибели живого человѣка среди холодной и мертвой глины его скульптурной мастерской.

IV.

Русская литература, конечно, идетъ по слѣдамъ европейской. Уже у Пушкина находимъ мы новые мотивы свободы чувства. Правда, Татьяна „другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна“, но идеализируется здѣсь не столько вѣрность старику, сколько честность и прямота души, не способной къ обману и не знающей другихъ выходовъ изъ тяжелаго положенія. Татьяна не Анна Каренина. Онѣгинъ—не Вронскій.

Но у того-же Пушкина выставляется и иной принципъ.

свободы чувства: старикъ цыганъ не понимаетъ ревности Алеко, этого сына культуры; любовь свободна.

Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она.
Заглянетъ въ облако любое,
Ею такъ пышно озаритъ
И вотъ ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Промолвя: тамъ остановись—
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись [1])

Въ русской литературѣ идея свободы чувства укрѣпилась какъ то сразу и незыблемо. Чувство же стойкой и мстительной ревности противно мягкой природѣ русской души.

Одно изъ лучшихъ стихотвореній Некрасова „Зеленый шумъ“ рисуетъ намъ въ высоко поэтической формѣ широту русской души и способность русскаго человѣка проникнуться потребностями каждаго въ счастьѣ и любви.

„Люби, покуда любится
И Богъ тебѣ судья“...

Вся русская литература, начиная съ „Кто виноватъ“ Герцена и „Что дѣлать“ Чернышевскаго проникнута этой широкой идеей терпимости и уваженія къ чужому чувству. Выходомъ изъ тѣсныхъ рамокъ брака давно признанъ разводъ. [2])

Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ одной литературѣ такъ ясно не подчеркнута идеальная сторона любви, какъ именно въ русской литературѣ. Чувственный элементъ въ ней играетъ почти до послѣдняго времени меньшую роль, чѣмъ начало духовной близости и единенія. Анна Каренина и Вронскій не могутъ быть счастливы только своею страстью. Лишенные достаточно глубокой духовной связи, оторванные отъ общества, они должны погибнуть, осуждены на страданіе и разочарованія. Только въ послѣднія два десятилѣтія въ русской поэзіи выдвигаются мотивы преимущественно чувственной страсти: Мирра Лохвицкая, Бальмонтъ и др. У другихъ русскихъ поэтовъ преобладаютъ напротивъ иныя, философскія настроенія, занимаетъ вопросъ о трагическомъ въ любви. Еще Тютчеву любовь рисуется какъ „поединокъ роковой“ двухъ сердецъ

---

[1]) Вопросу о любви въ русской лирикѣ посвящены интересныя статьи Южакова и ряда авторовъ въ сборникѣ Перцова: „Философскіе мотивы русской поэзіи“.

[2]) Интересно отмѣтить, что это право развода широко практиковалось съ давнихъ поръ въ малорусской средѣ. Народныя малорусскія пѣсни (напр. „Ой у полі баришполі“) давно возстаютъ противъ „Майстровъ“, которые такія „тісні віконця“ побудували.

... чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣй
Въ борьбѣ неравной двухъ сердецъ,
Тѣмъ неизбѣжнѣй и вѣрнѣе
Любя, страдая, грустно млѣя,
Оно изноетъ наконецъ.

Фета занимаетъ въ гибнущей любви ея таинственное, мистическое начало. Любовь—божественный огонь, просіявшій надъ мірозданіемъ. И когда любовь уходитъ

„Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ,
Что жизнь и смерть! А жаль того огня,
Что просіяхъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ
И въ ночь идетъ; и плачетъ, уходя".

Въ русской литературѣ послѣднихъ 30—35 лѣтъ поставленъ вопросъ о бракѣ, семьѣ и положеніи женщины съ наибольшею полнотою и всесторонностью.

Какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ этотъ развился до естественныхъ своихъ границъ женской эмансипаціи,—женскаго освободительнаго движенія. Въ этомъ отношеніи русское общество,—съ гордостью можетъ отмѣтить, что,—идетъ впереди европейскаго общества.

Такъ называемый „женскій вопросъ" давно обнимаетъ и покрываетъ собою множество отдѣльныхъ проблемъ, начиная съ женской любви, материнства и кончая правовымъ и соціальнымъ положеніемъ женщины.

Для русскаго интеллигентнаго человѣка вполнѣ понятна соціальная и правовая сторона этого вопроса. Вполнѣ ясно, что женское уравненіе, правовое и экономическое, явленіе законное, неизбѣжное и достижимое вполнѣ только при условіяхъ полной политической свободы и не менѣе полнаго экономическаго освобожденія. Только въ свободныхъ рамкахъ справедливаго строя найдутъ себѣ правильное разрѣшеніе всѣ вопросы, связанныя съ природой женщины: право материнства, право труда и отдыха, вопросъ о воспитаніи дѣтей, о тѣхъ или другихъ формахъ семьи, о правѣ ихъ чувства и т. д. Но рядомъ съ этой соціологической точкой зрѣнія, ставящей полное высвобожденіе женщины и женскій вопросъ въ зависимость отъ дальнѣйшихъ судебъ капитализма, его послѣднихъ побѣдъ и наконецъ, разложенія,—рядомъ съ этой точкой зрѣнія въ послѣднее время усиленно выдвигается и иная метафизическая, мистическая постановка вопроса.

Мы уже указывали мнѣнія Отто Вейнингера; въ томъ-же направленіи идутъ и наши мистики и созидатели „новаго религіознаго сознанія". Ник. Бердяевъ въ своей „метафизикѣ пола и любви" пытается осуществить въ любви идею „Бога" путемъ мистическаго смысла любви, высвобожденіемъ и утвержденіемъ начала мужественности и женственности и засимъ уже сліяніемъ и взаимнымъ дополненіемъ этихъ полярныхъ началъ, тяготѣющихъ другъ къ другу. На мистической точкѣ зрѣнія стоитъ и Вячеславъ Ивановъ.

Итти за этими писателями въ мистическое проникновеніе самой сущности, вѣчно равной себѣ—пока мы не станемъ.

Трудно проникать въ таинственное мистическое начало, сокрытое для профановъ и доступное только индивидуальному мистическому „опыту“, не подлежащему ни провѣркѣ, ни опроверженію. Притомъ г.г. мистики вносятъ въ женскій вопросъ слишкомъ большую долю половыхъ влеченій.

Женскій вопросъ для нихъ только вопросъ пола. Онъ и будетъ по ихъ мнѣнію существовать, пока существуютъ два пола.

Мистикамъ нѣтъ никакого дѣла до внѣшнихъ формъ эмансипаціи женщинъ, до ихъ эволюціи. Они внѣ времени и пространства. Они совершенно игнорируютъ зависимость разныхъ сторонъ женскаго вопроса отъ тѣхъ или другихъ формъ хозяйственнаго быта общества[1]). Они не замѣчаютъ, что самая природа пола явно измѣняется; самая первооснова пола—физіологическое влеченіе постепенно перерождается, различно матеріализуется въ разныя эпохи и постепенно получаетъ иной характеръ подъ вліяніемъ новыхъ соціально-экономическихъ формъ быта. Надъ чисто животнымъ чувственнымъ началомъ ростутъ и укрѣпляются чисто духовныя надстройки.

Современный бракъ зачастую крѣпокъ и силенъ не своей физіологической основой, а духовными цѣнностями: идейнымъ общеніемъ, общей работой, совмѣстнымъ служеніемъ великой общественной или духовной цѣли. Стихійное физіологическое начало все болѣе и болѣе смиряется, смягчаясь и преобразуясь подъ вліяніемъ другихъ высшихъ сторонъ человѣческаго естества. Конечно, духа, оторваннаго отъ тѣла нѣтъ, какъ нѣтъ и тѣла (плоти), оторваннаго отъ духа; но если мы станемъ разсматривать исторію человѣка, то замѣтимъ явную тенденцію человѣческаго естества—стремленіе къ постепенному его преобразованію въ сторону духовнаго начала. Это совершается само собою, не путемъ аскетическаго умерщвленія плоти, а естественнымъ процессомъ внутренняго перерожденія *единой* сущности въ сторону ея духовныхъ особенностей.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣкъ на землѣ, онъ обнаруживаетъ опредѣленную тенденцію культивировать свое духовное начало. Человѣкъ стыдится своихъ физіологическихъ отправленій и старается прикрыть ихъ отъ постороннихъ глазъ. И наоборотъ, онъ гордится тѣми своими особенностями, которыя выдѣляютъ его, какъ видъ (homo sapiens) изъ міра животныхъ,—рода. Умъ, совѣсть, даръ рѣчи человѣкъ считаетъ своими лучшими чертами.

Черты первобытной дикости, толстыя губы, прогнатизмъ, выдающіяся челюсти, огромный животъ постепенно исчезаютъ и не считаются красивыми. Выдвигается красота высокаго

---

[1]) Бебель. Женщина и громад. лит. послѣ него

чела, сѣдалища мысли, и зеркала души—большихъ открытыхъ глазъ.

Первобытный человѣкъ много ѣлъ. Еще спутники Одиссея, выйдя на берегъ и отдыхая отъ труднаго пути, закалывали быка и „цѣлый день наслаждались вкуснымъ, дымящимся мясомъ.“ У насъ явились другія наслажденія. Мы ѣдимъ, что бы жить, но не живемъ, что бы ѣсть.

Чувственныя влеченія въ древности были куда сильнѣе у человѣка. Вспомнимъ Геркулеса, вспомнимъ повсемѣстно властвовавшій культъ фалльоса съ его откровенно циническими изображеніями, освященными религіей. Вспомнимъ знаменитый праздникъ въ Римѣ „Magna Mater“, когда почтенныя матроны носили по городу увѣнчанныхъ розами аттрибуты фаллическаго культа.

Чувственность вошла въ берега и постепенно все болѣе и болѣе подавляется въ человѣкѣ. Возможность такой точки зрѣнія, какъ та, которую отстаиваетъ Ибсенъ въ „Комедіи любви“, или Толстой въ послѣсловіи къ „Крейцеровой Сонатѣ“ лучшее доказательство, что человѣчество перерождается и двигается по пути непрерывнаго роста и торжества духовнаго начала. „Исторія развитія полового инстинкта неопровержимо доказываетъ намъ—говоритъ д-ръ Ив. Блохъ,—что съ теченіемъ времени онъ все болѣе и болѣе связывается элементами духовной жизни... Половыя отношенія захватываютъ теперь только часть культурнаго человѣка“ [1]). Постепенно будетъ рости это освобожденіе человѣка онъ пола. Такимъ путемъ человѣчество движется не къ возврату къ своему первобытному состоянію, а постоянно идетъ по пути развитія своихъ видовыхъ (т. е. духовныхъ) чертъ и свойствъ: это законъ природы: всюду видъ выдѣляется изъ рода и обособляется... Путь—отъ человѣка къ Богу, а не къ звѣрю.

Мистики обыкновенно отдѣляютъ равноправность женщинъ отъ ихъ равноцѣнности съ мужчиной. Они боятся, какъ бы вѣчно женственное начало не пострадало отъ эмансипаціи. Они хотятъ, что бы женщина осталась Беатриче Данта, мадонной, хранила бы въ себѣ вѣчно женственное, безъ влюбленности въ которое мужчина ничего не сотворилъ бы въ исторіи,—не было бы міровой культуры.

Но мистики не хотятъ видѣть, что это „вѣчно женственное“ давно уже стало жертвой капитализма и созданныхъ имъ условій труда. Капитализмъ—этотъ Молохъ современнаго человѣчества, пожираетъ жизни дѣтей и взрослыхъ, убиваетъ непосильнымъ трудомъ женщину, превращая ее въ безполое и безсильное существо. Онъ разрушилъ семью съ ея старымъ хозяйственнымъ укладомъ, отнялъ мать у дѣтей, поставилъ ее въ одну шеренгу съ рабочимъ мужчиной.

---

[1]) Д-ръ И. Блохъ Половая жизнь нашего времени и ея отношеніе къ современной культурѣ. Спб. 1909.

Освобожденіе женщины наступитъ не раньше, чѣмъ освобожденіе всего человѣчества. Теперь только ясно одно: что возврата назадъ нѣтъ, что старыя формы семейныхъ отношеній разлагаются подъ вліяніемъ равнаго для всѣхъ и одинаковаго рабства труда и необходимости нести на рынокъ свои физическія и духовныя силы.

Тѣ безспорныя завоеванія, которыя сдѣланы уже въ области женскаго вопроса и могутъ быть признаны какъ вѣхи, указывающія дальнѣйшій путъ, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ.

Формы брака эволюціонируютъ. Нельзя однако съ увѣренностью утверждать, что та или другая форма брака всецѣло соотвѣтствуетъ опредѣленному экономическому укладу жизни. Весьма правдоподобно, что моногамія явится высшей наиболѣе соотвѣтствующей духовнымъ потребностямъ человѣка формой брачной жизни. Достиженію этой высшей формы семейнаго счастья наиболѣе содѣйствуетъ право развода, устраняющее несчастливые и неудачные браки и допускающее возможность устраненія ошибокъ. Правомъ развода создается временный характеръ брака или то, что проф. Форель называетъ пробными браками (т. е. браками, не закабаляющими людей на всю жизнь). Рядомъ съ бракомъ слѣдуетъ признать за женщиной великое право материнства съ предоставленіемъ дѣтямъ всѣхъ гражданскихъ правъ.

Разрѣшеніе вопроса о бракѣ, разводѣ, материнствѣ можетъ получить свою окончательную форму только при условіи полнаго равноправія—женщинъ и мужчинъ и организаціи общественныхъ силъ и труда на новыхъ началахъ коллективизма. Но такъ какъ такая хозяйственная организація общественныхъ силъ пока только еще намѣчается въ теоріи и весьма далека до осуществленія, то пока возможны только полумѣры на пути къ намѣченной цѣли и рядъ подготовленныхъ шаговъ. Необходимо юридическое и политическое равноправіе женщинъ, котораго уже добились, напримѣръ, женщины Финляндіи. Необходима разумная постановка воспитанія и образованія дѣтей обоего пола. Въ цѣляхъ болѣе серьезнаго и спокойнаго отношенія молодежи обоего пола къ половымъ вопросамъ въ высшей степени желательно совмѣстное обученіе дѣтей и юношества обоего пола, какъ въ низшей, такъ и средней и высшей школахъ. Такое совмѣстное обученіе дѣйствуетъ на молодежь въ высшей степени благотворно и въ духовномъ и физическомъ отношеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе педагоги давно признали необходимость серьезнаго и своевременнаго ознакомленія дѣтей съ ихъ половой природой. Институтскія теоріи аиста должны быть разъ навсегда оставлены, какъ возбуждающія только нездоровое любопытство дѣтей. Прекрасный разсказъ Андреева „Въ туманѣ“ даетъ намъ живую иллюстрацію тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приходитъ неосвѣдомленность дѣтей и юношества въ основныхъ вопросахъ пола и полное одино-

чество дѣтей въ семьѣ, когда является необходимость въ самыхъ серьезныхъ указаніяхъ и совѣтахъ. Ложная стыдливость и жеманство, царящія въ нашихъ семьяхъ, приводятъ въ концѣ концовъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ.

V.

Все, сказанное выше о женскомъ движеніи, въ русской литературѣ имѣетъ свою длинную исторію [1]). Много труда, много доброй энергіи, много свѣтлыхъ усилій было проявлено для того, что бы разобраться въ сложныхъ вопросахъ семьи, любви, женскаго равноправія. И русская интеллигенція можетъ по совѣсти гордиться достигнутыми результатами. Въ мѣру силъ и возможности сдѣлано было весьма и весьма достаточно.

Та волна порнографической литературы, о которой мы будемъ говорить ниже, ничего общаго не имѣетъ съ выдвинутыми свыше и разрѣшенными уже, отчасти, вопросами. Эта волна иного литературнаго происхожденія и возникла на иной психологической почвѣ. Она возникла не изъ потребности общественнаго и соціальнаго строительства, а изъ отрицанія этого строительства въ принципѣ, изъ полнаго равнодушія къ задачамъ политическимъ и соціально-экономическимъ.

Источникъ этого равнодушія—то своеобразное литературно-эстетическое и философское направленіе, которое сложилось на западѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и въ просторѣчіи получило нѣсколько вульгарное названіе декадентства. Здѣсь не мѣсто говорить подробнѣе о значеніи этого направленія, о томъ отрицательномъ и томъ безспорно положительномъ, что имъ было дано. Достаточно отмѣтить, что это былъ поворотъ отъ позитивизма къ метафизикѣ и мистицизму, отъ реализма къ символизму, стилизаціи, фантастикѣ, творимымъ легендамъ жизни отъ искусства демократическаго, съ широкими задачами,—къ интимнымъ переживаніямъ индивидуалиста автора и кучки его друзей; отъ политики къ общественному индиферентизму. Это была своеобразная реакція противъ господствующаго въ жизни мѣщанства,—мѣщанства въ политикѣ съ ея буржуазнымъ оппортунизмомъ, въ наукѣ съ ея самодовольствомъ, той „научной наукой“, которую такъ высмѣивалъ и Л. Н. Толстой, мѣщанства философіи, которая дальше позитивизма не хотѣла идти, мѣщанства поэзіи, которая пыталась создать натурализмъ и чужда была всякихъ порывовъ и идеализма. Это была реакція противъ господства буржуазіи, достигшей въ послѣдней четверти XIX вѣка во Франціи полной и окончательной побѣды надъ старымъ режимомъ. Въ ея рукахъ находились

---

[1]) Ср. между прочимъ книгу А. Коллонтай „Женское движеніе“ и ст. Е. Кусковой въ „Образованіи“ за 1909 годъ № 1.

уже вся власть и всѣ богатства. Впереди она ничего больше не желала и ни къ чему не стремилась. Все было получено; оставалось только охранять свое право рѣзать купоны и наживаться

Жизнь безъ религіи, безъ святого недовольства, безъ какихъ бы то ни было идеаловъ, безъ увлеченій, безъ сознанія своихъ недостатковъ, безъ чувства понятой несправедливости, безъ желанья уступить хотя бы долю своихъ правъ угнетеннымъ массамъ—такая жизнь по существу была простымъ умираніемъ, простымъ отрицаніемъ жизни и ея смысла.

Недовольство такой жизнью шло двумя путями: внизу росло движеніе на почвѣ соціальныхъ несправедливостей капиталистическаго режима—рабочее движеніе. На службу этому движенію шла и часть, меньшая, интеллигенціи. Другая ея часть несочувствовала буржуазіи, но не желала примкнуть и къ соціалистическому движенію, на долю котораго могли доставаться только терніи и лишенія и которое, по существу своему, шло въ слишкомъ узкихъ берегахъ матерьяльныхъ нуждъ и соціально политическаго строительства. Трезвенная работа въ этомъ направленіи при свѣтѣ будничныхъ заботъ и нуждъ не удовлетворяла „аристократовъ“ ума и чувства съ ихъ утонченными и изысканными интересами. Они предпочли аттаковать буржуазное общество съ высоты декадентскихъ твердынь—во имя индивидуализма. Epater les bourgoiis сдѣлалось потребностью писателей декадентовъ. Но отказавшись отъ „шума жизни,“ отъ вопросовъ политики, экономики и всякаго общественнаго строительства, „декаденты“ добровольно съузили сферу своихъ интересовъ и радостей. Во имя личности они опустошили личность. Ибо что-же такое личность, какъ не совокупность ея высшихъ духовныхъ интересовъ? Мы не говоримъ, конечно, о не разложимыхъ и не учитываемыхъ ничѣмъ физіологическихъ элементахъ личности (темпераментъ, нервная система и пр.)

Вѣдь личность и слагается изъ того, какъ она реагируетъ на вопросы права, политики, семьи, искусства, религіи, философіи, соціальныхъ проблеммъ.

Отбросьте изъ этого перечня большинство интересовъ и останется *голый* человѣкъ: съ одной стороны сфера мистики,—съ другой—вопросы пола, какъ центральный интересъ организма, здороваго или больного,—это уже безразлично.

Такъ на почвѣ „декадентства“ выростала постепенно гипертрофія чувственныхъ интересовъ.

Другая струя, направившая человѣка въ ту же сторону—философія Ницше въ ея вульгаризованномъ пониманіи. „Сверхъчеловѣкъ“ тоже явился протестомъ противъ пошлости и мѣщанства этихъ владыкъ міра современнаго. „Все позволено“, „по ту сторону добра и зла“, „геніальность“ сверхчеловѣка—вотъ тѣ банальные выводы, которые были сдѣланы изъ философіи Ницше многими его поклонниками и подражателями. Такимъ лубочнымъ ницшеанцемъ является Пшибышевскій со

своимъ героемъ Фалькомъ („Homo sapiens"). Фалькъ—прямой предшественникъ Санина. Весь смыслъ, вся цѣль жизни для Фалька—это непрерывныя и стремительныя побѣды надъ женщинами. Ради любви живетъ Фалькъ, ради нея способенъ на ложь, обманъ, преступленія.

Романъ Пшибышевскаго появился въ Россіи года за четыре до революціи [1]) и произвелъ сильное впечатлѣніе среди молодежи. Тогда-же были въ ходу и пьесы Пшибышевскаго. Но успѣхъ ихъ какъ-то быстро прошелъ, или во всякомъ случаѣ пошелъ на убыль. Пришла революція и всѣхъ увлекла въ сторону общественныхъ интересовъ и политической борьбы. Интересы „личности", вопросы пола временно были забыты, уступая мѣсто инымъ задачамъ, чаяніямъ и мечтамъ....

Громадная энергія была затрачена на эти чаянія и мечты. Много напрасныхъ и безполезныхъ жертвъ, тысячи погибшихъ жизней, десятки тысячъ выброшенныхъ за бортъ энтузіастовъ и мечтателей.

Порывы были благородны, но средства къ достиженію поставленныхъ цѣлей оказались ничтожны. Да и цѣли были чисто химеричны. Первые успѣхи революціи окрылили мечтой самыхъ пламенныхъ фантазеровъ. Казалось, что русская жизнь можетъ сразу перешагнуть изъ мрака тьмы и невѣжества, вѣками накопленнаго въ свѣтлую стихію торжествующихъ свободъ.

Ликующая воля толкала на путь самыхъ несбыточныхъ предположеній и требованій. Незрѣлая общественная мысль отмѣняла законы экономической эволюціи и устремлялась въ область неограниченныхъ соціальныхъ возможностей.

Первые успѣхи вскружили голову и опьянили.. Темпераментъ, а не зрѣлый умъ и знаніе, диктовалъ программы.

И чѣмъ выше уносилась фантазія въ область политическихъ сказокъ, тѣмъ сильнѣе и больнѣе было паденіе на землю, къ суровой и кровавой дѣйствительности. Разочарованіе было безмѣрное. Ликованіе смѣнилось отчаяніемъ; молодой энтузіазмъ—унынiемъ, революціонная энергія—политической прострацiей.

Пришли и стали тѣни ночи на стражѣ зла.

Настала реакція.

„И пролетаріатъ, и крестьянство и вообще „народъ" и сама революція, можно сказать, не оправдали ожиданій почтеннѣйшей публики"—такъ пишетъ Ф. Д-нъ, которому—надо думать—достаточно хорошо извѣстны событія революціонной эпохи.[2])

Передъ растерянной молодежью и частью интеллигенціи разверзлась бездна и надвинулась „тьма"... Наступило страшное духовное утомленіе. Революція вырождалась въ экспро-

---

[1]) Ст. Пшибышевскій. Homo sapiens М. 1902. Книгоизд „Скорпіонъ".

[2]) На рубежѣ. Критич. сборникъ. Спб. 1909 годъ

пріаціяхъ, которыя выдвигались уже не массовыми, коллективными переживаніями, а „личностью“, вырвавшейся изо всѣхъ связей съ цѣлымъ.

Индивидуализмъ вновь предъявилъ свои права. Недостижимость соціальныхъ идеаловъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ выдвинула съ настойчивой требовательностью вопросъ о *сегодняшнемъ днѣ*. Если опять ставилась чеховская формула о томъ, какъ хорошо будетъ черезъ 200—300 лѣтъ, то естественно было ожидать и вопроса отъ „личности“: какое мнѣ дѣло до счастья черезъ 200 лѣтъ. Я хочу счастья себѣ, теперь, сегодня-же. Я не хочу быть только удобреніемъ для будущихъ всходовъ, я не хочу жить для невѣдомаго будущаго Я живой человѣкъ, я самъ себѣ цѣль. Я хочу наслаждаться жизнью, а не умирать за счастье будущихъ поколѣній.

Вотъ на какой психологической почвѣ выросла фигура Санина и другихъ героевъ Арцыбашева.

VI.

Авторъ романа „Санинъ“ задался цѣлью создать положительный типъ въ русской жизни; типъ человѣка, который разрѣшилъ противорѣчія жизни и нашелъ вѣрный путь къ счастью на землѣ, теперь же. Въ этомъ стремленіи къ созданію положительныхъ типовъ Арцыбашевъ идетъ по тому пути, который привлекалъ и другихъ русскихъ писателей. Начиная съ Гоголя, всѣ русскіе писатели тосковали по положительному типу. Русская жизнь давала только отрицательные типы и потому вполнѣ понятна тоска по людямъ, утверждающимъ смыслъ жизни, дающимъ выходъ изъ міра пошлости, сомнѣній и отрицанія.

И всѣ русскіе писатели потерпѣли крушеніе въ поискахъ идеальнаго человѣка. Трудно, вѣрнѣе, прямо невозможно создать образъ несуществующаго. Творчество имѣетъ свои предѣлы, и самая пылкая фантазія строитъ свои мечты изъ матерьяла дѣйствительности. Констанжогло у Гоголя, Штольцъ у Гончарова, Соломинъ и Базаровъ у Тургенева—вотъ жалкіе результаты положительнаго строительства нашихъ корифеевъ беллетристики.

Нельзя творить изъ ничего. Положительныхъ типовъ, идеальныхъ людей, разгадавшихъ смыслъ жизни и на этой почвѣ создавшихъ для себя счастливую жизнь, которой можно подражать,—нѣтъ и не можетъ быть; жизнь слишкомъ печальна, несовершенна, полна противорѣчіями, что-бы могли въ ней явиться положительные, даже идеальные люди. Такіе люди въ изображеніи писателей всегда оказываются узкими, односторонними людьми,—выдуманными.

Вѣдь если бы возможны были въ наше время люди, нашедшіе философскій ключъ къ разумѣнію жизни и самому лучшему ея устройству, *теперь* же, при наличности современныхъ, политическихъ и соціальныхъ условій, то это значило

бы, что проблемма совершенствованія разрѣшена; это значило бы, что она дѣйствительно не зависитъ отъ внѣшнихъ формъ, а всецѣло является продуктомъ внутреннихъ процессовъ и измѣненій въ человѣкѣ. Это могло бы означать еще, что современныя общественныя условія жизни не такъ уже плохи и даютъ полную возможность разумнаго законченнаго существованія, и только не всѣ люди умѣютъ устроить свою жизнь,—воспользоваться существующими условіями.

Тургеневъ далъ намъ предшественника Санина—по упрощенности рисунка жизни и элементарности внутренняго ея содержанія,—Базарова.

Но какая громадная разница въ цѣнности обоихъ типовъ. Базаровъ тоже равнодушенъ къ общественнымъ вопросамъ, политикѣ, народу, искусству, книгамъ, религіи, партійнымъ программамъ и пр. Онъ тоже весьма упрощенно смотритъ на жизнь, на любовь, заглядывается на красивыхъ женщинъ и въ отношеніяхъ къ нимъ не признаетъ ничего другого, кромѣ простого физіологическаго влеченія. Но при всемъ томъ Базаровъ все же явленіе прогрессивное. Это человѣкъ труда, выдержки, здоровой энергіи и воли. Онъ вѣритъ въ науку; въ его нигилизмѣ—предчувствіе чего то новаго, лучшаго; сынъ разночинца, онъ пришелъ на смѣну праздному и болтливому барину, что-бы превратить лѣнивую дворянскую Русь въ „мастерскую“, гдѣ выковывается новая разумная жизнь.

Въ отрицаніи Базарова, при всей некультурности этого отрицанія, звучитъ положительная жажда творчества, чувствуется протестъ противъ гнилой старины. Совсѣмъ не таковъ Санинъ, хотя авторъ и старался придать ему возможную привлекательность и внушительность.

Г. Арцыбашевъ старается представить намъ своего героя съ самой положительной стороны и вырисовываетъ его самыми привлекательными чертами. Онъ увѣряетъ насъ, что душа Санина сложилась свободно, на просторѣ, какъ дерево въ полѣ. Его не искалѣчило воспитаніе, не испортила школа, которой онъ, конечно, не кончилъ. Передъ нами настоящій русскій красавецъ. Высокій, свѣтло-волосый, не знающій ни усталости, ни волненія, ни стыда, ни угрызеній совѣсти. Постоянно слышится его беззаботный смѣхъ, его искренній и ласковый голосъ.

Его свѣтлые глаза отличаются любопытной особенностью: они не мигающіе глаза; ихъ ничѣмъ нельзя смутить и встревожить...

Міровоззрѣніе Санина чрезвычайно просто: у него вовсе нѣтъ міровоззрѣнія. Онъ и не считаетъ необходимымъ какое бы то ни было міровоззрѣніе. Нужно жить, какъ птица летаетъ. Нужно отдаваться беззаботно радостямъ переживаемой минуты, не отдаваясь страхамъ и опасеніямъ за завтрашній день, не мучая себя соображеніями долга, обязанностей, совѣсти. Люди, думаетъ Санинъ, по природѣ гадки, по природѣ скоты. Нужно усвоить себѣ этотъ взглядъ на человѣка

и не волноваться. Все, что настроили люди въ области политики, религіи, соціальныхъ отношеній, только стѣсняетъ здоровую человѣческую природу.

Нужно освободиться отъ ненужнаго и вреднаго нароста на здоровомъ тѣлѣ: долой этику, тяжелый трудъ, общественное строительство, науку. Для счастья человѣка нужно не много: удовлетворять естественнымъ склонностямъ пола и желудка.

Смѣшно садиться за какую нибудь конституцію на всю жизнь въ Шлиссельбургскую крѣпость, глупо отдать молодую жизнь, изсушающей душу научной работѣ или мѣщанской погонѣ за деньгами. Нужно наслаждаться жизнью. Но такъ какъ изъ понятія наслажденія энергично изъяты всѣ тѣ наслажденія, которыя выдѣляютъ человѣка изъ міра животныхъ,— область научныхъ, художественныхъ, религіозныхъ и соціальныхъ исканій, то отъ сложнаго комплекса свойствъ, изъ которыхъ слагается человѣческая личность, остается только два признака: полъ и желудокъ.

И Санинъ весь во власти чувственныхъ аперцепцій. Женщины и водка—вотъ главные источники его жизненныхъ радостей, вотъ въ чемъ смыслъ жизни. Пьетъ Санинъ и его друзья невѣроятно много и по самымъ разнообразнымъ поводамъ: на вечеринкѣ у товарища, на именинахъ и похоронахъ; отъ скуки и веселья, въ гостяхъ и дома, въ періодъ любовныхъ набѣговъ, на водѣ и на сушѣ. Пьетъ съ наслажденіемъ, со страстью, вѣчно распаляемый изсушающей жаждой. Товарищескій кружокъ собрался, что-бы сообща выработать программу самообразованія. Приходитъ и Санинъ; но программы самообразованія его не интересуютъ: „я думалъ, говоритъ онъ, что тутъ даютъ пиво“. Водка и пиво—вотъ тѣ „демократическіе“ напитки, которыми довольствуется лучезарная душа свободнаго отъ предразсудковъ новаго человѣка.

Санинъ—алкоголикъ въ полномъ значеніи этого слова. Это лѣнивый умъ, сонный, вялый, не способный къ долгому напряженію и систематическому труду. Онъ всегда живетъ „какъ нибудь“. То работаетъ, то такъ „слоняется“ безъ дѣла. Ищетъ труда легкаго и заработка случайнаго Что-то пишетъ, бываетъ въ редакціяхъ, но чаще сидитъ и бражничаетъ въ дешевыхъ ресторанахъ. Надоѣлъ ему городъ, опротивѣло безцѣльное слоняніе по ресторанамъ и редакціямъ;—онъ бросаетъ городъ и ѣдетъ домой, въ провинціальный городъ на маменькины хлѣба, благо у матери есть кое какое имущество, и домъ, и садикъ.

Санинъ съ „аппетитомъ“ пилъ пиво и водку, и совсѣмъ мало читалъ. Пробовалъ онъ какъ-то прочесть „Такъ сказалъ Заратустра“ Ницше, но плюнулъ и заснулъ надъ книгой. Въ другой разъ сталъ онъ размышлять надъ судьбами христіанства, но это занятіе показалось ему такимъ скучнымъ и непріятнымъ, что онъ незамѣтно заснулъ и проспалъ до глубокаго вечера.

Авторъ хочетъ увѣрить насъ, что Санинъ, какъ и его товарищъ Юрій Сварожичъ, были прежде соціалъ-демократами, или чѣмъ то вродѣ этого; съ тою только разницею, что первый совершенно освободился отъ партійныхъ обязательствъ и „предразсудковъ", ставъ „выше" ихъ, а другой ушелъ изъ партіи въ силу оскорбленнаго самолюбія.

Въ дѣйствительности трудно допустить, что-бы Санинъ и Сварожичъ были въ партіи. Правда, авторъ увѣряетъ насъ, что Юрій Сварожичъ писалъ руководящія статейки въ соціалъ-демократическомъ органѣ, что въ партіи онъ претендовалъ на первую роль руководителя; но если разсмотрѣть мнѣнія, высказываемыя и Санинымъ и Сварожичемъ, то ясно, что или самъ авторъ ничего не смыслитъ въ соціалъ-демократическомъ ученіи, или его герои никогда не были марксистами...

Заходитъ рѣчь о христіанствѣ. Санинъ высказываетъ свое отвращеніе къ ученію Христа. По его мнѣнію христіанство будетъ вспоминаемо человѣчествомъ не иначе, какъ съ проклятіями: оно принесло громадный вредъ. По глубокомысленнымъ соображеніямъ Санина ко времени появленія на землѣ Христа все было готово къ возстанію рабовъ противъ господъ. Но явилось ученіе Христа съ его проповѣдью смиренія и всепрощенія, и возстаніе оказалось немыслимымъ, и на многія сотни лѣтъ христіанство задержало освобожденіе человѣка отъ рабства.

Такое наивное изображеніе историческихъ процессовъ не простительно гимназисту, а не сознательному дѣятелю партіи, усвоившей хотя бы элементарнѣшія положенія ученія Маркса.

Историческая схема Санина прямо противоположна основному положенію марксизма, по которому не идея предшествуетъ факту и управляетъ имъ, а какъ разъ наоборотъ: матеріальныя и экономическія формы быта порождаютъ и извѣстную идеологію, обусловливаютъ тѣ, или другія религіозныя, политическія и соціальныя воззрѣнія.

Также глубоко невѣжественъ и Юрій Сварожичъ, писавшій статейки въ партійномъ марксистскомъ органѣ, а настроенный на старо народническій ладъ.

Онъ носится съ идеей мученичества, героизма и потомъ ужъ вовсе разочарованный восклицаетъ въ совершенномъ не „марксистскомъ" пафосѣ: „можно-ли страдать и жертвовать собою за это глупое и низкое звѣрье".

Если Санинъ и Сварожичъ и попали какъ нибудь случайно въ соціалъ-демократическую группу, то только по недоразумѣнію; но и въ самой убогой и неграмотной группѣ подростковъ они могли оставаться только подонками ея, а не героями и вождями, какъ хочетъ насъ увѣрить авторъ.

Въ умственномъ и общественномъ отношеніи Санинъ стоитъ чрезвычайно низко. Также жалокъ и убогъ Санинъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Его взглядъ на людей чисто звѣриный, зоологическій. Санинъ не признаетъ ни дружбы,

ни родства, ни теплыхъ сердечныхъ привязанностей. Мать свою онъ презираетъ. Послѣ одного спора съ ней онъ смотритъ ей вслѣдъ и говоритъ про себя: „вотъ животное“ Сестру свою онъ изучаетъ, какъ самку. Онъ подглядываетъ ее въ окно, когда она раздѣвается, смотритъ на нее съ вожделѣніемъ и, улучивъ минуту слабости, крѣпко обнимаетъ сестру и обжигаетъ ее горячимъ поцѣлуемъ, зная, что его сестра въ это время удручена горемъ, разочарованіемъ въ Зарудинѣ и готовится быть матерью. Нѣтъ въ сердцѣ Санина мѣста и дружбѣ. У Санина могутъ быть собутыльники; товарищи пирушекъ, но нѣтъ и не можетъ быть друзей. Дружба обязываетъ, дружба требуетъ извѣстнаго постоянства настроеній, преданности, симпатій, а Санинъ на это вовсе не способенъ. Совершенно спокойно узнаетъ онъ о смерти еврея Соловейчика, безъ всякихъ колебаній и угрызеній совѣсти наноситъ страшный ударъ кулакомъ поручику Зарудину и отказывается отъ дуэли, зная, что тѣмъ толкаетъ его на самоубійство.

Поведеніе Санина на похоронахъ Сварожича цинично-развязно. Надъ свѣжей могилой пріятеля, передъ кучкой опечаленныхъ его друзей онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ цинично изречь слѣдующую сентенцію: „Юрій Сварожичъ жилъ глупо, мучилъ себя по пустякамъ и умеръ дурацкой смертью“...

И замѣчательно то, что авторъ все время на сторонѣ своего любимца. Соловейчикъ автору только жалокъ. Его изображаетъ онъ не безъ доли затаеннаго презрѣнія къ „еврейчику“

Молодецкій ударъ Санина Зарудину, кулакомъ по лицу, и всѣ послѣдствія этого удара разсказаны съ какимъ то любовнымъ смакованіемъ.

Циничную рѣчь на кладбищѣ авторъ завершаетъ сценой негодованія кружка, въ которой Санинъ остается побѣдителемъ. Уполномоченные кружка, трепетно и робко, путаясь и запинаясь, хотятъ выразить Санину свое негодованіе, но Санинъ, бодро закинувъ назадъ голову, посрамляетъ ихъ однимъ своимъ видомъ и удаляется побѣдителемъ... Такъ хочетъ авторъ

Въ высшей степени характерно отношеніе Санина и другихъ героевъ Арцыбашева къ женщинѣ. Къ ней Санинъ относится съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Женщина—только самка,—глупая самка прежде всего,—жаждущая мужчины. Пріятель Санина, при сочувствіи и самого Санина, увѣряетъ, что дѣльные и умные мужчины встрѣчаются, ну хоть одинъ на тысячу, а женщинъ—ни одной. „Голыя, розовыя, жирныя, безхвостыя обезьяны“. Это та же характеристика, которую мы раньше уже слышали отъ Вейнингера. По Арцыбашеву, женщина жаждетъ только чувственнаго наслажденія и счастлива, когда ее берутъ. Сестра Санина очень быстро осваивается съ чувственными поцѣлуями брата и когда „горячія

губы брата долго и больно ее цѣловали, она чувствовала себя неудержимо счастливой. Въ это мгновеніе ей не было дѣла до того, кто ее цѣлуетъ". Когда герои Арцыбашева съ Санинымъ во главѣ видятъ женщину, они никогда не интересуются ею, какъ человѣкомъ. Ихъ взоръ всегда устремленъ ниже лица женщины. Ихъ привлекаетъ въ женщинѣ все то, что говоритъ о чувственности. Зина Карсавина купается и Санинъ, подсматривающій за ней, наслаждается тѣмъ, какъ отъ смѣха „весело дрожали ея розовый животъ и высокія дѣвичьи груди". Видъ красивой женщины или красиваго мужчины вызываетъ у Санина (и у Арцыбашева) чисто зоологическія сравненія. Красивая походка и фигура сестры Лиды вызываетъ въ немъ образъ кобылы. Зарудинъ сравнивается съ жеребцомъ. Мать съ животнымъ. Въ одномъ мѣстѣ самъ Санинъ радостно заржалъ... го-го-го! неслось далеко по полю изъ груди Санина.

Такъ же, какъ Санинъ, смотритъ на женщину и поручикъ Зарудинъ: глядя на Лиду, Зарудинъ заранѣе радовался при мысли, что и „эта гордая, чистая, умная и начитанная дѣвушка будетъ принадлежать ему (текстъ изъ приличія нами измѣненъ), какъ и другія дѣвушки, и онъ будетъ дѣлать съ ней все, что захочетъ". Въ сущности, Зарудинъ тотъ же Санинъ, только въ военномъ мундирѣ; пожалуй, даже выше Санина: онъ, по крайней мѣрѣ, старательно исполняетъ возложенныя на него службой обязанности, имѣетъ какое то, хотя бы и одностороннее, понятіе о чести и долгѣ... Но авторъ, должно быть, за офицерскій мундиръ—старается всячески унизить его: то, что вмѣняется въ заслугу Санину, приводится въ порицаніе Зарудину.

Юрій Сварожичъ не отстаетъ отъ двухъ предыдущихъ героевъ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ. Онъ видитъ Карсавину и сейчасъ-же у него возникаетъ смутная мечта „лишить ее чистоты и невинности, какъ выростало у него это желаніе при видѣ всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ". Онъ идетъ съ Карсавиной въ пещеру, и первая мысль, какая у него является здѣсь, это та, что теперь „въ сущности она у него въ рукахъ". И онъ даже высказываетъ эту мысль Карсавиной. На прогулкѣ съ ней Сварожичъ пытается осуществить свои чувственные планы; но все несчастіе Сварожича, что онъ растерялъ свои силы и не способенъ обнаружить во время пылкость звѣря.

Вотъ Санинъ въ этомъ смыслѣ не теряетъ золотого времени. На баштакѣ онъ быстро сходится съ внучкою стараго дѣда пасѣчника. На лодкѣ онъ однимъ звѣринымъ наскокомъ овладѣваетъ красавицей Карсавиной. Замѣчательно при этомъ, что дальше звѣринаго наскока и кратковременнаго звѣринаго „счастья" Санинъ не понимаетъ никакой любви. Онъ не ищетъ въ ней никакихъ духовныхъ цѣнностей, никакой нѣжности, психологическаго сродства души. Для Санина нѣтъ даже интереса къ продолжительной чувственной связи. Лю-

бовь для него только физіологическій наскокъ, порывъ, и ничего больше. На другой день послѣ сцены въ лодкѣ онъ торопится уже разстаться съ Зиной, не думая о послѣдствіяхъ и не собираясь нести за нихъ отвѣтственности. Милая, красивая, умная дѣвушка, хорошій и честный человѣкъ нисколько больше не интересуетъ его. Вмѣстѣ съ звѣринымъ наскокомъ у него проходитъ всякій интересъ къ дѣвушкѣ И хотя онъ говоритъ ей на прощанье нѣсколько трогательныхъ словъ, но чувствуется, что это только фразы, сказанныя глубоко страдающей и опечаленной дѣвушкѣ для того, что бы сказать что нибудь. Покончивъ съ непріятнымъ разговоромъ и разставшись съ Карсавиной, Санинъ испытываетъ чрезвычайно радостное чувство свободы и простора и громко гогочетъ, какъ жеребецъ, выпущенный въ поле...

Въ Санинѣ наблюдается полное отсутствіе привязанностей, нравственнаго чувства. Онъ способенъ радоваться и наслаждаться, когда причиняетъ другимъ страданіе и сознаетъ это. Санинъ нравственно-тупой человѣкъ, типичный алькоголикъ-дегенерантъ, съ ненормально развитой половой распущенностью. Онъ не положительный типъ, а жалкій выкидышъ нашего общественнаго нестроенія. Это дворянинъ-послѣдышъ, недостаточно богатый, что-бы пользоваться преимуществами своего дворянскаго положенія, не достаточно трудоспособный, что-бы примкнуть къ какому либо другому классу трудящихся. Стоя внѣ класса, внѣ живыхъ связей съ общественными группами, недостаточно талантливый, что-бы создать себѣ положеніе ярко индивидуальнымъ творчествомъ— онъ превращается въ нравственнаго босяка, въ отбросъ общества, а не героя. Такихъ представителей нравственнаго пропойства и босячества не мало плыветъ на поверхности взволнованной рѣки, когда она выйдетъ изъ береговъ. Они несутся по ея шумнымъ волнамъ, куда несетъ теченіе; но обмелѣетъ рѣка, войдетъ въ берега и вся эта гниль, весь этотъ мусоръ остается гнить на берегахъ жизни.

Русская революція выплеснула на отмели жизни не мало такого мусора, не мало мути изъ темныхъ нѣдръ глубокаго дна. Но мусоръ не творитъ жизни и не указываетъ спасительныхъ береговъ.

Санинъ опустошенная душа. У него нѣтъ привязанностей, нѣтъ друзей, кромѣ собутыльника Иванова, которому онъ позволяетъ себя любить, нѣтъ цѣли и плана жизни, нѣтъ настоящихъ и прочныхъ радостей, нѣтъ никакихъ убѣжденій, нѣтъ широты и смѣлости душевнаго размаха, нѣтъ искренности и честности даже въ той сферѣ, гдѣ, казалось, Санинъ хотѣлъ сказать что то новое, свое—въ области полового „вольномыслія“.

Что новаго сказалъ намъ Санинъ? Прибавилъ-ли онъ хоть одну черту для разрѣшенія сложнаго комплекса вопросовъ, объединенныхъ общей рубрикой „проблеммы пола?“ Ни одной!

Санинъ мѣщанинъ до мозга костей, его совѣты сестрѣ полны заматерѣлой мѣщанской пошлости.

Сестра признается ему въ томъ, что она беременна. Что можетъ сказать ей Санинъ? Быть можетъ онъ утѣшитъ и успокоитъ ее? Скажетъ, что имѣть ребенка великое счастье. Что право материнства—священное право, котораго нечего стыдиться. Ничуть не бывало Санинъ даетъ совѣтъ отдѣлаться отъ ребенка обычнымъ акушерскимъ путемъ,—путемъ умерщвленія плода. Когда сестра Лида съ омерзеніемъ отшатнулась отъ этого способа, Санинъ находитъ другой мѣщанскій выходъ—выйти замужъ за нелюбимаго человѣка и, такимъ образомъ, покрыть „грѣхъ" и избѣжать „скандала". И самъ устраиваетъ соглашеніе съ врачемъ Мироновымъ. Таковъ новый человѣкъ Санинъ!

Накуралесивъ изрядно въ родномъ городѣ, и чувствуя, что дольше оставаться въ немъ и „скучно" и неудобно, Санинъ пробуетъ перемѣнить мѣстожительство и украдкой отъ всѣхъ спѣшитъ скрыться. Ночью вытаскиваетъ онъ въ окно свой пустой чемоданъ (какой символическій чемоданъ!) и спѣшитъ на вокзалъ. Вотъ онъ уже въ поѣздѣ. Въ третьемъ классѣ вмѣстѣ съ грязными мужиками, которыхъ онъ всей душой ненавидитъ за ихъ мѣщанство. Куда онъ ѣдетъ? Неизвѣстно. Въ душѣ пусто, въ чемоданѣ пусто, въ кошелькѣ ни гроша. Авторъ самъ не знаетъ, что сдѣлать со своимъ героемъ, куда его пристроить,—этого *новаго* человѣка, душа котораго выросла и сложилась такъ свободно, какъ дерево въ полѣ! Вернуть его въ большой городъ въ атмосферу дешевыхъ ресторановъ и редакціонныхъ задворокъ? Тамъ уже онъ былъ и больше тамъ ему нечего дѣлать. Нечего дѣлать и на родинѣ. И вотъ авторъ заставляетъ Санина бросить свой легковѣсный чемоданъ, что-бы соскочить съ поѣзда гдѣ то наполустанкѣ и бодро итти навстрѣчу солнцу!

Какой жалкій и безсодержательный аллегорическій образъ. Гдѣ то солнце, на встрѣчу которому идутъ Санины? Кто то бросилъ терминъ „солнечности" чувства любви. У Санина и этого солнца нѣтъ; ему „свѣтитъ" только половой инстинктъ, которому онъ и будетъ служить до тѣхъ поръ, пока онъ ему не измѣнитъ, пока не настанетъ физическое истощеніе.

Застрявъ на полустанкѣ, на полдорогѣ между городомъ и деревней, Санинъ пойдетъ не на встрѣчу солнцу, а въ ближайшій кабакъ, если по дорогѣ ему не поломаютъ ребра ревнивые парубки за слишкомъ смѣлые наскоки неутомимаго героя на деревенскихъ пейзанокъ...

На встрѣчу солнцу золотому,—солнцу разумнаго труда и истинной свободы пойдетъ трудовая Русь, а не бездѣльники „индивидуалисты", опростившіе идеи Ницше и декадентовъ до чисто русскаго босячества.

VII.

Волна порнографіи, вынесшая на поверхность жизни романъ Арцыбашева, выплеснула на берегъ и еще нѣсколько беллетристовъ, увы—торговавшихъ тѣмъ-же товаромъ. Къ числу такихъ-же писателей, приспособлявшихъ свой безспорный талантъ къ требованіямъ рынка, приходится отнести, къ сожалѣнію, и Анат. Каменскаго. Это несомнѣнно талантливый писатель, съ литературнымъ вкусомъ, хорошимъ стилемъ, но безъ внутренняго огня, безъ собственнаго „я", безъ своей опредѣленной мелодіи.

Обладая живымъ, гибкимъ умомъ, онъ легко откликается на запросы дня. Когда читаешь повѣсти и разсказы Каменскаго, имъ нельзя отказать во внѣшней занимательности и живости; но души автора въ нихъ не чувствуется. Авторъ культивируетъ порнографическіе сюжеты, но любви къ порнографіи у него нѣтъ; авторъ не обнаруживаетъ чувственнаго темперамента, который оправдывалъ бы и соотвѣтствующія темы. Охотно вѣрится заявленію Каменскаго, что онъ примѣрный семьянинъ и самый уравновѣшенный человѣкъ въ мірѣ [1]). Но тогда всѣ его писанія надуманы въ расчетѣ на моду и спросъ. Въ нихъ не чувствуется искренности увлеченія, честности творчества. Вотъ разсказъ „Четверо", повѣствующій, какъ одинъ бравый поручикъ совершилъ въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ четыре удачныхъ наскока на четырехъ женщинъ, самаго разнообразнаго общественнаго положенія, (продавщица конфектъ, попадья, учительница и т. д.). Тщательныя, старательныя описанія въ границахъ приличія, нисколько не волнующія крови въ силу своей расчитанности. Вотъ нашумѣвшій разсказъ „Леда". „Эмансипированная барынька прихватываетъ въ ресторанѣ понравившагося ей студента и ведетъ его домой на глазахъ у мужа, спокойно и „либерально" взирающаго на кратковременныя любовныя „утѣхи" своей супруги. Кромѣ свободы любви барынька проповѣдуетъ еще культъ тѣла и потому разгуливаетъ по всѣмъ комнатамъ своей квартиры въ весьма облегченномъ костюмѣ: въ однихъ ботинкахъ; причемъ весьма не эстетично усаживается во время разговора со знакомыми въ столовой на буфетный столъ... Въ комнатахъ жарко натоплено, чтобы не мерзнуть въ легкомъ костюмѣ. И „либеральный" супругъ, одѣтый въ обычный костюмъ, принужденъ претерпѣвать не только эстетическія и половыя причуды своей жены, но и атмосферу бани... Не правдоподобно, но модно и пикантно,—думаетъ авторъ, нарочито измышленнаго разсказа. Тому-же автору принадлежитъ разсказъ, гдѣ культу тѣла предается только что проснувшійся десятилѣтній мальчуганъ. Вейнингеръ и мода на его теоріи немедля породили разсказъ, гдѣ молодой человѣкъ, перерядившійся въ женское платье,

[1]) „Литерат. календарь" на 1908 годъ, автобіографія.

начинаетъ чувствовать въ себѣ свое женское начало (Ж!) и проникается женской психологіей Беллетристъ превращается въ моднаго закройщика и, недостойно своего таланта, ищетъ успѣха минуты.

Порнографическому повѣтрію поддались многіе современные писатели. Появились разсказы, изображающіе преступную любовь матери къ сыну, отца къ дочери, двухъ старушекъ сестеръ, которыя „подъ занавѣсъ“ восклицаютъ, обнимаясь:— О, мой мужъ! О, моя жена! Появился даже журналъ „Вопросы пола“, спекулировавшій на модное настроеніе; сборникъ „Жизнь“ далъ намъ разсказы шести беллетристовъ: Муйжеля Куприна, Арцыбашева, Крачковскаго, Айзмана, соблазнившихся общимъ увлеченіемъ. По мѣткому замѣчанію Тана, эпиграфомъ для этого сборника могли бы служить слова: здѣсь насилуютъ! И даже талантливый, богато одаренный Купринъ унизилъ свое дарованіе грязнымъ разсказомъ „Морская болѣзнь“. Ярится г. С. Городецкій, восхваляетъ „святую плоть“ Мережковскій, затеплилъ лампадку надъ супружеской постелью Розановъ..

Не мало чувственности, болѣе органической, но антипатичной, вливается мутной полосой въ творчество Соллогуба („Навьи чары“ и пр.), получая временами противоестественную окраску. Противоестественнымъ настроеніямъ и „увлеченіямъ“ посвящены произведенія Кузьмина (Крылья связаны), Зиновьевой-Аннибалъ (Тридцать три урода), предлинно размышляетъ г. Чулковъ о „Тайнахъ любви“ и даже почтенный философъ-мистикъ Вячеславъ Ивановъ сочиняетъ статьи „О любви дерзающей“ („Факелы“ II т.) и на всѣ лады раздѣлываетъ своимъ тредьяковскимъ стилемъ Veneris figurae:

„Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда
Гдѣ страстная ранитъ разно много-страстная услада,
На два пола—знакъ Раскола—кто умножитъ, можетъ счесть
Шестьдесять и шесть объятій и шестьсотъ пріятій есть“.

Пора покинуть г. Иванова и присныхъ со всѣми ихъ шестью сотнями „пріятій“.

Волна порнографіи теперь уже спала. Она никогда и не была высока. Никогда не выражала дѣйствительныхъ настроеній нашего общества Ея вліяніе было преувеличено любящими рекламу и сенсацію газетчиками. Отдѣльные случаи возводили въ правило, въ эксцессахъ видѣли типичное. Газеты опережали событія, прибывали за два часа до пожара, какъ хорошіе репортеры; но часто пожара никакого и не было. Всегда были эксцессы, увлеченія, всегда существовали склонные къ разврату и всецѣло занятые чувственными утѣхами. Они не составляли правила. Быть можетъ, они дали своимъ старымъ привычкамъ новыя модныя названія, но сущность отъ этого

не измѣнилась. Пусть прежніе салоны встрѣчъ получили названіе „Лиги свободной любви“—перемѣна названія не доказываетъ, что русское общество вообще и русская молодежь въ особенности стали иными. Эта послѣдняя въ корняхъ своихъ здорова, честна и цѣломудренна. Послѣдняя московская анкета это доказала статистически. Никогда серьезная молодежь не увлекалась Саниными и ихъ зоологическими идеалами. Высшіе духовные и общественные интересы по прежнему находятъ въ ней горячую отзывчивость и неослабѣвающее вниманіе. Годы реакціи не поколебали ея настроеній. [1])

Порнографическая волна подняла со дна русскаго болота много мути и грязи. Она ничѣмъ не послужила дѣлу разрѣшенія женскаго вопроса и проблеммѣ пола, скорѣе даже повредила, внесла въ важные вопросы налетъ игривой пошлости и легкомыслія.

Общественное движеніе ищетъ разрѣшенія трудныхъ вопросовъ внѣ порнографическаго теченія, доживающаго свои послѣдніе дни.

Считаю умѣстнымъ въ заключеніе указать на драмы талантливаго малорусскаго писателя Винниченка: „Дізгармонія“, „Щаблі життя“ и „Молохъ“, гдѣ трактуются тѣ-же вопросы, которые затронуты г. Арцыбашевымъ въ его „Санинѣ“, но разработаны гораздо тоньше, умнѣе, талантливѣе и чище. Героини Винниченка не похожи на „жирныхъ розовыхъ обезьянъ“, легко дѣлающихся жертвами чувственнаго плотоядства Саниныхъ и Зарудиныхъ. Онѣ сопротивляются ихъ упрощеннымъ зоологическимъ влеченіямъ. Онѣ ставятъ любви иныя задачи. Онѣ не довольствуются звѣринымъ началомъ, не примиряются съ одними влеченіями тѣлъ, онѣ ищутъ высшей духовной связи, глубокой гармоніи душъ, борятся за эту высшую гармонію и побѣждаютъ. Онѣ идутъ впереди мужчинъ. Въ этомъ ихъ громадное преимущество передъ героинями русскихъ разсказовъ. Надо замѣтить, что Винниченко одинъ изъ тѣхъ не многихъ малорусскихъ писателей, которые, затрагивая не бытовыя, а общечеловѣческія темы, трактуютъ ихъ серьезно, глубоко въ свѣтѣ продуманнаго, строго демократическаго міровоззрѣнія, ничуть не теряютъ и въ переводѣ, и потому могутъ быть смѣло рекомендованы русскимъ издателямъ для перевода на русскій языкъ.

---

[1]) Что молодежь не раздѣляетъ Саниныхъ идеаловъ—въ этомъ мнѣ лично пришлось убѣдиться много разъ: напечатанную выше лекцію я читалъ много разъ въ Петербургѣ и около 10 разъ въ провинціальныхъ городахъ и всегда моя точка зрѣнія вызывала горячее сочувствіе молодежи, переполнявшей лекціи. Эта-же лекція была встрѣчена полнымъ сочувствіемъ и перваго всероссійскаго женскаго съѣзда.

Гоголь какъ драматургъ.

Мы знаемъ изъ воспоминаній С. Т. Аксакова, какое значеніе придавалъ Гоголь комическому въ жизни и въ театрѣ; на замѣчаніе Аксакова, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно и гладко, прилично и пусто, что

..... даже глупости пустой?
Въ тебѣ не встрѣтишь свѣтъ пустой!

Гоголь отвѣтилъ Аксакову, поглядѣвъ на него„ какъ то значительно", что это неправда; что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его [1]).

Врожденное малорусской натурѣ Гоголя чувство комизма подсказало писателю эти мудрыя слова.

Не только смѣшное, но и комическое въ высшемъ эстетическомъ значеніи этого слова присуще было Гоголю. Въ театрѣ, который Гоголь считалъ храмомъ, онъ хотѣлъ путемъ изображенія комическаго внушить „стремленіе къ высокому и прекрасному" осмѣяніемъ безобразнаго толкнуть на путь добра [2]).

Къ театру у Гоголя было влеченье съ дѣтскихъ лѣтъ. Оно было наслѣдственно. Отецъ Гоголя писалъ малорусскіе водевили-жарты; изъ нихъ „Простакъ" около ста лѣтъ не сходилъ со сцены. Въ нѣжинскомъ лицеѣ Гоголь принималъ участіе въ любительскихъ спектакляхъ и по отзывамъ современниковъ игралъ превосходно. Особенно выдвинулся онъ правдивымъ изображеніемъ Простаковой въ „Недорослѣ". Свои произведенія Гоголь впослѣдствіи читалъ мастерски, такъ что слушатели хохотали до боли въ животѣ. Извѣстно, что Гоголь пытался послѣ неудачъ на служебномъ поприщѣ поступить на императорскую сцену, но на испытаніи не удовлетворилъ строгихъ судей слишкомъ простымъ по тому времени чтеніемъ и потому былъ признанъ годнымъ поступить только „на выхода".

Значеніе Гоголя, какъ драматурга и,—смѣло можно сказать, какъ созидателя русской комедіи, выростаетъ, когда мы вспомнимъ, что кромѣ Пушкина и Грибоѣдова у Гоголя не было предшественниковъ.

---

[1]) „Русь" 1880, № 4. стр. 16.
[2]) „Развязка Ревизора"

Наша сатирическая комедія 18-го вѣка въ лицѣ Сумарокова Екатерины II, даже фонъ Визина и Капниста съ его „Ябедой“, носила узко-публицистическій характеръ и чужда была художественности. На ней отразились всѣ недостатки псевдоклассической, или, какъ теперь болѣе принято называть, классической комедіи эпохи Мольера. За немногими исключеніями, живыхъ людей, характеровъ въ ихъ сложности противорѣчій и своеобразныхъ чертъ, она не знала Типовъ не было, были воплощенія пороковъ и добродѣтелей: Скотинины и Правдомыслы, Кривосудовы и Милопы.

Общественное значеніе за этими сценическими памфлетами, конечно, нельзя отрицать; но художественное значеніе ихъ ничтожно.

Ничтожна и по своему художественному и по общественному значенію и русская комедія начала XIX вѣка. Крыловъ, Хмѣльницкій со своими водевилями и легкими комедіями („Воздушные замки“ 1808 г. и др.) Шаховской съ его „Казакомъ стихотворцемъ“, „Новымъ Стерномъ“, „Липецкими водами“ и мелодрамой „Двумужница“, Загоскинъ съ его комедіей водевильныхъ положеній, а не характеровъ („Богатеновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ“ 1821 г.)—все это вполнѣ невидные цвѣты романтическаго и сантиментальнаго юмора, безъ претензій, глубины и проникновенія въ жизнь.

Прямымъ предшественникомъ Гоголя и его достойнымъ соперникомъ и современникомъ въ области комедій является Грибоѣдовъ.

Сатирическій и публицистическій элементы сильны въ „Горе отъ ума“,этой геніальной сатирѣ-комедіи. Благородное негодованіе бьетъ, какъ вода изъ горнаго рудника, льется какъ лава изъ только что открывшагося вулкана. Это уже высокохудожественное произведеніе, безсмертный образецъ русскаго искусства; это уже творчество—настоящее, глубокое проникновеніе въ русскую жизнь и русскую душу. Чацкій, Софья, Молчалинъ и Загорѣцкій, Фамусовъ, Скалозубъ, Горичевъ, всѣ второстепенные персонажи комедіи—безсмертные образы русской дѣйствительности.

Но публицистическій элементъ, слишкомъ явно выдвинутый на первое мѣсто, роднитъ Грибоѣдова съ предшествующими авторами комедій XVIII вѣка; стихотворная форма сближаетъ его съ кн. Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ.

Общая распланировка пьесы, соблюденіе пресловутыхъ единствъ указываетъ на явное вліяніе старыхъ эстетическихъ теорій и извѣстную зависимость Грибоѣдова отъ Мольера, отмѣченную въ свое время Веселовскимъ („Чацкимъ и Альцестъ“).

Гоголь свободенъ отъ этихъ вліяній псевдоклассической теоріи вполнѣ Грибоѣдову онъ близокъ только въ широкомъ изображеніи характеровъ и глубокомъ пониманіи быта чиновниковъ и русской жизни. (Горичевъ и Подколесинъ—прямые предшественники и даже родные братья Обломова.)

Обыкновенно указывается еще одинъ предшественникъ Гоголя, его соотечественникъ Квитка-Основьяненко.

Это былъ талантливый и не чуждый комизма авторъ нѣсколькихъ комедій. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія комедія „Дворянскіе выборы“ (1828) съ ея продолженіемъ „Выборъ исправника“ и „Пріѣзжій изъ столицы или суматоха въ уѣздномъ городѣ“. Эту послѣднюю пьесу ставили въ прямую связь съ комедіей Гоголя „Ревизоръ.“

Внѣшняя близость между этими двумя произведеніями довольно значительна. У Квитки выступаетъ и городничій—Трусилкинъ, получившій отъ одного изъ служащихъ въ канцеляріи губернатора увѣдомленіе о предстоящемъ проѣздѣ черезъ городъ важной особы; тутъ и почтмейстеръ Печаталкинъ и Ученосвѣтовъ, смотритель училищъ и „значительное *лицо*“ съ весьма многозначительной фамиліей Пустолобова и двѣ дамы—старая дѣва и ея племянница, увлекшіяся пріѣзжимъ, и деньги взаймы и раскрывшійся въ концѣ концовъ обманъ.

Но дальше внѣшняго сближенія идти нельзя. Сходство между двумя комедіями не большее, чѣмъ между наивнымъ рисункомъ ребенка и картиной великаго художника.

Ни по мысли, ни по силѣ и яркости образовъ, ни по блеску остроумія и глубинѣ идеи комедія Квитки не можетъ быть поставлена рядомъ съ безсмертнымъ созданіемъ великаго писателя. [1])

II.

Уже въ 1832 году созрѣлъ у Гоголя планъ комедіи подъ названіемъ „Владиміръ 3-ей степени“. Но при первыхъ же попыткахъ Гоголя начать работу, перо „натолкнулось на такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ“—такъ говоритъ самъ Гоголь въ письмѣ Погодину отъ 20 февраля 1833 года. Замыселъ былъ, очевидно, очень смѣлъ для своего времени, а Гоголю не улыбалась перспектива созданія пьесы, которая никогда не узритъ свѣта рампы. Пришлось перемѣнить тему, спуститься съ бюрократическихъ высотъ къ скромному чиновничьему быту уѣзднаго города.

Одновременно и даже раньше намѣченъ былъ Гоголемъ сюжетъ „Женитьбы“. Всѣ произведенія Гоголя, предназначенныя имъ для сцены, написаны имъ въ теченіе десятилѣтія (1832—1842 года). Въ 1832 году намѣченъ „Владиміръ 3-й степени“, а отдѣльныя сцены изъ этой комедіи получили окончательную обработку въ 1840—1842 году („Тяжба“, „Утро дѣлового человѣка“, „Лакейская“ и „Отрывокъ“) „Женитьба“ начата была въ 1833 году, а закончена въ 1842 году. Начало „Ревизора“ относится къ 1832 году, а окончательная редакція

---

[1]) О пьесѣ Квитки ст. Волкова и въ книгѣ П. Л. Котляревскаго, Гоголь.

перваго изданія къ 1835 году. Но надъ „Ревизоромъ“ Гоголь работалъ до 1842 года.

Къ этому времени относятся и „Игроки“ (1836—1842).

Сюда же нужно отнести „Театральный разъѣздъ“, написанный послѣ представленія новой комедіи (1836 – 1842), „Развязка Ревизора“ (1846—1847), отрывокъ трагедіи изъ англ. исторіи подъ редакціей Гоголя „Альфредъ“ и два перевода—комедія Мольера „Сганарель“ и съ итальянскаго Джіовани Жиро „Дядька въ затруднительномъ положеніи“.

Трудами Шернрока, Тихонравова, Котляревскаго и др. выяснена та долгая и упорная работа, которой стоила Гоголю каждая его пьеса. Каждая рукопись исчерчена поправками и передѣлками. Масса варіантовъ, написанныхъ и выброшенныхъ сценъ, дополненій.

Комедія „Женитьба“ передѣлывалась Гоголемъ въ 1834, въ 1835, въ 1838, 1839 и 1840 годахъ „Ревизоръ“ оконченъ впервые въ 1834 году. Одновременно съ театральнымъ сценическимъ текстомъ, разрѣшеннымъ цензурой, Гоголь приготовляетъ „литературный“ текстъ пьесы (апр. 1836 г.); затѣмъ поправки слѣдовали во второмъ изданіи и, наконецъ, переработки завершились послѣдней редакціей, надъ которой Гоголь трудился съ марта 1841 года по 15 Іюля 1842 года [1])

При такой тщательности работы, комедіи Гоголя являются самыми совершенными его произведеніями какъ со стороны формы, такъ и по содержанію.

Мы не станемъ останавливаться долго на намѣреніяхъ самого писателя и задачахъ, которыя онъ себѣ ставилъ. Едва ли можно серьезно говорить о тѣхъ высоко нравственныхъ и добродѣтельныхъ соображеніяхъ, которыми Гоголь пытается защитить свои произведенія и въ особенности „Ревизора“ отъ нападокъ оффиціальнаго міра и оффиціозной прессы его времени.

Быть можетъ, Гоголь и искренно говоритъ о символическомъ значеніи безсмертной комедіи,—о духовномъ городѣ, нашей душѣ, раздираемой страстями, какъ нерадивыми чиновниками, обворовывающими казну (т. е. нашу душу), о ревизорѣ, который ждетъ насъ у дверей гроба, и Хлестаковѣ, который есть наша вѣтреная совѣсть свѣтская, продажная, обманчивая („съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ“). Но съуживать значеніе комедіи Гоголя на основаніи словъ автора совершенно не возможно. Общественное значеніе „Ревизора“ понималъ и самъ авторъ. Не даромъ онъ отказался отъ болѣе опасной темы: „Владиміръ 3-ей степени“ и благоразумно перекочевалъ въ уѣздный городъ.

Конечно, Гоголь былъ человѣкомъ вполнѣ лояльнымъ по своимъ политическимъ взглядамъ и часто „не вѣдалъ, *что* творитъ“ въ своей художественной дѣятельности, быть можетъ

---

[1]) Сочин. Н. В. Гоголя, ред Н. С. Тихонравова, изд 1901 года 16-ое, т. IV.

онъ искренно возмущался обвиненіями въ „либерализмѣ“; но отсюда еще далеко до того, чтобы утверждать, что „Ревизоръ“ былъ апологіей правительственной бдительной власти потому что „однимъ изъ незримыхъ дѣйствующихъ лицъ“ комедіи было недремлющее око власти.

Унтеръ-офицерскій жандармъ, олицетворяющій собою рокъ, навелъ панику на городничаго и чиновниковъ. Самъ Гоголь торопится подчеркнуть это, влагая въ театральномъ разъѣздѣ въ уста какого то „синяго армяка“ благонамѣренныя рѣчи: „небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа“.

Но мы не можемъ не заподозрить Гоголя въ нѣкоторой долѣ цензурной увертливости и оппортунизмѣ. Онъ прежде всего спасаетъ и защищаетъ свое дѣтище отъ цензурныхъ громовъ. Быть можетъ „синій армякъ“ и сдѣлалъ благонамѣренный выводъ изъ пьесы Гоголя, но публика въ самыхъ широкихъ ея кругахъ понимала пьесу иначе. Только публика первыхъ представленій, состоявшая, по мѣткому замѣчанію артиста Щепкина, на половину изъ берущихъ, а наполовину изъ дающихъ, возмущалась и негодовала. Публика же послѣдующихъ представленій восхищалась пьесой и рукоплескала автору за одно съ лучшими представителями русской интеллигенціи какъ западническаго, такъ и славянофильскаго *толка*.

Императоръ Николай I былъ совершенно правъ, когда сказалъ по поводу „Ревизора“: „тутъ всѣмъ досталось, а болѣе всего мнѣ“. Только сознаніемъ своего громаднаго всемогущества можно объяснить снисходительное отношеніе къ пьесѣ Государя; но чиновничество зачуяло въ ней своего врага. Постановка такой комедіи поистинѣ была чудомъ въ вѣкъ приниженности и взяточничества, въ вѣкъ широко разцвѣтшей системы „оффиціальнаго мѣщанства“ (Ивановъ Разумникъ). Для каждаго было ясно, что пьеса затронула самыя глубокія язвы русской государственной жизни. Ужасная правда административной системы вскрывалась шагъ за шагомъ въ каждой сценѣ, въ каждомъ монологѣ, въ отдѣльныхъ фразахъ, сдѣлавшихся безсмертными!

„Не по чину берешь!“—да вѣдь это окликъ, которымъ раскрыта вся ужасающая глубина бюрократическаго растленія нравовъ; одной этой фразой охарактеризована цѣлая система.

Пусть „синій армякъ“ ушелъ изъ театра успокоеннымъ и удовлетвореннымъ; но проницательный обыватель умѣлъ разобраться въ текстѣ комедіи болѣе вдумчиво и глубоко: на помощь ему являлся его жизненный опытъ. Признанія городничаго—„трехъ губернаторовъ обманулъ,—да что губернаторовъ“... звучали весьма не двусмысленно и давали основанія ожидать благополучнаго исхода и новой ревизіи. Самый пріѣздъ ревизора изъ Петербурга въ маленькій уѣздный городишко является подъ сомнѣніемъ. Чего было ему скакать въ глухое мѣстечко, въ которое хоть три дня скачи,

не доскачешь до административнаго центра И если тотъ ревизоръ, котораго возвѣстилъ жандармскій унтеръ офицеръ, и не помилуетъ чиновниковъ, то только по случайной причинѣ,—потому что на несчастьѣ карманы чиновниковъ были уже изрядно опустошены Хлестаковымъ.

Наконецъ, та легкость, съ которой „фитюлька“ Хлестаковъ былъ принятъ и *могъ* быть принятъ за значительное лицо, наводящее страхъ даже на Государственный Совѣтъ,— свидѣтельствуетъ о полномъ упадкѣ чувства законности и вѣры въ законность и правомѣрность жизни. Все казалось возможнымъ въ Петербургѣ. И „фитюлька“ могъ быть значительнымъ лицомъ. Была бы протекція. При протекціи и Сквозникъ-Дмухановскій мечтаетъ о генеральскомъ чинѣ и „кавалеріи“.

Общественное значеніе комедіи „Ревизоръ“ громадно и, конечно, далеко превосходитъ намѣренія автора.

Художественное творчество имѣетъ свою логику и психологію. На Гоголѣ мы видимъ съ поразительной очевидностью, насколько поэтъ и художникъ иногда стоитъ выше мыслителя Въ мыслителѣ говоритъ только одна душевная сила— умъ. Въ художникѣ вибрируетъ вся душа его, говоритъ *весь* человѣкъ съ пламеннымъ чувствомъ, яркой фантазіей, живымъ воображеніемъ, дѣйствуетъ подсознательная и инстинктивная сторона мышленія, обнаруживается великая *тайна* творчества.

Но художественные образы, созданные Гоголемъ, обусловлены, быть можетъ, не осознаннымъ, но глубоко философскимъ предчувствіемъ идеи „призрачности“ той жизни, которую вели русскіе люди эпохи оффиціальнаго мѣщанства и всеторжествующей пошлости. Смѣхъ Гоголя, безсознательно для самаго писателя, озарилъ темныя бездны новымъ свѣтомъ; но какъ бы ни ничтожно было политическое и умственное развитіе Гоголя, *для него не оставалось* чуждымъ и непонятнымъ общественное значеніе его сатиры.

Въ дополненіи къ „Развязкѣ Ревизора“, написанномъ во второй половинѣ 1847 года, есть нѣсколько страницъ, изъ которыхъ видно, что Гоголь не очень-то настаивалъ на своемъ морально-аллегорическомъ истолкованіи комедіи. Одинъ изъ собесѣдниковъ, выведенныхъ въ этомъ дополнительномъ отрывкѣ развязки,—Петръ Петровичъ, возражая Михаилу Михаиловичу, говоритъ:

— Все то, что вы говорите, краснорѣчиво; но гдѣ вы здѣсь нашли подобіе? Какое сходство Хлестакова съ вѣтреной свѣтской совѣстью, или настоящаго ревизора съ настоящей совѣстью? И Михаилъ Михаиловичъ торопится отвѣтить:

—„...Я вамъ впередъ сказалъ,—что авторъ не давалъ мнѣ ключа, я предлагаю вамъ свой.

Авторъ, еслибы даже и имѣлъ эту мысль, то и въ такомъ случаѣ поступилъ бы дурно, если бы ее обнаружилъ ясно! Ко-

медія тогда бы сбилась на аллегорію, могла бы изъ нея выйти какая нибудь блѣдная, нравоучительная проповѣдь".

Это замѣчательное признаніе,—почему то упущено критикой. И дальше тотъ-же Михаилъ Михаиловичъ, за которымъ несомнѣнно скрывается и самъ авторъ, говоритъ еще опредѣленнѣе

„— Нѣтъ, его дѣло было изобразить просто *ужасъ* отъ безпорядковъ вещественныхъ не въ идеальномъ городѣ, а въ томъ, который на землѣ, собрать въ кучу все, что есть похуже въ нашей землѣ, что бы его поскорѣе увидали *и не считали бы этою за то необходимое зло, которое слѣдуетъ допустить и которое также необходимо среди добра, какъ тѣнь на картинѣ*. Его дѣло изобразить это темное такъ сильно, что бы почувствовали всѣ, что съ нимъ надобно сражаться, что бы кинуло въ трепетъ зрителя, и ужасъ отъ безпорядковъ пронялъ бы его на сквозь всего... А это уже наше дѣло выводить нравоученье. Мы, славу Богу, не дѣти!"

Этими словами Гоголь утверждаетъ громадное общественное значеніе за своей комедіей и признаетъ чисто публицистическіе выводы изъ своего творчества.

Но, конечно, не намѣреніями автора опредѣляется высокохудожественное и общественное значеніе комедіи, а исключительнымъ талантомъ писателя и тѣмъ, какъ выявилъ онъ свой талантъ.

III.

Комедія „Ревизоръ" совершеннѣйшее произведеніе міровой литературы.

Глубокая философская мысль заложена въ основу творчества Гоголя, мысль о ничтожествѣ той жизни, которой живутъ русскіе люди, чиновники и дворяне, въ атмосферѣ идейнаго мѣщанства, утробной сытости и полнаго отсутствія идеаловъ. Эту философскую сторону произведеній подмѣтилъ и выяснилъ въ свое время еще Бѣлинскій.

Затѣмъ второй заслугой Гоголя является высокохудожественное проникновеніе Гоголя въ жизнь какъ въ бытовомъ, такъ и психологическомъ отношеніяхъ.

Гоголь реалистъ, но въ особомъ, лучшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Онъ не особенно церемонится съ бытомъ въ его вещественныхъ чертахъ. О фотографической точности Гоголь не заботится. У него уѣздный городъ не то малорусскій, не то великорусскій. Купцы—великоруссы. А фамиліи Сквозника-Дмухановскаго, Добчинскаго, Бобчинскаго, Чептовича, Варховинскаго переносятъ насъ въ Украйну или Литву. Хлестаковъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Саратовскую губернію, а попадаетъ въ городъ, гдѣ мясо продаютъ Холмогорскіе купцы. Многіе детали явно преувеличены или шаржированы: едва ли даже у смотрителя Хлопова да и многихъ другихъ чиновниковъ глухого городка могли быть взяты „взаймы" значительныя суммы по двѣсти и триста рублей; едва-ли Хле-

стаковъ могъ бы сказать, что онъ написалъ и „Московскій телеграфъ“ и „Женитьбу Фигаро“ и „Роберта Дьявола“ и т. д. Но есть какая то внутренняя правда во всѣхъ преувеличеніяхъ и неточностяхъ письма Гоголя.

Ему важно правдоподобное,—психологически, а не фактически возможное, ему цѣнна сущность жизненнаго явленія, его внутренній комизмъ, его ужасная, т. е. трагическая природа. И Гоголь обладаетъ въ высокой степени этимъ даромъ прозрѣнія жизни. Однимъ штрихомъ иногда схватываетъ онъ типичное и важное въ жизни. Одной фразой высѣченной унтеръ-офицерской жены—„мнѣ отъ своего счастья неча отказываться“—Гоголь вырисовываетъ передъ нами громадное общественное бѣдствіе рабской жизни: приниженность личности, отсутствіе человѣческаго достоинства, уваженія къ самому себѣ.

„Не по чину берешь“—„и веревочка въ дорогѣ пригодится“, именины на Антона и Онуфрія, борзыя щенки, жалобы Хлопова на службу по просвѣщенію, характеристика суда, учителей, знаменитыя двѣ крысы—это все настоящія художественныя и общественныя откровенія. Образы, созданные творчествомъ Гоголя, глубоко правдивы въ своемъ существѣ, человѣчны и жизненны. Мы видимъ героевъ Гоголевской комедіи, какъ живыхъ. Каждое слово, каждое движеніе ихъ души, каждый шагъ ихъ на сценѣ—тоже своего рода откровенія. Ничего лишняго и никакого недохвата Съ необыкновеннымъ мастерствомъ рисуетъ намъ Гоголь своихъ героевъ такъ правдиво и съ такой исчерпывающей полнотой, что мы словно знаемъ всю ихъ жизнь отъ пеленокъ и до могильнаго савана. Они всѣ, какъ на ладони. Они живутъ, движутся, говорятъ, каждый по своему, всѣ согласно требованіямъ психологической цѣлесообразности и внутренней правды. Ни тѣни тривіальнаго, вымученнаго, каррикатурнаго, не смотря на внѣшнія каррикатурныя черты. Все—сама жизнь, схваченная сквозь призму высоко поэтической души безсознательнаго философа и геніальнаго художника. Внѣшне благообразная жизнь была вѣдь по существу „ужасомъ“ и фарсомъ. Типы, созданные Гоголемъ, поражаютъ насъ полнотой, всесторонностью захвата, глубоко художественной объективностью письма, своеобразной внутренней самобытностью.

Языкъ дѣйствующихъ лицъ мѣткій, красочный, ярко индивидуальный. Онъ настолько характеренъ для каждаго лица, что можно сразу узнать по одной фразѣ, кто говоритъ, кому принадлежитъ сказанная фраза.

Къ этимъ внутреннимъ достоинствамъ драматическихъ произведеній Гоголя остается прибавить блестящую внѣшнюю форму и исключительную по совершенству технику драмы. „Ревизоръ“ —безупречнѣйшее произведеніе сцены съ точки зрѣнія сценическихъ требованій и структуры пьесы. Это образцовое созданіе драматическаго искусства по всѣмъ правиламъ теоріи драмы, какъ ее понимали до Чехова.

„Ревизоръ“ – это само движеніе,—внутреннее и внѣшнее,— это воплощеніе принциповъ дѣйствія. За изъятіемъ сценъ, задерживающихъ движеніе, и потому выкинутыхъ самимъ Гоголемъ, все остальное поражаетъ стремительностью и цѣлесообразностью дѣйствія. Все вытекаетъ одно изъ другого, все нужно, все занимательно, все подвигаетъ впередъ, каждая предыдущая сцена подготовляетъ послѣдующую съ необходимостью законовъ природы. Совершенно правъ Бѣлинскій, что въ „Ревизорѣ“ нѣтъ лучшихъ сценъ, потому что нѣтъ худшихъ.

Стремительное развитіе дѣйствія не только является причиной все растущаго интереса къ пьесѣ, но и естественнымъ условіемъ ея жизненности и правдивости

Нужна извѣстная психологическая обстановка для того, что бы допустить правдоподобность невѣроятнаго сцѣпленія обстоятельствъ, создавшихъ успѣхъ Хлестакова. И Гоголь создаетъ эту обстановку мастерски.

Стоитъ только припомнить, какъ наростаютъ событія въ первомъ актѣ „Ревизора“.

Извѣстіе о ревизорѣ, разказъ о двухъ крысахъ, затѣмъ непріятное размышленіе о возможной внезапности его появленія, настраивающее очень нервно („а подать сюда Ляпкина-Тяпкина!“), стремительное появленіе почтмейстера, увеличивающее волненіе, еще болѣе стремительное выступленіе Бобчинскаго и Добчинскаго, ихъ разсказъ, завершающійся неожиданнымъ и заключительнымъ, что „онъ то и есть ревизоръ“— все это идетъ одно за другимъ съ такой ошеломляющей быстротой, что правдивость невѣроятнаго происшествія уже не возбуждаетъ въ зрителѣ никакого сомнѣнія.

Въ техническомъ отношеніи „Ревизоръ“ своего рода сценическій chef d'oeuvre.

Интересна эта пьеса и еще въ одномъ чисто сценическомъ отношеніи: она даетъ роли самому полному составу труппы. Въ ней есть что дѣлать актерамъ всѣхъ амплуа. Гоголь не забылъ никого въ труппѣ,—отъ мальчишки въ трактирѣ и кончая дряхлымъ старикомъ Ростаковскимъ. Въ прежнее время труппы такъ и набирались антрепренерами подвумъ пьесамъ—по „Горе отъ ума“ и „Ревизору“. Если въ труппѣ находились артисты на всѣ роли этихъ комедій, труппа считалась составленной правильно, полно, и могла играть любыя пьесы мірового репертуара.

IV.

То, что сказано нами о „Ревизорѣ“, можетъ быть почти всецѣло отнесено и къ другимъ драматическимъ произведеніямъ Гоголя, конечно, только съ ограниченіемъ *размѣровъ* художественнаго и общественнаго значенія другихъ его пьесъ. „Лакейская“ глубоко правдивая картина жизни барской дворни. „Игроки“ превосходны и въ техническомъ и быто-

вомъ отношеніи этюдъ изъ жизни шуллеровъ. „Тяжба", „Утро дѣлового человѣка"—вводятъ насъ въ міръ петербургской бюрократіи. „Женитьба" даетъ намъ рядомъ и галлерею типовъ чиновниковъ, купеческій бытъ, впервые открытый Гоголемъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Гоголь является предшественникомъ и учителемъ Островскаго.

Комедіи Гоголя—комедіи характеровъ прежде всего. Внѣшне смѣшное играетъ въ нихъ ничтожную роль (*нашлепка* на носу у Бобчинскаго, коробка на головѣ у городничаго и т. д.) Но зато внутренній истинный комизмъ его творчества глубокъ и мѣтокъ.

Гоголь зналъ человѣка, понималъ русскую жизнь. Созданная имъ галлерея русскихъ типовъ чрезвычайно велика: ни одинъ позднѣйшій русскій писатель не можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Во всѣхъ произведеніяхъ не менѣе геніальнаго Л. Н. Толстого нельзя насчитать столько *вѣчныхъ* типовъ, ставшихъ ходячей монетой общественнаго духовнаго обмѣна, сколько ихъ только въ драматическихъ произведеніяхъ Гоголя.

Остается еще отмѣтить „Театральный разъѣздъ" Гоголя, пьесу, которая до сихъ поръ не ставилась, и въ которой Гоголь эскизно набросалъ цѣлую галлерею типовъ русской театральной публики. Мы убѣждены, что эта пьеса могла бы имѣть большой успѣхъ на сценѣ, и остается пожалѣть, что о ней не вспомнили даже ко дню столѣтняго юбилея Гоголя.

Русскій театръ можетъ гордиться Гоголемъ, какъ величайшимъ драматургомъ, и ни одинъ русскій писатель не имѣлъ на сценѣ такого прочнаго и неувядающаго и вполнѣ заслуженнаго успѣха, какъ тотъ, который и до сихъ поръ имѣетъ Гоголь.

Для постановки его пьесъ сложились уже вполнѣ прочныя традиціи, и лучшими выразителями и блюстителями этихъ традицій является труппа Александринскаго театра. Въ этомъ отношеніи попытка Московскаго художественнаго театра порвать со всѣми традиціями и поставить „Ревизора" по новому должна быть признана не вполнѣ удачной. При всемъ нашемъ преклоненіи передъ москвичами и ихъ любовью къ искусству, приходится сказать, что они нашли геніальныя разрѣшенія трудной задачи постановки на сценѣ новой чеховской драмы, но утеряли ключъ къ постановкѣ старыхъ пьесъ. Главная ихъ ошибка—въ замедленіи темпа дѣйствія въ „Ревизорѣ", въ задержкѣ его ненужными деталями, передвиженіями, излишними подробностями mise'en scéne'ы и въ полномъ отказѣ отъ того хорошаго, что выработано было болѣе чѣмъ полувѣковой работой русскаго театра.

Нельзя не поставить въ вину театру и недостатокъ уваженія къ прямымъ указаніямъ Гоголя. Хлестакова въ „Ревизорѣ" москвичей вовсе нѣтъ. Чуднаго Гоголевскаго языка тоже нѣтъ благодаря плохой читкѣ г. Уралова и нѣкоторыхъ другихъ исполнителей. Слишкомъ видно и рѣжетъ глазъ ста-

ранье поставить все по новому, не воспользовавшись ни одной деталью хорошаго стараго. Бытъ заслонилъ идею произведенія, а Гоголь не бытовикъ, и не бытомъ интересовался, а его сущностью...

Смерть Гоголя *).

Смерть Гоголя такъ же трагична, какъ и смерть многихъ русскихъ писателей XIX вѣка, и можетъ быть трагичнѣе другихъ.

Давно уже отмѣчено, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ кориѳеевъ, русскіе писатели не долговѣчны—Пушкинъ убитъ на 38 году своей жизни, Лермонтовъ 27 лѣтъ, Бѣлинскій погибъ отъ злой чахотки, пріобрѣтенной въ лишеніяхъ тяжелаго литературнаго труда и тоже въ возрастѣ обычно полнаго разцвѣта физическихъ и духовныхъ силъ. Гоголь физически окончилъ свою жизнь сорока трехъ лѣтъ отъ роду (1809—1852), но духовно и нравственно онъ умиралъ уже съ 1847 года,—времени изданія своей „переписки съ друзьями".

Было что то зловѣщее и трагичное въ атмосферѣ, окружавшей русскаго писателя; все давило, угнетало его, повергало въ унынiе, или полное отчаяніе, мучило, терзало, вело въ концѣ концовъ къ преждевременной и глубокопечальной гибели.

Теперь уже болѣе или менѣе выяснилось, что физически Гоголь не страдалъ никакой неизлѣчимой и тяжкой болѣзнью. Фактически смерть воспослѣдовала отъ послѣдствій долгаго и упорнаго голоданія,—результата долгаго, добровольнаго поста. Но еще за нѣсколько недѣль до смерти, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, онъ былъ бодръ, здоровъ, крѣпокъ и свѣжъ. Въ теченіе всей своей жизни Гоголь не болѣлъ никакими опасными болѣзнями. Правда, онъ былъ мнителенъ и нервенъ, скорѣе даже неврастениченъ; и часто плакался на свое здоровье, преувеличивая иногда самыя ничтожныя проявленія болѣзни. Наслѣдственность у Гоголя была не изъ лучшихъ; въ его семьѣ были случаи душевныхъ болѣзней; но нельзя сказать, что-бы и въ душевномъ отношеніи Гоголь былъ боленъ, шелъ дальше обычной и весьма распространенной у людей умственнаго труда неврастеніи.

Духовно Гоголь былъ здоровый человѣкъ, а не „сумасшедшій съ примѣсью плутовства", какъ думали о немъ иногда кое-кто изъ его друзей—славянофиловъ.

---

*) Читано на торжественномъ чествованіи памяти Н. В. Гоголя Обществами Народныхъ Университетовъ въ Петербургѣ и Псковѣ.

Если не было въ жизни никакого особеннаго физическаго перелома, то и въ духовной жизни Гоголя до послѣднихъ лѣтъ не наблюдалось какихъ либо рѣзкихъ перемѣнъ и измѣненій. Какъ видно уже изъ писемъ къ матери, Гоголь съ юношескихъ лѣтъ отличался религіозностью и набожностью. Съ юныхъ же лѣтъ Гоголь сложился и какъ человѣкъ. Онъ не принадлежалъ никогда къ либеральному лагерю. На немъ совсѣмъ не замѣтно тѣхъ радикальныхъ вліяній, которыя оказали декабристы, напримѣръ, на сверстниковъ Гоголя, Герусна и Огарева. Гоголь былъ рядовой обыватель изъ мелко-дворянской семьи, скромно мечталъ о чиновничьей и твердо былъ увѣренъ, что служба—путь къ славѣ и его патріотическій долгъ!

На литературномъ поприщѣ все шло у Гоголя довольно гладко и успѣхи его не возбуждали большого разногласія. Казалось, все слагалось для Гоголя весьма благополучно, а между тѣмъ послѣдніе годы жизни Гоголя отмѣчены явнымъ упадкомъ его силъ, его умственной энергіи, какой то духовной прострацiей, какимъ-то длительнымъ бореніемъ между жизнью и смертью.

Гоголь изнемогалъ отъ тайныхъ и не всѣмъ понятныхъ мукъ, отъ тоски по лучшему, отъ неудачныхъ поисковъ правды и смысла жизни, отъ неудачныхъ усилій сказать какое-то свое вѣщее слово, пророчествовать и спасти себя и Россію.

Что-то подтачивало жизнь Гоголя. Какой-то незримый червь вершилъ свою незримую работу, и разрушалъ прекрасный „храмъ“.

Судьба Гоголя глубоко трагична и назидательна. Она—глубоко скорбная страница изъ исторіи русской культуры незабвенной эпохи оффиціальнаго мѣщанства и пошлости, лучшимъ сатирикомъ и изобличителемъ которой явился именно Гоголь и жертвой которой онъ въ концѣ концовъ и палъ.

Напрасно ищутъ врачи причинъ болѣзни Гоголя и ставятъ ея діагнозъ. Смерть Гоголя послѣдовала конечно отъ голоданія, вызваннаго постомъ. Но истинныя причины ея могутъ быть раскрыты только картиной общественныхъ и литературныхъ условій эпохи, когда провозглашена была оффиціальная теорія „народности“, по мѣткому опредѣленію А. Н. Пыпина, съ ея тріединной славянофильской формулой: самодержавія, православія, народности.

I.

Тяжелымъ свинцовымъ туманомъ нависла надъ русской жизнью побѣдоносная эра оффиціальнаго самодовольства, наступившая послѣ усмиренія декабристовъ.

Революціонеры „хранили гордое терпѣніе“ въ рудникахъ Сибири; страна затихла и притаилась въ трепетномъ ожиданіи новыхъ каръ. Торжествовало крѣпостничество и абсо-

лютизмъ, нашедшія себѣ неукоснительныхъ слугъ и исполнителей въ только что учрежденномъ корпусѣ жандармовъ.

Достигнутые результаты казались блестящими—крамола вырвана съ корнемъ. Все склонилось передъ сильной властью, которая чувствовала себя на вершинѣ всемогущества.

Правящая группа считала достигнутые результаты идеальными. Желать большаго было невозможно. Оставалось объявить своего рода догматъ непогрѣшимости, который по своеобразнымъ особенностямъ русской жизни и взялся формулировать не папа а... шефъ жандармовъ, знаменитый графъ Бенкендорфъ Его формула оффиціальнаго благополучія устанавливала разъ навсегда полное прекращеніе какихъ либо исканій, преобразованій, недовольства.

Le passè de la'Russie a été admirable; son present est plus que magnifique; quant à son avenir il est au dela de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer. [1]).

Мы знаемъ теперь цѣну этой формулѣ: переводя ее на языкъ правды, пришлось бы сказать: прошлое Россіи печально, настоящее (николаевской эпохи) болѣе чѣмъ ужасно, а что касается будущаго, то и т. д

Но „въ странѣ господъ, въ странѣ рабовъ и голубыхъ мундировъ", по выраженію Лермонтова, изреченіе графа Бенкендорфа было святой истиной, и задача правительства заключалась лишь въ ревнивомъ охраненіи достигнутаго благополучія.

Всякія устремленія впередъ, всякіе свободные порывы должны быть обузданы и пресѣчены въ корнѣ. Жизнь была заключена въ опредѣленныя формы и рамки. Всякимъ индивидуальнымъ уклоненіямъ былъ положенъ строгій предѣлъ. Перспектива знакомства со страной, куда воронъ костей не заноситъ и даже бѣдный Макаръ телятъ не гоняетъ, отбивала охоту умствовать у разныхъ разумниковъ и „вольтерьянцевъ". На обывателя надѣтъ былъ властью установленный мундиръ, ему была отведена опредѣленная щелка въ жизни для своевременнаго использованія пироговъ съ грибами, въ перемежку съ отеческими внушеньями начальства,— все было поставлено въ ранжиръ, обрито, подстрижено, уравнено и нивелировано.

Страна превратилась въ нѣчто среднее между казармой и канцеляріей; обыватель превратился въ раба или чиновника, неукоснительно исполняющаго приказанія своего непосредственнаго начальства. Мужикъ работалъ на дворянина, получая по временамъ должное внушеніе на конюшнѣ, или знакомясь съ „зеленой улицей" смерти на военной службѣ.

Идея свободы принесена была въ жертву идеѣ порядка Установился тотъ кажущійся покой смерти, который съ такимъ

---

[1]) Прошлое Россіи удивительно; ея настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно; что касается ея будущаго, то оно превосходитъ все, что можетъ себѣ представить самое смѣлое воображеніе".

истинно-хохлацкимъ сарказмомъ охарактеризовалъ Тарасъ Шевченко въ знаменитыхъ строкахъ:

„На всіх язиках все мовчить
Бо благоденствуе...“

Правительство регулировало всю жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Оно не допускало никакого индивидуальнаго творчества, никакого проявленія личности. Оно все знало, все предрѣшало, на все клало свой казенный штампъ. Съ высоты престола диктовались указанія наукѣ, искусству, литературѣ.

Отъ личности требовали смиренія, покорности, послушанія и исполнительности

Свыше, напр, былъ предписанъ и установленъ архитектурный стиль даже для церквей. Высочайшимъ повелѣніемъ былъ разрѣшенъ научный споръ о времени основанія государства россійскаго. Цензура была обязана заботиться о слогѣ. Пушкину предписывалось заняться вопросами о воспитаніи. Ему же предлагалось „комедію“ (!) „Борисъ Годуновъ“ передѣлать въ историческій романъ. Правительственная иниціатива шла такъ далеко, что якутскому священнику, преподававшему въ уѣздномъ училищѣ Законъ Божій, приходилось испрашивать въ Петербургѣ разрѣшеніе на объясненіе церковной службы и оттуда слѣдовалъ циркуляръ, предписывающій давать такія разъясненія „разъ въ недѣлю“. Одновременно особымъ циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ предписывалось дворянамъ брить бороды, потому что „Государь считаетъ, что борода будетъ мѣшать дворянамъ служить по выборамъ“.

Подобныхъ фактовъ приведено въ трудѣ Барсукова (Жизнь и труды Погодина) огромное количество. Правда, оффиціальное вмѣшательство въ личную жизнь, полный разцвѣтъ этого торжества пошлости и казенщины достигли своего апогея въ самомъ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ. Но Гоголь жилъ въ эту эпоху, слѣдилъ за разцвѣтомъ ея коренныхъ чертъ, воспринимая безсознательнымъ чутьемъ геніальнаго художника, всѣ ея нелѣпыя и гибельныя послѣдствія, страдалъ отъ нихъ. Между тѣмъ, что дѣлалось въ оффиціальной Россіи и что объ этомъ писалъ великій писатель, проникновенно вникшій въ сущность пошлости—громадная безспорная связь.

Рисуя намъ школу, гдѣ учился Чичиковъ, Гоголь схватываетъ всѣ типичныя черты школы, этого приготовительнаго класса всероссійскаго чиновническаго департамента. Учитель Чичикова твердо зналъ, чего требуетъ начальство отъ будущихъ своихъ чиновниковъ. Не ума, не находчивости, не дарованій, не самостоятельности сужденій, а усердія и послушанія. „Усердіе все превозмогаетъ“,—вотъ лозунгъ ненавистной эпохи.

Воспитаніе сводилось къ внѣдренію идеи усердія и повиновенія. Въ наставленіи законоучителямъ военноучебныхъ

заведеній объяснялось, что все величіе Христа заключалось въ повиновеніи властямъ. Христосъ былъ образцомъ подчиненія и покорности. Это и предписывалось внушать кадетамъ на урокахъ. Извѣстный Я. Ростовцевъ пошелъ еще дальше въ своей инструкціи для преподавателей военно-учебныхъ заведеній. Онъ прямо объявилъ въ ней, что даже совѣсть нужна обывателю въ очень ограниченныхъ рамкахъ—„въ частномъ домашнемъ быту“, а *„на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее замѣняетъ высшее начальство“*.

Совѣсть, замѣняемая предписаніями высшаго начальства! Вотъ ужъ „истинно русская“ бюрократическая этика,—своеобразное „истинно“ православное пониманіе завѣтовъ Христа; оно бросаетъ намъ свѣтъ на судьбы христіанства въ Россіи.

Исполнительность цѣнилась больше всего на ряду съ повиновеніемъ. Знаній тогда не требовалось. „Прикажутъ и буду акушеромъ“—говаривалъ не разъ Кукольникъ. И Пушкину приходилось засѣсть по Высочайшему повелѣнію за педагогическую инструкцію, хотя ему, конечно, было очень мало дѣла до педагогіи. Особенно пригодными ко всякому дѣлу за свою исполнительность считались военные. У нихъ были быстрота и натискъ, рѣшимость и дисциплина—вотъ все, чего достаточно было даже для поста министра финансовъ.

Правъ г. Ивановъ-Разумникъ, когда говоритъ, что если-бы нужно было найти идейное выраженіе идеаловъ казенной Россіи этой эпохи, то нужно было бы обратиться къ великолѣпной фигурѣ Козьмы Пруткова и въ его афоризмахъ мы нашли бы не юмористическія преувеличенія, а искреннее исповѣданіе правилъ жизни и поведенія всей начальствующей среды русскихъ бюрократовъ.

И вотъ на почвѣ этого торжествующаго безпросвѣтнаго мѣщанства сложилась приснопамятная теорія оффиціальнаго народничества, съ его ученіемъ объ особыхъ своеобразныхъ путяхъ развитія русскаго государства...

II.

Гоголь былъ вдохновенный сатирикъ жизни, озарившій силой своего проникновенія весь ужасъ всероссійской пошлости, съ ея утробно-трезвенными идеалами, внѣшней, показной дѣловитостью, мощью выпяченныхъ колесомъ грудей, блескомъ мѣдныхъ пуговицъ и внутренней дряблостью и гнилостью. Гоголь вскрылъ передъ нами тѣ бездны, къ которымъ вела Россію эта система самодовольнаго, тупого усмотрѣнія чиновниковъ, лѣнивой сытости заплывшихъ жиромъ дворянъ, всеобщей чичиковщины и хлестаковства. Вскрылъ и ужаснулся, и самъ почувствовалъ, что за его смѣхомъ открывается черная зіяющая пасть смерти, тлѣнія. Веселый смѣхъ Пушкина, слушавшаго „Мертвыя души“, быстро оборвался и онъ воскликнулъ, обращаясь къ Гоголю: „Боже

мой, какъ печальна Россія"—и эти слова находили откликъ въ душѣ Гоголя, заставляли это прекрасное сердце сжиматься какой-то безконечной тоской по лучшему, какимъ-то почти мистическимъ страхомъ передъ темнѣющими провалами жизни.

Что дѣлать? Куда идти? Гдѣ обрѣсти спасеніе и выходъ? Какъ успокоить внутреннія сомнѣнія и колебанія? Какъ примирить свое безпощадное художественное творчество и его жестокія правды съ обывательскимъ міровоззрѣніемъ средняго русскаго человѣка?

Правда искусства и правда обывательскихъ будней стали другъ передъ другомъ во всей своей непримиримости и смущали совѣсть и умъ великаго писателя. Въ его ушахъ звенѣли попреки Ѳадеевъ Булгариныхъ и чиновныхъ олимпійцевъ Они обвиняли Гоголя въ клеветѣ на Россію, въ распространеніи грязи. Они требовали отъ него свѣтлыхъ красокъ, положительныхъ типовъ, отраднаго и успокаивающаго. Они были настойчивы и сильны своимъ количествомъ. Они дѣйствовали сплоченно, скопомъ. Они умѣло проникали со своими попреками въ отдаленные уголки чуткой совѣсти писателя и безъ того взволнованной неожиданными художественными откровеніями и не находящей оправданія выводамъ творчества въ доводахъ ума и житейской практикѣ. Гоголь былъ человѣкъ не образованный, не сильный. Ему не хватало знаній, развитія, силы ума, подготовленнаго къ продолжительной теоретической работѣ, надлежащей умственной дисциплиной.

Положеніе Гоголя было въ высшей степени тягостное, пожалуй, трагическое Онъ самъ былъ потрясенъ и подавленъ развернувшейся передъ нимъ грандіозной картиной гибели русской жизни. Онъ подошелъ къ краю пропасти и отступилъ назадъ. Великую отвѣтственность почувствовалъ Гоголь. Его знатные друзья и знакомые попрекали его за изображеніе только отрицательныхъ сторонъ жизни. Самъ Гоголь видѣлъ, что значеніе его творчества растетъ все больше и больше, что на него устремлены взоры его современниковъ. Ему стало страшно. Вмѣстѣ съ ростомъ популярности росло и чувство отвѣтственности за творимое; вмѣстѣ съ славой росла и потребность, присущая каждому человѣку проявить свою общественную цѣнность съ возможной полнотой, сказать свое вѣское, положительное слово.

Вотъ тутъ именно и начинается трагедія жизни Гоголя, здѣсь слѣдуетъ искать причины преждевременной смерти Гоголя.

Художественный геній вознесъ его на необычайную высоту; у Гоголя закружилась голова. Не привыкшій къ высотамъ, умъ пугливо озирался по сторонамъ и робко искалъ спасенія тамъ *въ низинахъ*...

Въ низинахъ русской пошлости стерегли уже черные вороны мятущуюся душу измученнаго писателя и ждали своей добычи. Они уже чувствовали трупный запахъ.

Ужасно подумать, что Гоголя погубила та самая Россія, которую онъ заклеймилъ своимъ перомъ, что та самая тріединная формула, всѣ трагическія послѣдствія господства которой Гоголь изобразилъ съ такимъ вѣщимъ мастерствомъ, съ такимъ геніальнымъ провидѣніемъ будущаго, запутала Гоголя въ своихъ не хитрыхъ сѣтяхъ и погубила его.

Оффиціальная Россія увлекла за собою Гоголя. Не сильный въ теоретическихъ построеніяхъ, онъ не сумѣлъ твердо перейти въ тотъ лагерь, который искренне восхищался его произведеніями, онъ все плотнѣе и тѣснѣе сближался съ людьми другого лагеря обреченными на смерть, но еще сильными, властными людьми, пошелъ на встрѣчу имъ и оступился.

Нельзя безнаказанно отдаваться общенію съ людьми опредѣленнаго лагеря. Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ (преимущественно), и я тебѣ скажу, кто ты.

Гоголь велъ, по преимуществу, знакомство съ важными сановниками („самодержавіе“), аристократами, съ трудомъ говорившими по русски („народность“), и представителями византійскаго обскурантизма въ родѣ о. Матвѣя („православіе). Это общеніе и привело Гоголя къ гибели, создало ту болѣзнь, которая явилась дѣйствительной причиной смерти великаго художника.

Кто не знаетъ, какимъ взрывомъ огненнаго негодованія и съ какимъ нелицемѣрнымъ отчаяніемъ была встрѣчена „Переписка съ друзьями Гоголя“ какъ со стороны Бѣлинскаго и его друзей западниковъ, такъ и со стороны лучшихъ представителей славянофильства съ Аксаковымъ во главѣ.

И это негодованіе не было ошибкой или недоразумѣніемъ. Только одинъ А. Волынскій со свойственнымъ ему безстрашіемъ ничего не теряющаго человѣка объявилъ „Переписку съ друзьями“ великой неоцѣненной книгой. Но этотъ критикъ никогда не любилъ и не зналъ русской жизни и ея литературы.

Съ той жизненной чуткостью, которая присуща живымъ людямъ, а не умничающимъ лицемѣрамъ, Бѣлинскій писалъ Гоголю въ своемъ знаменитомъ письмѣ: „проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете?“ И Константинъ Аксаковъ, хотя и нѣсколько по инымъ основаніямъ, вторилъ Бѣлинскому. Вся интеллигентная Россія была угнетена книгой Гоголя. Тургеневъ, впослѣдствіи даже пострадавшій за свою статью на смерть Гоголя, говоритъ о перепискѣ въ томъ же тонѣ: „болѣе противной смѣси гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона въ литературѣ не существуетъ“ [1]). И теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, что негодованіе лучшихъ русскихъ людей было вполнѣ основательно. Сколько бы ни

[1]) Литерат. воспоминанія, т. X Собраніе сочиненій 1891 года, стр. 69.

старались теперь нѣкоторые „критики", ревнуя о славѣ Герострата, возстановить и реабилитировать избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями—это все-же жалкая, убогая книга, свидѣтельство умственной нищеты, безсознательное отраженіе идеологіи правящихъ классовъ Россіи, наивное и безплодное и притомъ крайне безталанное развитіе идеологіи тріединной формулы Даже Л Н Толстой, въ общемъ склонный хвалить все, въ чемъ есть отдаленнѣйшій намекъ на проповѣдь нравственнаго самосовершенствованія, не нашелъ въ этой книжкѣ, перечитанной имъ ко дню открытія памятника Гоголя въ Москвѣ, много цѣннаго и достойнаго памяти...

Неужели даже теперь, когда страсти улеглись и личныя отношенія не дѣйствуютъ, нельзя сказать честное, правдивое слово о „перепискѣ". [1]) Гоголя? Вотъ она передъ нами Мы читаемъ ее внимательно и вполнѣ безпристрастно. Мы заранѣе вѣримъ искренности Гоголя. Онъ, вѣдь, на самомъ дѣлѣ былъ искренне религіознымъ человѣкомъ, никогда не отличался политическимъ „либерализмомъ" и оппозиціоннымъ духомъ. Въ этомъ смыслѣ прійдется отбросить элементъ подозрѣній въ подхалимствѣ, расчитанномъ и злонамѣренномъ. Его, возможно полагать, — и не было. Намѣренія автора, можетъ быть, и чисты; но намѣренія не важны, важна сама книга, и тысячу разъ правъ Бѣлинскій, когда онъ пишетъ Гоголю въ отвѣтъ на жалкій лепетъ его оправданій: „передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ и все таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу".

III.

Гоголь даетъ намъ отвѣты на всѣ вопросы личной и общественной жизни: тутъ и разсужденіе о помощи бѣднымъ, и о женщинѣ свѣта, и о христіанинѣ, и о лиризмѣ русскихъ поэтовъ, и сельскомъ судѣ и наставленіе занимающему важное мѣсто, и т. д.—всего тридцать два письма. Что-же они даютъ намъ? Изъ нихъ мы узнаемъ, что Гоголь стоитъ за власть помѣщика и крѣпостное право. Власть помѣщиковъ отъ Бога, который взыщетъ съ владѣльца человѣческихъ душъ „за послѣдняго негодяя въ селѣ". Помѣщикъ долженъ собрать мужиковъ и объяснить, что ему вовсе не хочется быть помѣщикомъ, но такова ужъ воля Божья, что онъ родился помѣщикомъ. Онъ долженъ изъ евангелія указать имъ оправданіе помѣщичьей власти. Полезно распекать плохихъ мужиковъ, сказать такому: „ахъ ты немытое рыло". Но самъ помѣщикъ не долженъ бить („съѣздить въ рожу") по тому

[1]) Одной изъ такихъ дѣльныхъ и вдумчивыхъ статей считаемъ разборъ В Богучарскаго: Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904 г.

успокоительному основанію, что „это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель и даже староста“, чего въ самомъ дѣлѣ трудить бѣлыя дворянскія руки! Учить мужика грамотѣ— вздоръ, только станутъ пустыя книжонки разныхъ „европейскихъ человѣколюбцевъ“ читать, да и священникъ можетъ сказать больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки“... Народъ и самъ „бѣжитъ какъ отъ черта отъ всякой писаной бумаги“... „По настоящему ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія нибудь другія книги,кромѣ святыхъ“. Вообще, просвѣщеніе можетъ быть только церковнымъ. „По мнѣ, безумна и мысль ввести какое нибудь нововведеніе въ Россіи, минуя нашу церковь, не попросивъ ея благословенія“.

Свобода людямъ нужна только одного типа: „свобода не въ томъ, что бы говорить по произволу своихъ желаній *да*, но въ томъ, что бы умѣть сказать имъ *нѣтъ*“!

Судъ, по Гоголю долженъ, быть двоякій: человѣческій, гдѣ оправдаютъ невиннаго и осудятъ виновнаго, и божескій, на которомъ „осудите и праваго и виноватаго“.—Совершенно, какъ это совѣтуетъ поручику комендантша въ „Капитанской дочкѣ“—„поди, разбери ихъ, да обоихъ и накажи“—это сравненіе приводимъ не мы, его приводитъ самъ Гоголь...

Въ письмѣ „близорукому пріятелю“ осуждается чтеніе иностранныхъ журналовъ, и мысли на нихъ основанныя, „суть мертвыя мысли“. Для уничтоженія гордыни духа бываетъ очень нужна „публичная, данная въ виду всѣхъ, оплеуха“.

Великолѣпны письма, посвященныя восхваленію русскаго бюрократическаго строя. „Чѣмъ болѣе всматриваешься въ организмъ управленія губерній, тѣмъ болѣе изумляешься мудрости учредителей. слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей“.

Вотъ скверно только, что воруютъ и взяточничаютъ. Но противъ этого есть прекрасный рецептъ. Во первыхъ, жены чиновниковъ не должны слишкомъ много тратить на наряды, а во вторыхъ, нужно назначать честныхъ совѣтниковъ губернскаго управленія.

„Какъ только будутъ честные совѣтники, тотчасъ-же будутъ честные капитаны-исправники, засѣдатели, словомъ— все станетъ честно“. О томъ, что можетъ быть кто нибудь нечестенъ выше совѣтника губернскаго управленія Гоголь не допускаетъ и мысли. Губернаторъ можетъ тоже много сдѣлать своимъ нравственнымъ вліяніемъ. И даже не слѣдуетъ „вооружаться жестоко и жарко противъ взяточниковъ и не преслѣдовать ихъ“, а дѣйствовать умилительной картиной „ дружески, въ виду всѣхъ пожатой руки честнаго человѣка“.

Высокополезна дѣятельность и губернаторши. Она можетъ гнать роскошь, эту язву Россіи „источницу взятокъ, несправедливости и всѣхъ мерзостей“. „Съ помощью городскихъ священниковъ“ губернаторша можетъ оказать большое влія-

ніе,—нравственное!,—на купечество, мѣщанство и всякое другое сословіе.

Еще большая роль выпадетъ на генералъ-губернатора, этого „министра внутреннихъ дѣлъ, остановившагося на полъдорогѣ". Гоголь знаетъ, что на Руси „образовался другой не законный ходъ дѣйствій мимо государства и уже обратился почти въ законный", но это не смущаетъ его и не должно смутить хорошаго генералъ-губернатора; онъ можетъ создать „истинно-русскія отношенія" между помѣщиками и крестьянами; онъ можетъ насъ спасти отъ чисто европейской болѣзни—„многосложности законовъ", ихъ „разлива", кляузъ и проч. Путь—не заводить канцелярій („Храни васъ Богъ!"), ввести „патріархальность жизни", простое со всѣми обращенье, такіе обычаи, которые будутъ основаны на разумѣ и „единоустно" (?) и единодушно будетъ признанъ всѣми и освященъ „самимъ Христомъ и Его церковью". Такой обычай вполнѣ замѣнитъ законы... „Также, какъ на водворенье обычаевъ, можетъ подѣйствовать генералъ-губернаторъ и на законное водворенье церкви въ нынѣшнюю жизнь русскаго человѣка"...

Мечты Гоголя, повидимому, осуществились въ нѣкоторыхъ современныхъ генералъ-губернаторствахъ; произошло и тѣсное сближеніе съ церковью, хотя и неясно, кто къ кому приблизился...—остается надѣяться, что осуществится и коренная мечта, вѣнчающая его построеніе умилительной картиной любви восходящей по лѣстницѣ табели о рангахъ къ самому Господу Богу:

„Полная любовь... должна быть передаваема по начальству, и всякій начальникъ, какъ только замѣтитъ ея устремленіе къ себѣ, долженъ въ ту же минуту обращать ее къ поставленному надъ нимъ высшему начальству, что бы такимъ образомъ добралась она до своего законнаго источника, и передалъ бы ее торжественно въ виду всѣми любимый царь самому Богу!"

Такъ премудро устрояется русская жизнь при содѣйствіи генералъ-губернаторовъ. Впрочемъ, рядомъ съ предержащей властью нужно поставить россійское дворянство—сословіе „въ своемъ русскомъ ядрѣ" превосходное, не смотря на наросшую чужеземную шелуху. „Дворянство наше представляетъ явленіе точно необыкновенное"... „дворянство—это есть какъ бы сосудъ, въ которомъ заключается все нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей земли"...

Благодаря превосходству нашей бюрократической системы и необыкновеннымъ доблестямъ дворянства, осіяннымъ свѣтомъ истиннаго православнаго просвѣщенія, Россія достигнетъ необычайныхъ успѣховъ, о какихъ не снится западу. Гоголь восхвалялъ православную церковь и твердо вѣрилъ, что можно вернуться къ „Домострою". Россія—любимое дитя Бога, черезъ десять лѣтъ Европа прійдетъ къ намъ не за пенькой и са-

ломъ, а за мудростью. Замѣтимъ кстати, что какъ разъ черезъ десять лѣтъ Европа пріѣхала къ намъ, что-бы осадить и взять Севастополь.

Въ статьѣ о лиризмѣ нашихъ поэтовъ Гоголь отстаиваетъ оды, посвященныя восхваленію сильныхъ міра сего. Это даетъ Гоголю случай высказаться и по поводу формъ правленія. „Государство безъ полномочнаго монарха—автоматъ: много много, если оно достигнетъ того, чего достигли Соединенныя Штаты А что такое Соединенныя Штаты? Мертвечина... Въ Европѣ не приходило никому въ умъ опредѣлять высшее значеніе монарха... Высшее значеніе монархіи прозрѣли у насъ поэты, а не законовѣды—услышали съ трепетомъ волю Бога создать ее въ Россіи, въ ея законномъ видѣ“...

Сколько во всемъ приведенномъ выше наивности, невѣжества, прямо таки общественнаго скудоумія и пошлости. Но переписка изобилуетъ перлами пошлости и въ области другихъ вопросовъ—личной жизни. Совѣты, даваемые Гоголемъ въ пору выдумать Коробочкѣ, Плюшкину и Чичикову—и то развѣ совмѣстными усиліями. Таковы совѣты Гоголя супругамъ: равновѣсіе бюджета, поучаетъ Гоголь, цѣль супружеской жизни и гарантія семейнаго счастья. Деньги нужно дѣлить на семь кучекъ, причемъ ни одна не можетъ быть нарушена въ своемъ предназначеніи: если вышла кучка денегъ, предназначенная на благотворительность, то хотя бы мы были свидѣтелями самыхъ ужасныхъ картинъ несчастья и бѣдности,—никоимъ образомъ не должны быть тронуты деньги изъ другой кучки. „Не смѣйте и дотрогиваться до другихъ кучъ“! Цѣлый рядъ совѣтовъ мужу и женѣ дается съ такимъ видомъ и такимъ пророческимъ тономъ, какъ будто самъ Богъ глаголетъ устами Гоголя, и Гоголю дѣйствительно кажется, что это такъ: „создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего“, восклицаетъ Гоголь безъ лишней скромности.

Самый языкъ его „переписки“ какой то особенный, странный въ немъ чувствуется напыщенность, славянскій пафосъ, стремленье говорить не просто, а торжественно-назидательно.

Языкъ „переписки“ чуждъ обычной Гоголю лукавой усмѣшки, юмора, искренности и силы; это языкъ елейно-канцелярскій. „Правдивый и могучій русскій языкъ“ измѣнялъ Гоголю, когда онъ брался не за свое дѣло и начиналъ говорить то, чего онъ совершенно не понималъ. На всей „перепискѣ“ лежитъ печать безсилія и пошлости, той самой пошлости, которую Гоголь заклеймилъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ.

Случилось нѣчто ужасное: Гоголь захлебнулся въ лужѣ оффиціальнаго мѣщанства. Онъ не только погибъ, какъ гибли Пушкинъ и Лермонтовъ отъ непосильной борьбы съ торжествующимъ мѣщанствомъ, онъ пошелъ дальше. Пушкинъ и Лермонтовъ погибли, не сдавшись. Трагизмъ Гоголя въ

томъ, что онъ сдался и увѣровалъ въ то, что клеймилъ, какъ художникъ.

„Переписка“ Гоголя, эта по мнѣнію г Волынскаго, „оклеветанная (очевидно Бѣлинскимъ) книга“,—начало конца Гоголя. начало той ужасной болѣзни, которая привела его такъ преждевременно къ могилѣ

Нѣтъ болѣе печальной страницы, въ русской литературѣ, чѣмъ исторія медленной гибели великаго писателя въ дружескихъ объятіяхъ обскурантовъ, изувѣровъ и фарисеевъ. И Гоголь чувствовалъ, что совершилъ созданьемъ своей „переписки“ что-то ужасное. Онъ самъ сознается, что „размахнулся въ своей книгѣ настоящимъ Хлестаковымъ“, такъ что нѣтъ духа и заглянуть въ нее. Онъ не могъ не видѣть, *кто* привѣтствовалъ восторженно книгу его: Графъ Толстой, которому принадлежитъ и заслуга сведенія Гоголя съ о. Матвѣемъ, графиня Віельгорская, написавшая ему: вы высказали вашу душу и *мы* васъ поняли, А. Ѳ. Смирнова, урожденная Россетъ,— та губернаторша, которой преподавалъ свои назиданія Гоголь, и которая дала ему гибельный совѣтъ издать переписку, выжившій изъ ума старикъ Плетневъ, который, забывая Пушкина и самого Гоголя, изрекъ, что „переписка“ есть начало (!) русской литературы.

Ни одного честнаго голоса не раздалось въ защиту убогой книги Гоголя. Онъ пытался оправдываться, но вдохновенное, огненное слово Бѣлинскаго звучало, какъ колоколъ вѣчевой, въ сильной стальной формѣ безповоротно осуждающаго приговора, безпощадно и навсегда покарало оно оскорбительную для великаго художника и честнаго гражданина книгу:

„Вы только омрачены, а не просвѣтлены, писалъ Бѣлинскій Гоголю: вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненнымъ страхомъ смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей критики. [1]).

Гоголь былъ потрясенъ безпощаднымъ приговоромъ. На сторонѣ Бѣлинскаго была вся неоффиціальная Россія. Въ его письмѣ чувствовалась живая энергія нарастающихъ творческихъ силъ страны,—живой Руси, а не мертвыхъ душъ. Достаточно сравнить полный энергіи и мощи благородный языкъ письма Бѣлинскаго съ дряблымъ и елейнымъ языкомъ „переписки“ Гоголя, чтобы почувствовать, на чьей сторонѣ была правда. Гоголь оказался среди мертвыхъ душъ и тѣхъ „свиныхъ рылъ“, которыхъ въ заключительной сценѣ полнаго отчаянія видѣлъ, *обращаясь* къ публикѣ, одураченный городничій.

Дружба съ высшимъ „свѣтомъ“ прошла для Гоголя такъ же не безнаказанно, какъ и Пушкину. И невольно хочется повторить вмѣстѣ съ Лермонтовымъ горькій, но справедливый

---

[1]) О чертѣ и страхѣ смерти у Гоголя подробно въ книжкѣ Д. Мережковскаго „Гоголь“ Спб. 1909.

упрекъ, обращенный къ Пушкину, но примѣнимый и къ Гоголю:

„Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ они руку далъ клеветникамъ безбожнымъ
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей.
И прежній снявъ вѣнокъ, другой вѣнокъ терновый
Увитый лаврами надѣли на него,
Но иглы тайныя сурово язвили славное чело!

IV.

Гоголь не только повѣрилъ „словамъ и ласкамъ ложнымъ", но и рекомендаціямъ свѣтскихъ друзей. Аристократическое общество свело Гоголя съ изувѣромъ о. Матвѣемъ.

Фигура этого фанатика теперь вполнѣ выяснена. Ржевскій протопопъ былъ грубый, необразованный человѣкъ, себѣ на умѣ, достаточно практичный, что-бы брать отъ своихъ поклонниковъ деньги за панихиды и молебны, и самое главное, былъ—человѣкомъ съ большой силой воли.

Это обычное явленіе: люди тупые и ограниченные часто импонируютъ своей волей людямъ растеряннымъ, нервнымъ и слабовольнымъ хотя и стоящимъ неизмѣримо выше по своему уму и дарованію.

Гоголь былъ именно такой развинченной, неврастеничной натурой, жаждущей указки.

Уже первая встрѣча съ о. Матвѣемъ характерна и для Гоголя и для Ржевскаго Саванаролы въ русской передѣлкѣ.

Гоголя представляютъ о. Матвѣю.

Отецъ Матвѣй строго и вопросительно оглядываетъ Гоголя:

— Вы какого будете вѣроисповѣданія?

Гоголь недоумѣваетъ.

— Разумѣется, православнаго!

— А вы не лютеранинъ?

— Нѣтъ, не лютеранинъ...

— И не католикъ?

Гоголь окончательно былъ озадаченъ:

— Да нѣтъ-же, я православный... Я—Гоголь!

— А по моему выходитъ—вы просто... свинья!! безцеремонно отвѣчаетъ о. Матвѣй. Какой вы, сударь, православный, когда не ищете благодати Божьей и не подходите подъ пастырское благословеніе. [1])

Гоголь смутился и растерялся. Обычный россійскій окрикъ—смирно, руки по швамъ, произвелъ на него неотразимое впечатлѣніе.

Я— Гоголь! пробовалъ защитить себя и свое достоин-

[1]) Ив. Щегловъ. Подвижникъ слова. СПБ. 1909. Книгоизд. „Міръ".

ство великій писатель. Но что значило для о. Матвѣя достоинство писателя. О. Матвѣй принадлежалъ къ породѣ тѣхъ православныхъ, которые, по примѣру Фотія, увѣщевавшаго кн. Голицына съ помощью брани и анаѳемъ, полагалъ, что окрикомъ все можно сдѣлать — строгость лучшій религіозный авторитетъ. И о. Матвѣй оказался правъ и побѣдилъ. Свиданіе съ Гоголемъ происходило въ домѣ оберъ-прокурора святѣйшаго синода А. П. Толстого и съ этой минуты и до своей смерти Гоголь оставался въ лапахъ россійско-византійской церковности, съ ея духомъ нетерпимости, отрицаніемъ искусства, радостей жизни, проповѣдью геенны огненной и казарменной субординаціи!

Начинается нравственная агонія Гоголя.

Несчастный писатель все болѣе и болѣе подчиняется вліянію о. Матвѣя. Ищетъ бесѣдъ съ нимъ, много молится, заказываетъ ему молебны, пишетъ длинныя письма, но видимо, безнадежно утраченныя (сталъ бы о. Матвѣй беречь письма русскаго писателя!), ведетъ съ нимъ долгія назидательныя бесѣды. Борется съ нимъ, потому что о. Матвѣй все время наступалъ на Гоголя и требовалъ отъ него все новыхъ и новыхъ жертвъ и полнаго отреченія отъ прошлаго, даже отъ литературы.

И Гоголь, смиряясь и падая духовно все ниже и ниже, сдаетъ одну за другой свои позиціи.

„Не прилѣпляйся къ земному“—вотъ грозный окрикъ невѣжественнаго іерея фанатика, вкривь и вкось толкующаго христіанство въ смыслѣ полнаго аскетизма. Литература—„земное, слѣдовательно, нужно отречься отъ нея“.

Рѣчи и посланія о. Матвѣя дѣйствовали на Гоголя потрясающе. Однажды, когда о. Матвѣй зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ обличительномъ паѳосѣ, Гоголь не выдержалъ и простоналъ: „Довольно, довольно... оставьте! Не могу болѣе слушать... слишкомъ страшно!!.“

Грудь Гоголя разрывалась отъ отчаянія. Розановъ въ своей статьѣ „Небесное и земное“ передаетъ слышанное объ одномъ такомъ разговорѣ о. Матвѣя съ Гоголемъ. Гоголь былъ въ религіозномъ экстазѣ. Гоголь уже отъ всего отрекся, отъ суеты, отъ славы, литературы; казалось, примирился съ Богомъ.

— *Нѣтъ еще примиренія, сказалъ ему о. Матвѣй,—отрекись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ*“.

Гоголь затрепеталъ, какъ ножъ вошелъ подъ ребро и дошелъ до сердца и остановился вопросомъ. А вопросъ былъ предсмертный...

Несчастный Гоголь не выдержалъ этого испытанія. Сердце разрывалось на части. Умомъ онъ былъ во власти изувѣровъ и византійщины, душою великаго художника онъ былъ на сторонѣ Пушкина. Онъ зналъ его лично, преклонялся передъ нимъ, былъ многимъ ему обязанъ.

Гоголь отступился передъ ужасомъ послѣдняго отреченія. Началась агонія Должно быть, послѣ одного изъ такихъ жестокихъ споровъ, когда Гоголь не уступалъ настояніямъ о Матвѣя, произошла ссора и о. Матвѣй уѣхалъ отъ него въ крайнемъ раздраженіи.

Но Гоголь уже раскаивался. Долго бороться онъ не могъ. Онъ пишетъ Матвѣю покаянное, смиренное посланіе, проситъ простить его, вернуть свое пастырское благословеніе, готовъ забыть имя литератора и идти въ монастырь.

Какая страшная драма разыгрывалась въ душѣ Гоголя только потому, что онъ повѣрилъ въ Матвѣя, повѣрилъ изувѣрскому толкованію христіанства, толкованію, по которому все земное объявлялось грѣхомъ и мерзостью.

Гоголь чувствовалъ, что это не такъ, онъ не могъ какъ художникъ примириться съ утвержденіемъ, что міръ—есть отрицаніе Бога Но онъ боялся смерти, боялся умереть не раскаяннымъ грѣшникомъ, а въ домѣ Толстого, оберъ-прокурора синода, онъ не находилъ ни въ комъ поддержки своимъ „грѣховнымъ“, свѣтскимъ, „языческимъ“ инстинктамъ.

Приходилось смириться передъ о. Матвѣемъ, этимъ „каменнымъ кряжемъ“ историческаго православія, по удачному выраженію Мережковскаго

И вотъ больной, покинутый, одинокій Гоголь рѣшается на послѣдній „подвигъ“, на актъ самоотреченія, или, вѣрнѣе, самоубійства. Устами о Матвѣя историческое христіанство синодальнаго типа произнесло анатему надъ всей русской литературой отъ Гоголя и Пушкина до отлученнаго Толстого и нашихъ дней...

Гоголь былъ сломленъ. На первой недѣлѣ великаго поста 1852 года въ ночь съ понедѣльника на вторникъ за девять дней до смерти и спустя три дня послѣ послѣдняго разговора съ о. Матвѣемъ Гоголь велѣлъ затопить печку, собралъ свои рукописи и бросилъ ихъ въ огонь..

Только одинъ мальчикъ,—крѣпостной мальчикъ, изъ числа тѣхъ людей, которыхъ Гоголь совѣтовалъ не учить грамотѣ, и предоставлялъ бить становымъ и исправникамъ,—возражалъ противъ этого сожженія. Какой-то инстинктъ подсказалъ представителю народа, что тамъ, въ печкѣ, гибнетъ великое народное достояніе. Въ этомъ мелкомъ и, можетъ быть, случайномъ фактѣ чувствуется что-то символическое...

Теперь для насъ ясна дѣйствительная причина смерти Гоголя: атмосфера мертвыхъ душъ, оффиціальнаго мѣщанства и грязи, близость къ Гоголю носителей отмирающихъ идей тріединной формулы—вотъ отъ чего задохся и погибъ великій писатель и нѣтъ ничего въ русской литературѣ трагичнѣе и печальнѣе его смерти. Но нѣтъ ничего радостнѣе вѣчной жизни художника въ его безсмертныхъ произведеніяхъ.

ОТЪ АВТОРА.

Со дня напечатанія на первыхъ страницахъ этой книги предисловія прошло много времени и потому послѣдовали нѣкоторыя перемѣны. Прежде всего лекція о Л. Н. Андреевѣ разрослась въ цѣлую книгу, и не войдетъ въ эту первую книгу моихъ лекцій, а напечатана отдѣльно; число лекцій, прочитанныхъ мною о Толстомъ и другихъ писателяхъ, значительно возросло, по сравненію съ цифрами, указанными въ предисловіи, также какъ и число городовъ, въ которыхъ приходилось читать эти лекціи. Только объ одномъ Л Н. Толстомъ пришлось прочесть 23 лекціи. По недосмотру поставленъ въ перечнѣ городовъ Юрьевъ и пропущенъ Кіевъ.

Засимъ по издательскимъ соображеніямъ пока выпускается первой книгой только меньшая часть моихъ публичныхъ лекцій, среди которыхъ внѣ очереди помѣщены и двѣ рѣчи о Гоголѣ, въ виду состоявшагося недавно торжества открытія въ Москвѣ памятника Гоголю.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Л. Н. Толстой	4—55
Какъ художникъ	4
Какъ мыслитель	33
А. П. Чеховъ	56—101
Общая характеристика	56
Чеховъ какъ драматургъ	81
Максимъ Горькій	102
Любовь и бракъ въ современной литературѣ	137
Гоголь какъ драматургъ	168
Смерть Гоголя	178
Оглавленіе	193
Отъ автора	194